

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ—1975

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *С. В. Лисицова, Э. Я. Алиева*

Сдано в набор 18/VII-1975 г. Подписано к печати 22/XII-1975 г. ФГ 24722. Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 5283. Тираж 3790. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. М. ЩЕРБАК

СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ И ЗАДАЧИ СОСТАВЛЕНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ *

1. Почти сто лет тому назад, в 1878 г., появился первый этимологический словарь тюркских языков, составленный Г. Вамбери¹. Хотя целью автора, по его словам², являлась этимологизация чагатайско-османского запаса слов, в действительности задачи словаря оказались более широкими и значительными, так как в число этимологизируемых вошли преимущественно общетюркские слова. Не случайно Г. Вамбери часто использовал материалы алтайского, казахского, киргизского, татарского, чувашского, якутского и других тюркских языков. Словарь охватывает значительную часть тюркской лексики, почерпнутую из разных источников, главным образом из словарей, грамматик и других соответствующих изданий. Кое-что было собрано самим автором во время его продолжительных путешествий. Этимологическое исследование осуществлялось автором на основе следующих принципов: 1) по мнению Г. Вамбери, древнейший тюркский корнеслов (resp. корнеслог — «Stammsilbe»)³ состоял из трех звуков; «двухзвучный» корнеслов — более поздняя, вторичная разновидность, что позволяет объединить такие слова, как аү 'сеть' и баү 'завязка', и считать исходной формой слова ал 'низ' — tal, слова аш- 'есть' — каш-, слова аш- 'открывать' — шащ-, щещ- и т. д.; 2) поскольку изменения гласных в пределах одного языка или одной языковой группы не велики и не создают препятствий для сближения и отождествления слов, основное внимание следует уделять согласным⁴; 3) согласные образуют ряды разнообразных звуковых соответствий: на месте анлаутного j огузских языков в якутском языке выступает s, а конечные s, š, z, ž чередуются отчасти друг с другом и отчасти с t, d, č. Это означает, что у каждого корнеслова несколько вариантов, ср. ас, аз, ат, ај, аү, ау 'открывать', 'ясный', 'пустой', 'голодный'; ак, ек, аү, ај, еј 'белый', 'серый', 'седой', 'серебро', 'луна'; аs, аз, аš, us, јas, јaz 'внизу', 'маленький', 'мало', 'убывать', 'недоставать', 'отсутствовать', 'заблуждаться', 'причинять вред'.

* В основу статьи положен текст доклада автора на конференции по тюркской лексикографии, состоявшейся в Москве 17—19 марта 1975 г.

¹ H. Vambéry. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

² Там же, стр. XXIV.

³ Там же, стр. XIII.

⁴ Там же, стр. XIV.

Г. Вамбери проделал большую работу, выделил значительное количество этимологических корневых единиц (около 250), однако даже с точки зрения использования тех материалов, которыми располагала тюркология к концу семидесятих годов прошлого столетия, его словарь во многом оставлял желать лучшего. Поэтому не удивительно, что он не оказал ощутимого влияния на последующий ход этимологических разысканий. Главнейший недостаток этого словаря — отсутствие теоретической основы. Конечно, оценивая словарь Г. Вамбери, мы не должны быть чрезмерно строгими: в конце прошлого столетия сравнительная тюркология делала первые шаги, не было четкого представления о закономерностях фонетических соответствий между разными тюркскими языками, не существовало исторической фонетики. Единственно доступным способом ведения этимологического поиска являлось произвольное сопоставление, опирающееся на внешнее сходство и на частные соображения. Принимая во внимание сказанное, Г. Вамбери можно упрекнуть лишь в поспешности выполнения сложной и ответственной задачи. О преждевременности предпринятого им труда свидетельствует, в частности, то, что следующий этимологический словарь тюркских языков, составленный М. Рясаненом⁵, появился в 1969 г., спустя почти сто лет после выхода первого.

Словарь М. Рясанена заметно отличается от словаря Г. Вамбери как по объему, так и по уровню производимых в нем сопоставлений. Несмотря на ограниченность лексического материала, М. Рясанен написал полезную работу и внес значительный вклад в тюркологию. Тем не менее и его словарь не лишен серьезных недостатков: содержанием словарной статьи является, как правило, перечень фонетических разновидностей слова; почти полностью отсутствует библиографический раздел с обзором толкований этимологизируемых слов; в словнике преобладают слова, имеющие узкую сферу распространения и являющиеся относительно поздними заимствованиями из арабского, персидского, монгольских, кавказских, финно-угорских и других языков. Что касается реконструкций, то часть их вызывает определенные возражения, например: *hač- 'открывать', *hadug- 'отделять', 'различать', *āf 'мало', *aŋač 'дерево', *aγuŋ 'рот', *(h)āγuγ 'пчела', *el'- 'слышать', *edār 'седло', *rāŋa 'ладонь', *yduk 'священный', *kāf 'гусь', *kūf 'девочка', *kīl 'соболь'. Неудачны отдельные этимологии. Туркменское ādaš- 'заблуждаться' рассматривается как форма возвратного (!) залога от alda- 'обманывать' (al 'обман', -da — аффикс отыменного словообразования глаголов). Чувашское nezël 'потомство' (< ар. نسل nāsī) ставится в один ряд с турецким pasyl 'как', 'что за, какой', образовавшимся из сочетания тюркского вопросительного местоимения ne и арабского существительного أصل ašl 'основа, корень'. Среднетюркское āšāk 'осел' М. Рясанен разлагает на āš (< *eš) 'товарищ' и -(g)āk — аффикс уменьшительности, а турецкое borsuk 'барсук' — на bog 'серый' и аффикс -suk, тогда как в турецком и других тюркских языках в указанном значении встречается не bog, а boz. Реконструируя праформу древнетюркского koγašun 'свинец' в виде *koγalčun, М. Рясанен относит это слово к числу заимствований из монгольских языков. Между тем праформа *koγalčun может быть восстановлена лишь на основе материалов тех тюркских языков, которые подверглись сильному монгольскому влиянию.

⁵ М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, XVI+533 стр.

Этимологическим назван также словарь Дж. Клосона, в который включены слова, засвидетельствованные в старописьменных памятниках тюркских языков в период до XIII в. Фактически и по замыслу самого автора это — исторический словарь с элементами этимологической разработки и с расположением слов, способствующим раскрытию их морфологической структуры⁶.

О нынешнем состоянии работы над этимологическими словарями тюркских языков невозможно судить без учета того, что сделано в этой области за последние годы в Советском Союзе. Продолжительная и интенсивная собирательская работа, связанная с составлением нормативных и диалектных словарей, и непрерывно углубляющиеся исследования лексики явились важной предпосылкой для развертывания подготовительной работы. О том, как наметился подход к этимологической теме, с исчерпывающей ясностью говорится в статье Э. В. Севортыяна: «Направление и ход исследований в области лексикологии, — отмечает он, — подводили Н. К. Дмитриева к идее труда, в котором было бы суммировано все главное, что могла сказать современная тюркология о тюркском словаре в его целом. Ученый ясно видел очертания этого труда и шел к нему — к этимологическому словарю тюркских языков»⁷.

Как известно, самому Н. К. Дмитриеву не удалось претворить в жизнь идею создания этимологического словаря. Однако эта задача продолжала стоять на повестке дня и после его смерти и благодаря усилиям его ближайших коллег получила широкую поддержку как в Институте языкознания Академии наук СССР, так и вне его. Здесь уместно подчеркнуть, что Э. В. Севортыян, взявший на себя труд реализовать эту идею, приступил к работе над словарем, уже будучи крупным специалистом-тюркологом и имея почти сорокалетний опыт исследователя.

В настоящее время работа Э. В. Севортыяна над этимологическим словарем перешла в стадию завершения. Первый том уже издан, а остальные два должны появиться в течение ближайших пяти-шести лет. Несомненно, этот словарь, охватывающий все доступные лексические материалы и составляемый с учетом достижений современной лингвистической науки, откроет новую страницу в изучении тюркской лексики и облегчит в будущем создание этимологических словарей отдельных тюркских языков. Независимо от того, какие изменения будут внесены впоследствии в толкование, а также реконструкции тех или иных слов, словарь Э. В. Севортыяна на долгие годы станет настольной книгой тюркологов и войдет в историю тюркологии как одно из выдающихся собитий.

2. Переходя к конкретным вопросам и задачам составления этимологических словарей тюркских языков, нужно сразу же отметить наличие тесной связи между этимологическими разысканиями и исследованиями в области сравнительной фонетики и морфологии. Уровень последних предопределяет возможность выяснения «морфо-семантического состава и языковой принадлежности (происхождения) этимологически затемненных, преимущественно неоднословных основ», степень достоверности реконструкции древнего фонетического состояния основ и, отчасти, входящих в них морфем⁸, успех или неудачу в установлении грамматической природы первичных корней.

⁶ См.: А. М. Щербак. Рец. [на кн.: Sir Gerard Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish]. — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 108—110.

⁷ Э. В. Севортыян. Н. К. Дмитриев и историческая тюркология. — «Вопросы языкознания», 1974, № 6, стр. 136.

⁸ См.: Э. В. Севортыян. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — «Вопросы языкознания», 1971, № 6, стр. 74.

На вопрос о том, каким должен быть хороший этимологический словарь, даются далеко не совпадающие ответы, причем расхождения во мнениях касаются не только глубины и характера реконструкций, но и подхода к выбору источников, к определению принципов построения словарной статьи.

2. 1. Проблема глубины, обычный путь решения которой ассоциируется с установлением «предельно достижимого древнего фонетического облика слова», для тюркологов имеет особое значение в связи с существованием алтайской гипотезы. От её оценки и отношения к ней зависят размеры учета тюркологами некоторых структурно-фонетических особенностей монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, относимых в традиционной алтаистике к числу наиболее архаичных. Так, М. Ряснен восстанавливает тюркские праформы, по существу, с позиций алтаиста,

ср. *(h)ä:r(ä) 'мужчина', *äkiŋ 'близнецы', *rāŋa 'ладонь'. Г. Дёрфер, изложивший свои размышления об идеальном тюркском этимологическом словаре в специальной статье⁹, пользуется преимущественно тюркскими материалами, хотя многие из предлагаемых им праформ, например *daŋu 'шуба', *rat 'лошадь', восстановлены с опорой на монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, в которых наличие соответствующих фактов он объясняет их ранними контактами с тюркскими языками¹⁰. Реконструкции Э. В. Севортяна носят чисто тюркский характер. Касаясь, например, традиционного спора алтаистов по поводу соотносительной древности односложных и двусложных корней-основ (ср. kök и köke), Э. В. Севортян указывает, что большая древность второго, то есть монгольского, типа не подтверждается результатами исследования¹¹ и что «... двусложные монгольские основы, корневая часть которых совпадает с тюркскими односложными корнями, можно было бы рассматривать в качестве производных, образовавшихся от односложных глагольно-именных омоформ»¹².

О характере реконструкций можно говорить долго, и нерешенных или неокончательно решенных проблем здесь множество. Выделим лишь наиболее важные из них.

Чаще всего исследователь-этимолог сталкивается с трудностями восстановления просодической стороны. В последние десятилетия следы древнего количественного разграничения гласных были обнаружены во многих тюркских языках. Появились новые доказательства его общетюркской природы, вследствие чего обозначение первичной долготы в реконструируемых праформах стало совершенно необходимым.

Другая проблема, примыкающая к предыдущей, — число количественных градаций гласных в тюркском праязыке: две или, как утверждает Г. Дёрфер, ссылаясь на материалы халаджского языка и диван Махмуда Кашгари, — три, ср. *rat 'лошадь' (краткий), *bāš 'голова' (простой долгий) и *ât 'имя' (дифтонгический долгий)¹³. Гипотеза Г. Дёрфера нуждается в тщательной проверке, тем более что аргументы, приводившиеся в пользу нее до сих пор, не убедительны. Нельзя согласиться с интерпретацией «выписанных» гласных непременно как дол-

⁹ G. Doerfer. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen Etymologischen Wörterbuchs. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 9/10. Berlin, 1971, стр. 440—441. Здесь и ниже приводятся этимологии и из другой работы Г. Дёрфера: Khalaj Materials. Uralic and Altaic Series, 115. Bloomington, 1971.

¹⁰ G. Doerfer. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 7/8. Berlin, 1971, стр. 333—334.

¹¹ Э. В. Севортян. Об «Этимологическом словаре тюркских языков», стр. 86.

¹² Там же, стр. 84.

¹³ G. Doerfer. Khalaj Materials, стр. 155, 158, 234, 261, 262.

гих, ср. باش = bāš 'голова', и с тем, что в современных тюркских языках имеются факты, указывающие на трехчленность пратюркской количественной оппозиции гласных. Неоднократное подчеркивание Г. Дёрфером тенденции к сокращению долготы гласных в халаджском языке даже в ударной позиции настораживает и заставляет задуматься над тем, не отнесены ли им к фонологическим и чисто фонетические различия.

Давно ждет окончательного решения проблема ламбдаизма-ротацизма, которая лишь в упрощенном толковании сводится к тому, являлись ли ламбдаизм и ротацизм в чувашском языке первичными, исконными, или же развились вследствие изменения общетюркских *š* и *z* в особых фонетических условиях в *l* и *r*. При более глубоком подходе оказывается, что явление ламбдаизма-ротацизма очень сложная проблема и что решать ее надо в фонологическом аспекте: в чувашском языке наряду с *l* и *r*, соответствующими *š* и *z* других тюркских языков, есть *l* и *r*, которым в последних соответствуют не *š* и *z*, а *l* и *r*.

Следующая проблема имеет отношение к анлауту. Суть ее заключается в том, что о природе эпизодически выступающих начальных *w* (*v*), *h*, *j* высказаны два разных мнения: 1) начальные *w* (*v*), *h*, *j* — протетические согласные, появившиеся в отдельных тюркских языках в период их обособленного развития; 2) начальные *w* (*v*), *h*, *j* — отражения общетюркских архетипов.

Наглядное представление об актуальности перечисленных проблем и о размерах расхождений между различными вариантами их решения дает сопоставительный обзор пратюркских реконструкций из словарей М. Рясенена и Э. В. Севортыяна и из упомянутых выше работ Г. Дёрфера, ср.:

		тур. агу 'пчела'
у М. Рясенена	—	* <i>(h)āgū</i> ,
у Г. Дёрфера	—	* <i>rāgū</i> ,
у Э. В. Севортыяна	—	* <i>āgū</i> (возможно, из * <i>aŋagū</i>);
		тур. az 'мало'.
у М. Рясенена	—	* <i>āf</i> ,
у Э. В. Севортыяна	—	* <i>āz</i> ;
		тур. аҫ 'дерево'
у М. Рясенена	—	* <i>aŋač</i> ,
у Г. Дёрфера	—	<i>riēgāč</i> ;
		тур. аҫак 'нога'
у М. Рясенена	—	* <i>ađak</i> ,
у Г. Дёрфера	—	* <i>pađāk</i> (~* <i>padāk</i>),
у Э. В. Севортыяна	—	<i>ađak</i> (от * <i>aj-/*ad-</i>).

В морфологии больше всего неясностей в вопросе о том, насколько оправдано членение основ, являющихся с точки зрения современного состояния тюркских языков неразложимыми. Так, ст.-узб. *sup-* 'тянуть, протягивать (о руке, ноге, шее)' легко поддается членению на две морфемы: *si-* и *-n*, так как в древнетюркском языке основа *sup-* встречается и без *n*. Более сложный случай — тув. *tön-* 'кончаться' и *töt-* 'кончать', недавно получивший удовлетворительное объяснение в статье Б. И. Татаринцева: *tön-* < *tökän-*, *töt-* < *tökät-*¹⁴. Еще сложнее обстоит дело с та-

¹⁴ Б. И. Татаринцев. Характер изменений звукового комплекса с интервокальным *k* в тувинском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 23.

кими словами, как туркм. *jāy* 'масло, жир', *e-* 'делать', *γat-* 'присоединять, примешивать', *ja-* 'гореть'. Пока было бы излишне смелым видеть в каждом из них сочетание нескольких морфем (*jā-* и *-γ*, *e-* и *-t*, *γa-* и *-t*, *ja-* и *-n*), однако не исключено, что в будущем положение изменится.

Определенные трудности вытекают из необходимости выделения синкретичных, глагольно-именных, корней. Большинство тюркологов положительно отнеслось к мнению П. М. Мелиоранского о том, что «... в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецком языке (resp. в тюркских языках. — А. Щ.), как теперь»¹⁵ и что, следовательно, глагольно-именная омонимия не результат относительно позднего преобразования корней, а реликт «первобытной» недифференцированности имени и глагола. Объединение именных и глагольных основ неизбежно ведет к частичному пересмотру смысловой стороны реконструированных праформ. Возьмем, например, глагол **kok-* 'тлеть, обугливаться', 'тлеть, разлагаться', 'плохо пахнуть'. При объединении с ним существительного **kok* 'пыль, пепел, прах' у этого последнего, вероятно, будет выделено еще одно значение — «нечисть, нечто смердящее».

Совершенно особое и относительно самостоятельное направление этимологических исследований — семантические реконструкции, не имеющие до сих пор солидной теоретической основы и производимые без тщательно разработанной методики. Целостную картину того, что предстоит сделать в этом направлении, нарисовать пока трудно. Ограничимся указанием на важность и обязательность строгой семантической квалификации восстанавливаемых праформ.

Известно, что одна из основных линий эволюции семантики слова заключается в постепенном переходе от более конкретных к менее конкретным значениям. Даже из сопоставления данных современных языков следует, что общетюркские глаголы *oltur- ~ otur-* и *kōp- ~ kop-*, эпизодически выступающие в качестве синонимов, вначале были настолько разграничены, что не имели никаких точек соприкосновения в семантике: оба они передавали очень узкие, конкретные значения. Не менее очевидна предельная конкретность первоначальных значений общетюркских глаголов *bi:p- ~ bip- ~ mip- ~ mīp-* («садиться верхом»), *keč- ~ geč-* («переправляться через воду»), *āš- ~ aš-* («переходить через возвышенное место, переваливать»). Вместе с тем есть много слов, о наличии у которых в прошлом более конкретных значений можно лишь догадываться. Например, восстанавливаемое в порядке предположения исходное значение слова *āl ~ el* 'рука' — «кисть руки», слова *kāp- ~ kap-* 'удовлетворяться' — «утолять жажду», слова *kō:j- ~ kō:p- ~ kōj- ~ gōj-* 'гореть' — «киснуть, бродить» и т. д.

2, 2. Большую роль при составлении этимологических словарей играет выбор источников. На первый взгляд, эта задача кажется предельно ясной: надо привлекать любые источники, и чем больше их, тем шире удастся охватить лексический материал, его фонетическое и морфологическое многообразие. Однако, по мере углубления в детали, появляются неясности. Возникает необходимость в решении ряда принципиальных вопросов: каким тюркским языкам отдать предпочтение при реконструкции праформ, как оценивать показания старописьменных памятников, правомерно ли пользоваться материалами нетюркских языков.

¹⁵ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Тегина. — ЗВОРАО, XII, вып. II—III, СПб., 1899, стр. 98.

Подразделение тюркских языков на древние и новые при выборе источников не отражает действительного положения вещей. Явное заблуждение — приписывать при реконструкции древнейшего состояния тюркских корней фактам какого-либо одного языка (чувашского, якутского или халаджского) решающую роль. Каждый из тюркских языков и диалектов, древних и современных, содержит факты, являющиеся важными для тех или иных реконструкций, и чем менее субъективной будет оценка этих фактов, тем больший успех выпадет на долю исследователя.

Далее остановимся на вопросе о текстах, написанных брахми, и о целесообразности привлечения в качестве одного из источников этимологических исследований тюркизмов славянских, финно-угорских и других языков.

Для брахми характерна избыточность средств передачи гласных, что имело следствием обозначение ряда чисто фонетических оттенков. Поэтому ссылка некоторых тюркологов на брахми-тексты с целью обоснования реконструкции дополнительных гласных в системе вокализма тюркского праязыка не убедительна. Надо также иметь в виду, что в данной группе текстов, как и в любой другой, отразился не общетюркский язык, а один из древних тюркских диалектов.

Тюркизмы, обнаруживаемые в славянских, финно-угорских и других языках, могут использоваться как вспомогательный материал, облегчающий выделение утраченных значений. Обращение же к ним для уточнения фонетических реконструкций сопряжено с большим риском: заимствование — сложный процесс, в ходе которого слово попадает в разные диалектные и социальные среды и нередко несет на себе печать многократного приспособления к структурным и фонетическим особенностям заимствующего языка. Безусловно, имеются случаи, когда старые заимствования сохраняют звуковой состав и фонетическую структуру своих прототипов, однако у нас нет и никогда не будет точных данных относительно подобных случаев.

2, 3. Принципы построения словарной статьи в этимологических словарях, в общем, хорошо разработаны. В применении к тюркским языкам они подробно обсуждены и изложены в одном из разделов введения к словарю Э. В. Севортяна. Здесь споры ведутся главным образом по вопросу о том, в каком месте словарной статьи целесообразнее приводить реконструированную праформу. Многие праформы по своему внешнему облику оказываются далекими от привычных, хорошо известных тюркологам форм современных и древних тюркских языков, и помещение их в начале статей, как это сделано у М. Рясянена, затрудняет пользование словарем. В самом деле, не каждый лингвист и даже не каждый тюрколог знает, что праформа туркменского *āč* 'голодный' восстанавливается в виде **ēč*[^] (Г. Дёрфер), праформа киргизского *otuz* 'тридцать' — в виде **pottaz* (Г. Дёрфер), а праформа узбекского *ešit* 'слышать' — в виде *eš*-<**el*'- (М. Рясянен), **eš*- (Э. В. Севортян) или **ešād*- (Г. Дёрфер) и т. д.

3. В заключение остановимся на задаче составления этимологических словарей отдельных тюркских языков. Пока в нашем распоряжении два таких словаря: словарь чувашского¹⁶ и словарь казахского языков¹⁷. Будучи первым и бесполезным опытом, эти словари не во всем отвечают высоким научным требованиям.

¹⁶ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

¹⁷ См.: Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966.

Результативность последующих попыток будет всецело зависеть от подготовки специалистов, владеющих приемами этимологического исследования, ориентированных в вопросах сравнительной фонетики и морфологии, знакомых с историей конкретных языков. Без освоения сравнительного метода и принципов исторического языкознания этимологические поиски могут свестись к поверхностным сближениям звуковой и смысловой сторон слов¹⁸ и в конечном итоге будут обречены на неудачу.

Обязательным условием создания хороших этимологических словарей отдельных тюркских языков является, кроме того, глубокое знание ареальной ситуации, складывавшейся вокруг них в разные периоды. Известно, какую роль в истории якутского языка сыграли монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, в истории чувашского — финно-угорские, в истории тюркских языков Кавказа и Средней Азии — арабский язык, иранские и монгольские языки и т. д. Выделение и изучение языков, являвшихся источниками пополнения словарного запаса, — важный этап на пути установления прототипов тех слов, которые образуют «собственный» пласт лексики того или иного тюркского языка.

¹⁸ Ср.: А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований. Киев, 1950, стр. 6, 51.

Д. Х. БАЗАРОВА

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ

Развитие тюркской лексикологии в последние годы приводит к необходимости исследования различных лексических пластов, в том числе лексики, относящейся к фауне и флоре. В частности, большой интерес представляют названия птиц, возникшие в тюркских языках в разные исторические эпохи.

Настоящая статья посвящена лишь части этого обширного материала, а именно этимологии некоторых древнетюркских названий птиц, сохранившихся в большинстве случаев в современных тюркских языках.

Историко-этимологический анализ показывает, что в основе значительного числа древних названий птиц в тюркских языках лежит звукоизобразительность.

При отнесении того или иного корня (основы) в названиях птиц к звукоподражательным мы исходили из следующих методических предположений:

1. Наличие данного корня (основы) в других звукоподражательных словах, имеющих с ним определенную семантическую связь. При этом учитывалось, что звукоподражательные слова в тюркских языках отличаются многозначностью¹. [Ср., например, ккалп. *қурқылда* — 'хрюкать (о свинье)', 'квохтать (о курице)'; кирг. *кукулда* — 'гоготать (о гусе)', 'грать, каркать (о граче, вороне)', 'кудахтать (о курице)' (*Кудайбергенов, 97*); туркм. *варк-варк* — звукоподражание кваканью лягушки, воркованью голубя]².

2. Главными элементами звукоподражательного корня (основы) являются согласные фонемы, поскольку в тюркских языках нередки случаи, когда однородное звуковое явление передается в двух, иногда даже в трех вариантах, отличающихся один от другого лишь составом гласных, чем достигается различие в оттенках одного и того же звукового явления³. [Ср., например, каз. *сақ-сақ* — звукоподражание громкому смеху, *сық-сық* — сдержанному смеху (*Сарыбаев, 47*); *шаңқ ету* —

¹ Н. И. Ашмарин. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928, стр. 140.

² Иллюстрации, приводимые в работе, даются в орфографии источника, из которого они заимствованы. Остальные примеры, данные без указания источника, взяты из словарей.

³ О случаях внутренней флексии в форме чередования широких и узких гласных, наблюдающихся в глаголах и именах, в которых этим способом формально дифференцируются близкие, но не тождественные значения, см.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 433.

громкий крик, *шыңқ ету* — более умеренный крик, *шиңқ ету* — тонкий писк (Катембаева, 9)].

3. Наличие типологически сходных по изобразительности звукоподражательных корней (основ) в других, неродственных языках. Хотя звукоподражательные слова лишь приблизительно отражают или копируют природные звуки, воспринимаемые слуховым аппаратом человека, во многих случаях наблюдается значительное сходство звукоизобразительности не только в родственных, но и в неродственных языках⁴. (Ср., например, название кукушки в различных языках мира: азерб. *гугу*; англ. *cuckoo*; арм. *к'эк'и*; нан. *кэкуки*; нем. *Kuckuck*; осет. *gakkuk||gakkok; guguk*; перс. *کوکو کی*; угро-финск.-венг. *kakuk*; узб. *какку*; франц. *coucou*; эст. *käko* и др.).

Среди древнетюркских названий птиц, образованных по способу звукоизобразительности (ономатопеи), в зависимости от характера словопроизводства, можно выделить три типа слов:

I тип. К данному типу относятся названия, передающие характерный для птицы крик, пение птиц⁵; по формальной структуре они делятся на несколько подтипов:

1. Названия, образованные повторением звукоподражательного корня, передающим протяженность и динамичность изображаемого звукового явления:

tartar 'небольшая птица, похожая на горлицу' (ДТС, 539). Широко распространено в современных узбекском, татарском — *тартар* 'коростель, дергач' и башкирском — *тартай* 'коростель'. В «Этимологическом словаре тюркских языков» М. Рясенена отмечены также: саг. *tärt*; шор. *tartal*; тсл., бар. *taltar* с тем же значением (*Räsänen*, 465).

Звукоподражательный корень *тар* выделяется в узбекском названии пугалицы — *тарғоқ*, восходящем к производной звукоподражательной основе *тар-қ*⁶ и словообразующему аффиксу *-оқ*⁷. Ср. киргизскую звукоподражательную глагольную форму — *тарк-ыл-да* 'издавать неприятный, скрипучий звук', образовавшую некоторые названия птиц: *боз тарк-ыл-дак* 'рябинник', *чаар тарк-ыл-дак* 'деряба' (*Птицы Киргизии*, 206). В пользу звукоподражательного характера анализируемого названия говорит и татарская поговорка: *Тартар теленнән табар* 'Коростеля находят по голосу; дергача язык подводит'.

2. Названия, образованные повторением звукоподражательных корней, второй компонент которых подвергся фонетическим изменениям:

quyu 'лебедь' (ДТС, 464). В современных языках название в той же форме сохранилось в турецком — *kuğu*; в других тюркских языках оно подверглось различного рода фонетическим трансформациям, например: алт., кирг. *куу* (ккалп. *аққуу*), хак. *хуу* (выпадение согласного в

⁴ А. М. Газов-Гинзберг. Роль звукоизобразительных истоков в образовании семитского запаса корней. Автореф. канд. дисс. Л., 1963, стр. 6.

⁵ Еще Н. И. Ашмарин отмечал случаи перехода подражательных слов в разряд имен существительных, когда в тюркских языках пение или крик некоторых птиц становились названиями самих этих птиц (*Н. И. Ашмарин. Подражание в языках Среднего Поволжья. — «Известия Азербайджанского государственного университета», вып. 2—3, 1925, стр. 145*).

⁶ В тюркских языках весьма распространен тип подражательных корней (основ), имеющих в своем составе четыре фонемы (СГСС), из которых две конечные являются сочетаниями сонорных *л, м, н, р* со смычными глухими *к, п, т*. (Об этом см., например: М. Худайкулиев. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962, стр. 46; С. Худайбергенов. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957, стр. 45).

⁷ О словообразующем форманте *-к||-қ* в тюркских названиях птиц со звукоподражательным корнем (основой) см. ниже.

повторном слог); кумык. *къув*, туркм. *гув*, узб. *қув* ($\bar{u} \rightarrow v$); азерб. *гу||гу гушу* (выпадение повторного звукоподражательного корня).

Древнетюркское *qıvı* восходит к звукоподражанию *қу-қу*, сохранившемуся, например, в современном узбекском языке в значении подражания хлоптанью курицы и воркованью горлинки: *қуқулла* — ‘хлоптать, ворковать’, а также в уйгурском названии дикого гуся — *قو قو* (*Будагов* II, 85)

Любопытно отметить, что крик лебедя в удэйском языке также передается звукоподражанием *ку-ку* (*Горцевская*, 184), а в нанайском *ку* означает «курлыканье лебедя» (*Киле*, 14). Ср. эстонское название лебедя, которое также этимологизируется как звукоподражательное *kuigas* (*Мягер*, 7) или греческое *kyklos* с тем же значением.

3. Названия, восходящие к образным звукоподражаниям⁸, в которых парные формы выступают с отличными друг от друга звукоподражательными корнями в качестве составляющих компонентов:

kekālik||keklik ‘куропатка’ (ДТС, 295). В некоторых тюркских языках сохранилось аналогичное звукоподражание пению этой птицы, например в киргизском: *кекилик-кекилик* (*Кудайберген*, 33). Отметим, что в специальной орнитологической литературе перепевы каменной куропатки передаются в виде *каклик-каклик* или *как-калик* (ПСС IV, 159). Основным слогом в песне куропатки является первый слог — *к...к*, о чем говорит, например, наличие в туркменском и узбекском языках звукоподражательной глагольной основы *кэке-||какилла* — ‘петь (о куропатках)’, а также подражание пению каменной куропатки в узбекском языке *какри-какри* (*Кунгуров*, 10). Этот основной слог в песне куропатки лег в основу ее названия и в картвельских языках: картв., груз. *как-ав* (*Климов*, 105).

4. Названия, представляющие собой одинарные (или односоставные) формы, либо состоящие из простых звукоподражательных корней (основ), либо воспроизводящие первую часть звукоподражания крику (или пению) птицы, передаваемого обычно в виде повтора:

аη ‘птица, жир которой используется как лечебное средство’ (ДТС, 47). Название сохранилось в современном туркменском языке в форме *анк* со значением ‘огарь’ и восходит к звукоподражанию *анг-анг*, которое, например, в каракалпакском языке в форме *гаң-гаң* является подражанием гоготу гусей: *гаң қылдау* ‘гогот гусей’. [Перестановка согласных фонем, имеющая место в данном случае, — явление, довольно распространенное для звукоподражательных корней не только в тюркских, но и в других языках. Ср., например, аналогичное по звукоизобразительности подражание крику гусей в эвенкийском языке — *аң-аң-аң*; в манчжурском оно представлено в форме — *гун-ган* (*Горцевская*, 177)]. Ср. схожее по звукоизобразительности нанайское подражание гоготу гусей — *конк-конк||кōңк-кōңк* (*Киле*, 116). В современном узбекском языке *анг-анг* употребляется в качестве подражания пронзительному визгу собаки [*анг-анг қил* — ‘визжать (о собаке)’, *ангилла* — ‘визжать’. Ср. тат. *эңгелдәү* — ‘визжать, плакать, скулить’], а в туркменском с помощью данного звукоподражательного корня образована глагольная основа *аңдыр*⁹ ‘кричать, реветь (об осле)’, ‘сильно плакать (о детях)’.

⁸ Ср. образные (иногда шутливые) звукоподражания песне перепела в русском — *пить-пиль-вить* или *пить-пойдем, пить-пойдем* и в киргизском — *ит болдум, ит болдум*.

⁹ Здесь начальный согласный *г* аффикса *-гыр*, образующего глаголы от звукоподражательных корней, в результате прогрессивной ассимиляции перешло в *ң* (См.: *М. Худайкулиев*. Указ. раб., стр. 60).

Звукоподражательный корень *анг* лежит в основе и другого древнетюркского названия птицы — *аңит* 'водоплавающая птица красной окраски' (ДТС, 47), употребляющегося в современных тюркских языках преимущественно в значении «огарь» (об этом названии подробнее см. ниже).

В специальной орнитологической литературе отмечается, что огарь — «птица крикливая, на полете постоянно слышен ее громкий, гортанный крик „анк.., аанг”» (ПСС IV, 360).

qaq 'порода гусей' (ДТС, 422). Название восходит к звукоподражанию гоготу гусей — *qaq-quq* : *qaq-quq et-||qay-quy et-* 'гоготать' (ДТС, 422, 405). Ср. совр. узб. *faf-faf* — подражание гоготу гусей и *fa-филла-* 'гоготать'.

II тип. К данному типу названий относятся производные формы, образованные при помощи аффиксации от звукоподражательных корней (основ), делящихся в свою очередь на два подтипа:

1. Производные названия, образованные от повторных форм + словообразующие аффиксы:

saγzīγan||saγizγan 'сорока' (ДТС, 481). Название, вероятно, восходит к звукоподражанию *сағ-сағ* (с озвончением в повторном слове — *сағ-зағ*) + афф. *-ан*¹⁰. Ср. азерб. *сағсаған*, тур. *saksığan* 'сорока'; туркм. *зак-зак* — звукоподражание карканью вороны (*Худайкулиев*, 30); узб. *сақсақ* 'сплюшка'; туркм. *сакыр-сукур* — подражание бормотанию.

В качестве типологической параллели звукоизобразительности можно привести осетинское название сороки *зæгъунзæг||зæгъинзæг*, образованное от звукоподражательного корня *зæг* (*Абаев*, 392), или найское подражание стрекоту птиц — *сак-сак*, откуда происходит название сороки *саксай||сакси* (*саксай* буквально означает «стрекочущая») (*Куле*, 14).

Данное название в современных тюркских языках, помимо упомянутых, выступает в следующих формах: кирг. *сагызган*; ккалп. *сайысқан*; узб. *зағизғон*; уйг. *сеғизхан*; тат. *саескан*; ойр. *sanyskan*; сойонск. *sāk-san* (*Räsänen*, 396).

Название относится к тюркско-монгольским соответствиям; в монгольском языке встречается в форме *siqazaqai* (*Räsänen*, 396).

2. Производные названия, образованные от звукоподражательных корней (основ) + словообразующие аффиксы:

аңит 'водоплавающая птица красной окраски' (ДТС, 47). Данное название в несколько измененном виде сохранилось в ряде современных тюркских языков: азерб. *ангут* (ЗТЛ, 59); тур. *آنغت* [*ангит*] 'огарь' (*Будагов*, I, 102); уйг. *хангит* 'казарка'; чаг. *аңкат* 'фламинго', кумык. *haŋkut* 'цапля', хак. *āt* 'турпан', якут. *andy, annu* 'турпан' (*Räsänen*, 21).

С другой стороны, в некоторых тюркских языках данное название имеет форму, близкую к бурятскому *аңиг* 'турпан' (*Räsänen*, 21): сойонск. *аңуг* 'турпан', ойр. *аңаг* 'вид водоплавающей птицы' (*Räsänen*, 21); кирг. *аңыр* 'огарь', что дает основание отнести ее к соответствиям, восходящим к эпохе тюркско-монгольской языковой общности, и по этой причине считать ее более ранней формой по сравнению с *аңит*.

¹⁰ По-видимому, уменьшительный аффикс, отмечавшийся, например, А. Зайончковским и Э. В. Севортяном в целом ряде слов с уменьшительной семантикой (См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 172). О мертвом примененном аффиксе *-ан* см. также: А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксация. Часть I. Словообразующие аффиксы имен. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1953, стр. 22.

При таком допущении древнетюркское *aŋit* можно рассматривать в качестве производного образования от звукоподражательной¹¹ глагольной основы на *-ur* (ср. вышеприведенное туркм. *aŋŋыр* [*<aŋŋыр*] 'кричать, реветь (об осле)', 'сильно плакать (о детях)' и словообразующего аффикса *-t*¹²). (В этом плане следует обратить внимание на форму *анғирт*, употребляющуюся в современном узбекском языке со значением «огарь»).

budursin 'перепел' (ДТС, 120). Название образовано от звукоподражания *будур-будур*, встречающегося, например, в современном узбекском — *бидир-бидир* и татарском — *бытыр-бытыр* со значением «тараторить, быстро-быстро говорить» (ср. также производные формы от них: узб. *бидирла*- 'тараторить' и тат. *бытырдык* 'тараторка'), которое по составу делится на звукоподражательный корень *буд* и известный в тюркских языках структурный элемент в составе подражательных слов — *-ур*, подчеркивающий частоту повторения звука, когда один звук следует за другим¹³.

Звукоподражательный корень *б...д||п...т* в качестве основного слога присутствует в подражании песне перепела, которое, например, в киргизском и узбекском языках имеет формы: кирг. *бытбыл* (*бытбыл-ур* 'кричать (о перепеле)', *быт-быт* и *бытпылдык* (*Кудайбергенов*, 33), узб. *битбилдиқ* и в некоторых тюркских языках является самим названием перепела: башк., тат. *бытбылдык*; ойр. *патпадыл*; тув. *патпадак*; узб. диал. *питпилдиқ*, *питпилиқ*; чув. *пѣтпѣлтѣк*. Ср. также башк. *быт-ыл-да* 'лепетать'; кирг. *бытылда*- 'чирикать', 'заливаться трелью'; тат. *бытыл-бытыл килү*- 'щебетать, лепетать (о ребенке)'; туркм. *питпити* 'снегирь'.

Звукоподражательный корень *б...д||п...т* прослеживается и в изображении «бою» перепела в специальной орнитологической литературе — *подьполоть-подьполоть* (ПСС IV, 140), в русском диалектном (р. Кама) названии перепела *подполюшка* (ПСС IV, 133), в эстонских названиях этой птицы: *putpat*, *tupelup* (*Мягер*, 14). Этот же звукоподражательный корень обыгрывается и в образных, шуточных подражаниях крику перепела, например, упомянутое выше русск. *пить-пойдем*, *пить-пойдем* или кирг. *ит болдум*, *ит болдум*.

Древнетюркское название перепела *budursin* сохранилось в саг. *rüdürçün* и хак. *rudürçün||rüdürçün* (*Räsänen*, 74); в азербайджанском и турецком языках оно употребляется с несколько видоизмененной звукоподражательной основой *б...лд* — *билдирчин* (*bildirçin*) (ср. также тоб. *büldürçün*) (*Räsänen*, 74). Звукоподражательная основа *б...лд* выделяется, например, в киргизском *балдыр||былдыр||булду*, передающем звучание неясного, неотчетливого разговора, откуда *балдырак* 'человек, говорящий невнятно' (*Кудайбергенов*, 87, 89), *булдура*- 'быть неясным, неотчетливым', *булдура*- 'журчать'. Аналогично ккалп. *булдыр* 'смутный, туманный, неясный, неотчетливый'; каз. *былдыр-былдыр* — подражание звукам при неотчетливом разговоре (*Сарыбаев*, 48). Сравнение

¹¹ О звукоподражательном характере корневой части слова см. выше.

¹² В тюркологической литературе неоднократно отмечалось, что непродуктивный аффикс *-(u)t* образует имена от глагольных основ: С. *Brockelmann*. *Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens*. Leiden, 1951—1954, § 117, стр. 139; М. *Räsänen*. *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*. Helsinki, 1957, стр. 112; Э. В. *Севорган*. Указ раб., стр. 279.

¹³ А. Н. *Кононов*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 338—340; С. *Кудайбергенов*. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957, стр. 45—46; М. *Худайкулиев*. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962, стр. 55.

последнего с тат. *бытыл-бытыл* в значении подражания лепету ребенка, вышеприведенных узб. *бидир-бидир*, *бидирла-* и кирг. *былдыр||булдуур*, *булдурла-*, а также указанных выше форм названия перепела в различных тюркских языках дает основание считать возможным возникновение звукоподражательного корня *б...д||б...т* из *б...лд||б...лт* в результате выпадения *л*¹⁴.

Вторая часть в составе древнетюркского названия перепела — *сип* в качестве структурного элемента встречается во многих тюркских названиях птиц (с вариантами: *чин||чын||шин||шын*), например: древнетюрк. *balıqçin* 'белая птица, ловящая рыбу' (ДТС, 80); общетюрк. *laçin||laçun||laşun||yulaaşun||yulaşun* 'сокол'; азерб. *көкәрчин*, башк. *күгәрсен*, ккалп. *көгершин*, чув. *кавакарчын* 'голубь'; азерб. *сығырчын* 'скворец'; кирг. *баарчын* 'беркут после шестой линьки'; башк. *эберсен*, тат. *эберчен* 'горлица'; узб. *борчин* 'утица' и др. (ср. монг. *харалшын* 'бекас' и арм. *цин* 'коршун'). В тюркологической литературе существует мнение, что элемент *sin||çin||şin* когда-то означал птицу вообще¹⁵. Согласно другому мнению, *çin* в составе некоторых названий птиц (например, узб. *борчин* 'утица') является вариантом уменьшительно-ласкательного аффикса *-şin*, образующего названия женских особей некоторых используемых в домашнем хозяйстве животных (например, узб. *мегажин* 'самка кабана')¹⁶.

сёкик 'жаворонок' (ДТС, 143). М. Ряснен отмечает данную форму в турецком — *сёкик*, *сёкик* с тем же значением (*Räsänen*, 103). В чувашском — название фигурирует в форме *чакак* (диал. *чака*¹⁷) и употребляется в значении «сорока».

В структурном отношении слово делится на корень *чек* и словообразующий аффикс *-ик*¹⁸. Формант *-к||-қ* с широкими и узкими вариантами гласных (*-ак||-ақ*, *-оқ*, *-ик||-уқ*) довольно часто встречается в составе тюркских названий птиц (например, узб. *чуррак*, *ғуррак*, *булдуруқ*; диал. *ялоқ*, *ясмиқ* и др.). Корневая часть названия, по-видимому, является вариантом распространенного в тюркских названиях птиц звукоподражательного корня *ч...к*. Ср. кирг. *чак-чак* — подражание крику сороки, *чакылда-* 'стрекотать', *кара чакылдак* 'болотный лунь'; узб. *чағ-чағ* — подражание крику галки, *чағирла-* 'стрекотать, щебетать', *чиғилла-* 'щебетать (о птицах)'; чув. *чёкеç* 'ласточка'.

чагҫа 'ворон'; 'ворона' (ДТС, 426). В современных тюркских языках карканье вороны передается при помощи следующих звукоподражательных корней: *қа||ҫа* (уйг. *ҫа-ҫа* — подражание крику вороны и *қаҫа* —

¹⁴ О случаях выпадения сонанты *л* в тюркских языках см.: Н. К. Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных *р*, *л*, *н* в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. Фонетика. М., 1955, стр. 279—280; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 176.

¹⁵ Г. Касумбейли. По поводу одной этимологии у Потевни. — «Труды Института языка Академии наук Азербайджанской ССР», т. I. Баку, 1947, стр. 24.

¹⁶ А. Г. Гулямов. Указ. раб., стр. 28; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 72.

¹⁷ Т. Я. Чуркин. Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района Чувашской АССР. — «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 175.

¹⁸ Об этом примененном аффиксе с уменьшительной семантикой см.: А. Gabain. Alttürkische Grammatik mit bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch neutürkisch. Leipzig, 1950, § 57, стр. 62; М. Räsänen. Указ. раб., стр. 100; Э. В. Севортян

(Указ. раб., стр. 166, 200) различает $-(а) \frac{к}{г}$ — аффикс отглагольно-именного словообразования и $-(а) \frac{к}{г}$ — аффикс уменьшительности, которые автор считает омонимными.

вóрона; ср. подражание крику вороны в нанайском языке — *га-га* (*Горцевская*, 186); *қақ* [кирг. *как* — подражание краткому карканью вороны: *каак* — подражание длительному карканью вороны (*Жудайбергенев*, 29, 30)]. [Ср. *гаах-гаах* — крик вороны и *гаахй* — вóрона в негидальском языке (*Горцевская*, 186); ккалп. *қақылда-*, узб. *қағилла-*, уйг. *қағилди-||қақилди-* ‘каркать’; ср. подражание карканью вороны в эвенкийском языке — *как-как-как* (*Горцевская*, 184), а также название этой птицы в арабском — *قاقى*]; *қар* (узб. *қарилла-* ‘каркать’); *қарқ* (ккалп. *қарқ-қарқ* — звукоподражание крику вороны, *қарқ-ыл-да-* ‘каркать’).

Древнетюркское *qaγa* образовано от звукоподражательной основы *қарқ*+афф. *-a*¹⁹, который встречается и в других звукоподражательных названиях птиц, например: узб. *курк-а* ‘индюк’, *каркар-а* ‘цапля’; азерб. *чур-э* ‘чирок’ (ЗТЛ, 101) или вышеприведенное чув. *чак-а* ‘сорока’.

На основе вышеизложенного этимологию тюркского *kaγa*, возводящую его к *кага* ‘черный’²⁰, следует признать устаревшей.

qaγlīyač||qaγūlač ‘ласточка’ (ДТС, 426, 428). В современных тюркских языках употребляется в формах, близких к *qaγlīyač* (ккалп. *қарлығаш*, кирг. *карлыгач||кардыгач*, тат. *карлыгач*, туркм. *гарлавач*, тур. *kişlangiç*, уйг. *қалиғач||қалғач*; в узбекском подверглось фонетическим изменениям с перестановкой слогов — *қалғирғоч*), которую К. Брокельман считает уменьшительной формой от *qaγlīq*, впоследствии перешедшей в *qaγūlač* в результате метатезы²¹.

По мнению М. Худайкулиева, название ласточки в туркменском языке — *гарлавач* состоит из звукоподражательной глагольной основы *гар-ла-* (ср. *гөк гар-га||гөк гар-ла-к* ‘сизоворонка’) и аффикса *-вач*, который он выделяет в целом ряде других слов со звукоподражательными основами²². В подтверждение этого отметим, что *кар||гар* — распространенный в тюркских названиях птиц звукоподражательный корень: ккалп. *ғар-ғар* — подражание кряканью уток, *ғарқылдай-* ‘крякать’; тат. *кор-кор* — подражание клекоту, курлыканию; узб. *қарилла-* ‘каркать’, *қарқара* ‘цапля’; чув. *кур-ак* ‘грач’ (*Егоров*, 119).

Что касается словообразующего аффикса *-yač* в древнетюркском *qaγlīyač*, то это известный в тюркских языках непродуктивный аффикс, образующий имена существительные от глагольных основ²³.

Попутно следует отметить, что в сагайском языке ласточка носит название *кагаśкај*, заимствованное из монгольского *qaγaqašai* (калм. *хагаśа:*), которые М. Ряснен возводит к тюрк.-монг. *qaγa* ‘черный’+чув. *śəges* ‘ласточка’²⁴.

qīγyuj||qīγqij ‘ястреб-перепелятник’ (ДТС, 429, 446). Название относится к тюркско-монгольским соответствиям [ср. монг. *kiγqui* ‘ястреб-

¹⁹ В тюркологической литературе отмечается применный аффикс *-a* именного словообразования (см.: М. *Räsänen*. Указ. раб., стр. 91) и приглагольный аффикс *-a||-ə* именного словообразования (см.: М. *Räsänen*. Указ. раб., стр. 114; Э. В. *Севортян*. Указ. раб., стр. 263—265).

²⁰ Н. *Vámbéry*. Etymologisches Wörterbuch der türko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878, § 84; Д. С. *Сетаров*. Тюркизмы в русских названиях птиц. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 89.

²¹ С. *Brockelmann*. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1951—1954, § 11, стр. 67.

²² М. *Худайкулиев*. Указ. раб., стр. 83.

²³ Э. В. *Севортян*. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 276; А. О. *Мамедов*. Непродуктивные аффиксы, образующие имена существительные в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964, стр. 12—13.

²⁴ М. *Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969, стр. 235.

перепелятник' (*Räsänen*, 266)], а из современных тюркских языков сохранилось в узб. *қирғий*||*қийғир*, *уйғ. қурғуй*||*қирғуй* (диал. *қарғай*); чув. *хёрхи*.

Данное слово, вероятно, связано со звукоподражательной основой *к...рк*, широко распространенной в тюркских названиях птиц звукоподражательного происхождения, например: узб. *курка* 'индюшка', *курғалак* 'бормотушка', *қурқтовуқ* 'клушка'. В киргизском языке *курк-курк*, помимо карканья вороны, обозначает также звукоподражание клекоту коршуна (*Кудайбергенов*, 97); *карк-карк* — подражание курлыканию журавля, с чем связаны названия — *каркыра* или *каркырак турна* 'журавль-красавка'. В татарском языке любая птица, издающая клекот или курлыкание, может быть названа *коркылдык*.

В специальной орнитологической литературе отмечается, что в клекоте перепелятника, помимо *кик-кик-кик*, различается ясное и отрывистое *кирк-кирк-кирк* (ПСС I, 170).

Что же касается словообразующего аффикса, то он явно выделяется, например, в башкирском звукоподражательном названии цыпленка — *сип-ей*.

taqayy||*taqıyū*||*taquq* 'курица' (ДТС, 536). Название относится к тюркско-монгольским соответствиям и почти во всех современных тюркских языках выступает в вариантах, близких к древнетюркской форме *taquq* [например, азерб. *тојуқ*, кирг. *тоок*, узб. *товуқ*, туркм. *такык*; тел. *tāk* (*Räsänen*, 457)], за исключением ойр. *такаа* и тув. *дагаа*, которые ближе к монг. *тахиа*, бур.-монг. *тахья*. Поэтому нам представляется вполне оправданным этимологизировать именно форму *taquq*.

Название, вероятно, образовано от звукоподражательного корня *т...к*+аффикс *-(у)қ* (о нем см. выше). Ср. кирг. *ток-ток!* — междометие, употребляющееся для понукания кур; *тү-тү-тү!* — междометие, употребляющееся для подзывания кур (*Иманалиев*, 9); туркм. *тук-тук* — подражание звуку, издаваемому курицей-наседкой, сзывающей к себе цыплят, *дук-дук* — подражание звукам, издаваемым петухом (*Худайкулиев*, 125).

В некоторых тюркских подражательных словах и орнитонимах данный звукоподражательный корень *т...к* имеет обратный порядок следования согласных фонем *т* и *к* — *к...т*, например: кирг. *куткудук* — подражание крику петуха (*Кудайбергенов*, 33); тур. *gitgidakla-* 'кудахтать'; чув. *кйт-кйт*, *кёт-кёт* — междометие для сзывания кур, которое в древности, по мнению Л. П. Сергеева²⁵, обозначало курицу, на что указывает слово *кйтъяка* (*Ашмарин VII*, 204), употребляющееся в значении курицы (ср. чув. диал. *кйтъякла*-||*кйтikle-* 'кудахтать' (*Сергеев*, 76), а также приведенное у А. Навои *کټک* [kätäk] 'курятник' (*Боровков*, 227).

Типологическая параллель звукоизобразительности в названии курицы обнаруживается, например, в абхазско-адыгских и картвельских языках, где оно считается звукоподражательным: картв., груз. *katam* (*Климов*, 196); абхаз.-адыг. *kata*²⁶.

turna 'журавль' (ДТС, 588). В. Г. Егоров в «Этимологическом словаре чувашского языка» относит данное название к разряду звукоподражательных (*Егоров*, 239). В качестве дополнительного доказательств-

²⁵ Л. П. Сергеев. Об одной группе императивных междометий в чувашском языке. — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 49. Филология. Чебоксары, 1970, стр. 175.

²⁶ Г. А. Климов. Абхазо-адыгско-картвельские параллели. — «Этимология 1967». М., 1969, стр. 290.

ва этого можно привести также следующие данные из современных тюркских языков. В каракалпакском языке курлыканы журавлей передается звукоподражанием *тыррыў-тыррыў* (*тыррыў-тыррыў етиў* — 'курлыкать'), имеющим в татарском форму *торыйк-торыйк*. Ср. также тат. *тор-ыл-дау* — 'курлыкать, кричать (о журавлях)', в котором явно вычленяется звукоподражательный корень *т...р*.

Кроме того, можно сослаться и на специальную орнитологическую литературу, в которой отмечается, что, помимо трубного курлыканы, журавли вблизи друг от друга издают более тихие звуки — *тюрр-тюрр* (ПСС II, 130).

Данное наименование журавля М. Ряснен относит к тюркско-монгольским соответствиям [монг. *turaq* 'журавль' (*Räsänen*, 501)]; оно имеет широкое распространение во всех тюркских языках: карач., кирг., кумык., ног., ойр., тур., уйг., узб., хак. — *турна*; башк., тат. — *торна*; кирг. — *туруна*; ккалп. — *тырна*; азерб., туркм. — *дурна*; тув. — *дурьяна*; чув. диал. — *тәрна, тәрне, тёрне, тәрньа* (*Сергеев*, 124).

В древнетюркских памятниках зарегистрировано и другое название журавля *turuǰaja quš* (ДТС, 588), где *turuǰaja*, по-видимому, является образным подражанием крику журавлей (ср., например, сходные по структуре звукоподражательные названия птиц в современном узбекском языке: *каккуқуш* 'кукушка', *ҳаққуш* 'кваква', *қурқтовуқ* 'клушка', *бабақхўроз, бабақтовуқ* 'петух, курица кохинхинской породы'), в котором, так же как и в названии *turpa*, выделяется звукоподражательный корень *т...р*. Из современных тюркских языков данное название сохранилось лишь в якутском в форме *туруйа*. В «Этимологическом словаре» М. Ряснена зафиксирована любопытная форма — уйг. *turuǰaja*, сближающаяся в корневой части с кирг. *туруна*.

Что же касается аффиксальной части названия *turpa*, то имеющиеся в нашем распоряжении языковые данные не позволяют установить с достаточной точностью морфологическое строение исследуемого слова. Если принять в качестве словообразовательной параллели в названиях птиц общетюркское *budāpā||bödüpā||bedapa* и так далее, звукоподражательный корень которого *b...d* выделен выше в древнетюркском названии перепела *budursīp*, то можно допустить членение анализируемого *турна||туруна* в виде *тур-ун-а* (так же, как *бед-ан-а||бөд-үн-ә*), где *-ун* является фонетическим вариантом мертвого аффикса *-ан* (о нем см. выше) и *-а* — аффиксом, распространенным в тюркских названиях птиц звукоподражательного происхождения (о нем также см. выше).

turumtaj 'дербник' (ДТС, 589). Основа слова, по всей вероятности, также образована от звукоподражательного корня *т...р*, который достаточно ясно вычленяется в туркменском названии дербника — *турлытай* (*Дементьев*, 333). В специальной орнитологической литературе отмечается, что дербник, как и другие птицы из отряда хищных, помимо обычного клекота, в брачный период издает «трели» (ПСС I, 105).

В арабско-кыпчакском словаре А. Зайончковского данное название приведено в форме *turuntaj*²⁷; оно имеет соответствие в монгольском — *turumtai* (*Räsänen*, 501).

Возможно, что в древнетюркский период имело место народно-этимологическое подновление названия, связывающее его с *turum* 'верблюжонок' (ДТС, 589): ведь дербник — самая мелкая птица из семейства соколиных, в рисунке оперения которого преобладают характерные пе-

²⁷ A. Zajczkowski. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de l'Etat Mamelouk. Warszawa, 1954—1958.

сочные, рыжеватые и глинисто-рыжеватые тона (ПСС I, 145, 141, 147), что могло способствовать возникновению соответствующих ассоциаций. Ср., например, название рыжепоясничной ласточки в современном узбекском языке — *туяқалдиргоч*, где этот вид ласточек благодаря крупному размеру и преобладанию рыжего цвета в окраске оперения сравнивается с верблюдом.

Аффикс *-той*²⁸ с уменьшительным значением встречается и в других тюркских названиях птиц, имеющих звукоподражательную основу: башк. *тартай* 'коростель'; узб. *кўкантой* 'степная пустельга', *жигалтой* 'чеглок' и др.

В современных тюркских языках данное название сохранилось в следующих вариантах: кирг. *турумтай*, тат. *торымтай*, башк. *торомтай*, узб. *турумтой*, уйг. *турумтай*.

ügi||ühi||üki 'сова' (ДТС, 622, 623). В современных тюркских языках [ккалп. *үки*, кирг. *үкү*, узб. *укки*, уйг. *үкә*; чув. диал. *йкё||йхё* (Сергеев, 135)] употребляется в значении «филин». Название, несомненно, связано с подражанием общеизвестному «уханью» филина, которое в специальной орнитологической литературе передается как глубокое *у-ху* или *у-ху-ху* (ПСС I, 357). Как типологически сходное образование в неродственных языках можно привести название филина в эстонском языке — *иһии*, считающееся звукоподражательным (Мягер, 14).

В некоторых тюркских памятниках данный орнитоним встречается с начальным *х* — *хуки* (*Келурнаме*, л. 33б), употребительным и в лексике отдельных диалектов узбекского языка в форме *хукки* (*Кунгуров*, 17), что связано с подражанием крику филина, сохранившемуся, например, в узбекском языке — *хув-хув* (*хувхувла*- 'ухать (о филине)'). Ср. типологически схожее по звукоизобразительности название филина в эвенкийском языке — *хуму*, *хумукй*, восходящее к подражанию уханью филина *ху-ху* (*Горцевская*, 185), или в французском *hibou* (туркм. *хуви*).

В отдельных тюркских языках подражание голосу этой птицы выражается при помощи начального *б||п* ('буханье' филина), например, тур. *риһи киши* (у Л. Будагова приведена также форма *بوغو قشى*, *بوغو قشى* — I, 295). Ср. типологическую параллель в картвельских языках: картв. *вүц*, груз. *вц* (*w*) 'филин' (*Климов*, 56), а также в украинском — *пугач*, получившем народно-этимологическое осмысление по ассоциации с «пугать».

И, наконец, отметим, что словообразующий формант *-и*²⁹ выделяется и в других тюркских названиях птиц звукоподражательного происхождения, например: туркм. *жикжики* 'пеночка', *жокжокы* 'дрозд', 'дергач', *чурчури* 'саксаульная сойка', *питпити* 'снегирь' и др.

III тип. К данному типу звукоподражательных названий птиц относятся сложные наименования, образованные присоединением звукоподражательной части слова к обычному названию птицы, например, приведенное выше древнетюркское название журавля *turujaja quš* (о нем см. выше).

²⁸ Об этом непродуктивном аффиксе с уменьшительным значением см.: А. Г. Гулямов. Указ. раб., стр. 21—22; А. Н. Кононов. Указ. раб., § 153, стр. 129; Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 159.

²⁹ Э. В. Севортян рассматривает данный аффикс в качестве специфического форманта, образующего имена от подражательных основ: *мыгмыгы* 'комар, мошка' (<*мыгмыг*>); *мызмызы* 'говорящий в нос, ворчун, брюзга' (<*мызмыз*>) — Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 364.

Данный тип названия птиц встречается также в некоторых индоевропейских языках, например, нем. *riuvogel* 'сова' (<звукоподражания *ри-ри*, передающего крик совы, и *vogel* — название птицы). Подобного рода сложения находит Д. Боранич в старославянском³⁰ и Л. А. Булаховский в старославянском и русском языках³¹.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующему заключению:

Среди древнетюркских звукоподражательных названий птиц наибольшее распространение получили наименования, условно отнесенные нами ко II типу, то есть образованные при помощи аффиксации от звукоподражательных корней (основ).

В составе звукоподражательных названий этого типа широко употребляются словообразующие аффиксы с уменьшительно-ласкательным значением или со значением носителя признака, которые чаще всего являются архаическими, утратившими свою продуктивность.

Если все словообразующие аффиксы имен в тюркских языках строго дифференцируются на приименные (образующие имена только от именных основ) и приглагольные (образующие имена только от глагольных основ), то для аффиксов при звукоподражательных основах в подавляющем большинстве случаев грамматическая природа слова значения не имеет. Более того, некоторые из этих аффиксов являются специфическими, то есть образуют имена (названия птиц) только от звукоподражательных основ.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Абаев* — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958.
- Ашмарин* — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. I, XVII. Чебоксары, 1928—1950.
- Боровков* — А. К. Боровков. «Бада'и'ал-лугат». Словарь Тали' Ймāнū Гератского к сочинениям Алишера Навои, М., 1961.
- Будагов* — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, — т. I—II. СПб., 1868—1871.
- Горцевская* — В. А. Горцевская. Изобразительные слова в эвенкийском и манчжурском языках. — «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 178—189.
- ДТС* — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- Егоров* — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- ЗТЛ* — «Зоолокија терминлэри лүгэти». Баку, 1961.
- Иманалиев* — С. Иманалиев. Междометие в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1964.
- Катембаева* — Б. Ш. Катембаева. Подражательные слова в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965.
- Келурнаме* — А. Хафизова. «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 97—102.
- Киле* — Н. Б. Киле. Образные слова нанайского языка. М., 1973.
- Климов* — Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

³⁰ *Dragutin Boranic*. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Rad. Jugoslav — Akad., 178, 1909, стр. 82.

³¹ Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — «Известия АН СССР. Отделение языка и литературы», 1948, т. VII, вып. 2, стр. 115.

- Кудайбергенов* — С. Кудайбергенов. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957.
- Кунгуров* — Р. Кунгуров. Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962.
- Мягер* — М. Мягер. Эстонские названия птиц. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1963.
- ПСС* — «Птицы Советского Союза», т. I—VI. М., 1951—1954.
- Птицы Киргизии* — «Птицы Киргизии». Фрунзе, 1961.
- Сарыбаев* — Ш. Ш. Сарыбаев. Междометие в казахском языке. Алма-Ата, 1959.
- Сергеев* — Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.
- Худайкулиев* — М. Худайкулиев. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962.
- Räsänen* — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksp-rachen. Helsinki, 1969.
-

Х. Г. НИГМАТОВ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНО-ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ XI—XII ВЕКОВ

Образование и типы значения падежных форм в языке памятников караханидской эпохи подробно описаны в известных работах К. Брокельмана, М. Мансуроглу, А. М. Щербака и в специальных исследованиях Г. А. Абдурахманова, Г. Ф. Благовой, О. Б. Захаровой, Г. Қ. Кулиева, К. Махмудова, Қ. Қаримова, С. М. Муталлибова и др. Цель настоящей статьи — выявить соотношение семантического и синтаксического функционирования тюркских падежей на языковом материале «Дивану лугат-ит-тюрк», «Қутадғу билиг» и «Хибатул хакайик» с учетом диалектического характера единства противоречивых функций в языковых единицах¹.

Хотя семантическая и синтаксическая интерпретации падежей и управления различались компаративистами старшего и младшего поколений², наиболее остро этот вопрос был поставлен Е. Куриловичем³ после работ А. Гроота⁴ и Р. Якобсона⁵ и поддержан многими лингвистами⁶. Поскольку точка зрения Е. Куриловича подробно изложена в вышеуказанных работах, в частности, в упомянутом исследовании А. М. Щербака, ограничимся упоминанием о том, что под синтаксическим (или грамматическим) функционированием Е. Курилович и его последователи понимают такие случаи употребления падежа, когда падежный показатель не имеет никакой семантической значимости и является чисто синтаксическим показателем выражения подчиненности имени⁷, а под семанти-

¹ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абул-Гази-Хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, стр. 8—26; *его же*. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6, стр. 101—104; *его же*. Курс турецкой грамматики. Часть I. Л., 1975, стр. 66—97.

² См., например, высказывания Г. Пауля о подходе лингвистов старшего и младшего поколений к падежам и управлению, изложенные в *H. Paul. Deutsche Grammatik. Band III. Halle, 1919, § 192.*

³ Е. Курилович. Проблема классификации падежей. — В кн.: «Е. Курилович. Очерки по лингвистике». М., 1962.

⁴ А. W. Groot. Les oppositions dans les systemes de la Syntaxe et des cas. *Melanges de linguistique offerts a' Ch. Bally. Geneve, 1939*

⁵ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesambedeutung der russischen Kasus. — «Trautvaux du cerle linguistique de Prague», 1936, № 6, стр. 240—287.

⁶ См.: Ю. Д. Апресян. О сильном и слабом управлении. — «Вопросы языкознания», 1964, № 3; Р. Мразек. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа. — В сб.: «Sbornik praci filosoficke faculty Brnenske univrsity», 1960, год. IX; К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1963; Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6; *ее же*. Существуют ли все-таки детерминантные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2; А. М. Щербак. К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 3—11; «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, §§ 1140—1160.

⁷ Е. Курилович. Указ раб., стр. 183.

ческим (или неграмматическим, адвербиальным, наречным) — такую манифестацию падежа, когда падежный показатель, выражая подчиненность имени другому слову, сохраняет и дополнительное семантическое содержание⁸. По мнению Е. Куриловича, падежи в семантической функции никакой системы не образуют⁹.

Для установления взаимосвязи семантического и синтаксического функционирования падежей необходимо перечислить основные типы значений (функций) падежных форм в языке памятников изучаемого периода и дифференцировать позиции независимого (самостоятельного), полузависимого (полусамостоятельного) и зависимого функционирования падежей.

Позициями самостоятельного, независимого, функционирования падежей являются позиции подлежащего и сказуемого в предложении. Поскольку «предикативная группа выделяется сочинением ее членов, синтаксически равнозначных»¹⁰, то форма, в которой выступает подлежащее или сказуемое, зависит от значения самих форм, иными словами, падежная форма подлежащего и сказуемого не зависит от фактора управления, и значения падежей в этой позиции являются их самостоятельными (досинтаксическими) значениями.

Позициями полузависимого функционирования падежей являются:

а) функционирование падежной формы в качестве детерминирующего члена (объекта или обстоятельства) предложения (далее ДЧП), когда падежная словоформа не управляется глаголом (наличие глагола необязательно), а выступает как самостоятельный распространитель предложения и, формально не будучи связанной ни с одной словоформой, стоит как бы за скобками¹¹. Например, в предложениях *билигсизкэ ҳақ сөз татықсыз эрүр* (хх-55) и *мэн өзүмдин битидим битиг* (К-3147) части *ҳақ сөз татықсыз эрүр* 'правдивые слова неприятны' (ср. русск. *правда глаза колет*) и *мэн битиг битидим* 'я написал письмо' семантико-грамматически являются завершенными предложениями, а *билигсизкэ* 'невежде' и *өзүмдин* 'от себя', 'от своего имени' выступают как самостоятельные распространители предложения (детерминирующий объект), не управляемые ни одной словоформой;

б) позиция вариативного управления, когда какое-либо слово может сочетаться с другим в разных падежных формах, причем замена одной падежной формы другой, не влияя на синтаксическую функцию словоформы, придает словосочетанию (предложению) новое значение (например, *элигкэ кэлди* 'он пришел к правителю' и *элигдин кэлди* 'он пришел от правителя'; ср. также *үчкэ бир* 'за три один' и *үчтэ бир* 'один из трех', 'одна треть') или сигнализирует о дополнительных непадежных характеристиках словоформы (выражает определенность/неопределенность, указывает на принадлежность управляющего или управляемого слова к определенной части речи, на характеристику места зависимого слова — на его контактность или дистантность по отношению к управляющему слову и т. д.).

Значения падежей, не способные реализоваться в позициях подлежащего и сказуемого, но выступающие в качестве ДЧП или же при вариативном управлении, естественно, являются полусамостоятельными (падежная форма в этих позициях выступает с собственным, независи-

⁸ Е. Курилович. Указ. раб., стр. 184.

⁹ Там же, стр. 192.

¹⁰ И. И. Мещанинов. Основные виды синтаксических группировок. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XVIII, 1956, № 6, стр. 491.

¹¹ «Грамматика современного русского литературного языка», §§ 1422—1438; Н. Ю. Шведова. Упомянутые работы.

щим от управления значением, но не может реализовать данное значение в независимой позиции сказуемого или подлежащего).

Позицией зависимого функционирования падежей является их реализация в качестве (сильно- или слабо-) управляемых форм, когда та или иная группа глаголов (имен, наречий и т. д.) для полного раскрытия своего лексического значения требует словоформы в определенной падежной форме. В качестве управляемых форм могут выступать основной (далее ОП), винительный (ВП), дательный (ДП), местно-исходный (МИП), исходный (ИП) падежи. Родительный падеж (РП) выступает в зависимой функции только при именах (и причастиях), а орудный падеж (ОрП), как будет показано ниже, выступает только в качестве ДЧП и никогда не управляется глаголами.

По возможности сочетания с прямым объектом в ОП или ВП глаголы делятся на известные два класса — переходные и непереходные, а по особенностям сочетания с ДП и МИП на пять групп (см. ниже).

По типам своего значения падежи распадаются на две группы: I группа — ОП, РП, ВП; функционирование их связано с выражением значений дефинитивности и с контактным и дистантным расположением словоформы¹², и падежи II группы — ДП и МИП. Особое место занимает ОрП.

Основные функции падежей I группы можно представить в следующей таблице (см. таблицу I. Здесь и далее знаком * отмечены редкие для языка памятников функции и значения падежей).

Таблица I

№№	Функции основного падежа	Функции винительного падежа	Функции родительного падежа
I	—	Местоименное прямое дополнение	Местоименное изафетное определение
II	Контактное неопределенное прямое дополнение и изафетное определение	Контактное определенное прямое дополнение	Контактное определенное изафетное определение
IIIа	Контактное (определенное / неопределенное) прямое дополнение и изафетное определение	Дистантное (определенное / неопределенное) прямое дополнение	Дистантное (определенное / неопределенное) изафетное определение
IIIб	* Неопределенное (контактное / дистантное) прямое дополнение и изафетное определение	* Определенное (контактное / дистантное) прямое дополнение	* Определенное (контактное / дистантное) изафетное определение
IV	Подлежащее (определенное / неопределенное)	* Всякое прямое дополнение (связь имени с глаголом)	* Всякое именное изафетное определение (связь имени с именем)

Примечание к таблице.

При реализации функции IIIа определенность имени обозначается не падежной формой, а средствами семантической актуализации (см.: С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому». М., 1953; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 93; А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 6): *атаң панди* (К-1546) 'совет твоего отца', *бу қудрат изиси* (хх-10) 'тот, кто обладает таким могуществом', *эшитти...* *Айтолды оглы сөзин* (К-1234) 'когда Айтолды услышал слова своего сына'. Если же эти средства отсутствуют, имя выступает как неопределенное — *өзүңд йагутма ушақың кишиг* (К-1286) 'не приближай к себе доносчика'.

¹² См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков., стр. 97—98.

Приведенная таблица взаимоотновопоставленных функций ОП, РП и ВП, на первый взгляд, содержит немало противоречий (ср., например, функции II, IIIa, IIIб). Объясняется это многоплановым противопоставлением падежей и односторонним действием факторов определенность/неопределенность (функция IIIб) и контактность/дистантность (функция IIIa) в отрыве друг от друга. Однако при определении падежной формы прямого дополнения или изафетного определения противопоставленность ОП с РП и ВП по контактности/дистантности связи с главным словом играет в языке памятников ведущую роль (функции II, IIIa)¹³ по сравнению с противопоставлением по определенности/неопределенности¹⁴. Функция IIIб в ОП весьма редка и встречается в основном в поэтической речи (*бу қурқа тэгүрсә тапуғчы бу бэг* (К-3973) 'если бек вознесет служащего до такого звания'), а в ВП и РП полностью покрывается функцией IV, включающей и прочие функции этих падежей. Однако функция IV в языке изучаемых памятников еще не сложилась и выражает тенденцию развития оппозитивности падежей I группы; один из важнейших элементов данной оппозиции уже существует в языке памятников — в качестве единственной формы, оформляющей подлежащее, выступает ОП, но остальные сложившиеся звенья данной оппозиции в языке памятников еще отсутствуют — нет ни одного переходного глагола, который требовал бы в качестве прямого дополнения имени исключительно в ВП (безотносительно к определенности/неопределенности, контактности/дистантности, местоименности/неместоименности), и нет ни одной семантической группы имен, которая сочеталась бы с другим именем в изафете только в форме РП. Поэтому функция IV вступает с реально действующими функциями II и III в противоречие, устраняемое ослаблением роли семантических факторов в ВП и РП и все большим утверждением противопоставленности по синтаксическим признакам. Об эволюции развития системы оппозиций падежей I группы свидетельствует все большее ослабление роли факторов определенность/неопределенность, контактность/дистантность при установлении падежной формы прямого дополнения и именного изафетного определения, с чем связано оформление ВП (или РП) неопределенного контактного прямого дополнения (или изафетного определения): *сөзүг сөзләмә* (К-1285) 'не произноси слова', *өлүмүг үнутма* (К-1258) 'не забудь о смерти', *јалңуқиң нәңі* (III, 395) 'человеческое имущество', *сөзңиң өкүши нәчә* (К-990) 'где граница многословия?' (ср. ответ на этот вопрос: *өкүш сөз ул-ул* (К-991) 'многословие то, что...').

Функция I для ВП и РП (выражение местоименного прямого дополнения или изафетного определения) является единственной, в которой эти падежи не могут быть заменены ОП. В ОП противопоставление по данной функции отсутствует. Можно предполагать, что некогда оно существовало и в ОП: ОП как форма приименного или приглагольного неместоименного определителя противопоставлялся формам местоименного прямого

¹³ То же и в современном узбекском литературном языке. Ср. данные статистического исследования в работе: Т. Иноятов. Основной и винительный падежи в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973, стр. 29.

¹⁴ Это связано и с неразвитостью категории дефинитивности в тюркских языках, в которых она выступает безъядерной категорией, служащей фоном для функционирования именных категорий. Несамостоятельностью категории дефинитивности объясняется неразвитость функции IIIб.

дополнения и изафетного определителя (ВП и РП). Однако в исторически засвидетельствованном периоде развития тюркских языков этот этап противопоставления уже пройден, и функции I в ВП и РП и функции II, III в ОП являются реликтами данной противопоставленности.

Анализ функций ОП, ВП, РП позволяет заключить, что положение Е. Куриловича о синтаксической и семантической функции падежей может быть применено только к IV функции этих падежей, однако последняя в языке XI—XII вв. еще не получила окончательного оформления, а только развивалась. Что касается остальных функций этих падежей, то там семантическое (местоименность/неместоименность, определенность/неопределенность, контактность/дистантность) и синтаксическое (указание на место словоформы в предложении) существовали в неразрывном диалектическом единстве — например, во II функции ВП указывает не на определенность имени безотносительно к его роли в предложении, а на определенность имени, выступающего прямым дополнением. То же самое с контактностью/дистантностью. Однако противопоставление по контактности/дистантности — ведущее в языке рассматриваемых памятников явление более высокого порядка, чем оппозиция по определенности/неопределенности, так как в первом случае релевантным становится более абстрактный, чем семантический критерий, фактор — место зависимого члена по отношению к управляющему слову. В свою очередь, противопоставление по определенности/неопределенности стоит на более высоком уровне абстрагирования, чем местоименность/неместоименность, поэтому можно полагать, что историческое развитие падежей I группы шло от функции I к функции IV.

Кроме вышеуказанных, в каждом из падежей имеются и функции, межпадежно не противопоставленные одна другой и представляющие собой реликты прошлых эпох в каждом из этих падежей¹⁵, или же новообразования на основе определенных функций каждого падежа.

В ОП — это функции реализации в качестве различных обстоятельств и косвенных объектов (ср., например, *təŋri uzalmazıb* (I, 113) 'не стыдась бога', *kənilik qılyğly amanat kuni* (K-1697) 'тот, который совершает праведные [дела] в [эти] бранные дни'), через которые ОП связывается с так называемыми пространственными падежами. Данная функция, видимо, является реликтом. Сюда же (но как новообразование) должно быть отнесено функционирование ОП с послелогоми, когда он, собственно говоря, выступает аналитическим синонимом синтетических падежных форм в их определенных значениях.

ВП — субъектный винительный при глаголах мышления и речи, служащий для связи придаточного предложения с главным¹⁶, или как средство трансформации предложения в оборот, и субъектный винительный при понудительно-переходных глаголах, когда ВП служит средством взаимосвязи понудительно-переходного глагола с его исходной основой¹⁷.

Принципиально отличается функционирование РП как средства оформления имени (местоимения), которому что-либо принадлежит.

¹⁵ О сохранении реликтов прежних состояний в строе тюркских языков см.: С. Н. Иванов. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. — «Советская тюркология», 1973, № 6.

¹⁶ А. Н. Кононов. О некоторых типах бессоюзного сложного предложения в турецком языке. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 11.

¹⁷ Х. Г. Нигматов. Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI—XII вв. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 56—57.

Самостоятельность (несинтаксичность) данного значения доказывается тем, что РП может фигурировать в нем в качестве неизафетного определения (а), сказуемого (б) и подлежащего (в): а) *богуз тодрур ашну киши йылқының* (К-2937) 'человек сперва насытит живот (букв. горло) скота'; *мэнің тавар* (III, 79) 'мое имущество'; б) *нэ эрсэлэриг сэн төрүттүң сэниң* (К-12) 'все, что ты создал, твое'; в) *бөрінің ортақ қузғунің жігач башінде* (I, 412) 'волчье — общее, а воронье — на веточке'¹⁸.

Данное значение, несомненно древнейшее, служило фундаментом функционирования РП в качестве изафетного определения. Однако само это значение в падежную систему не входит. Здесь РП выступает как полусловообразовательная форма¹⁹.

Рассмотрим систему значений дательного (ДП) и местно-исходного (МИП) падежей. Как было сказано выше, глаголы, сочетающиеся с этими падежами, по характеру взаимоотношений их лексического значения с семантикой падежной словоформы можно подразделить на пять групп.

1. I группа — глаголы движения.

2. II группа — а) глаголы, сочетающиеся с ДП, — их лексическое значение выражает достижение определенного предела и соприкосновение с объектом типа *тэг-* 'достигать', *сүрт-* 'мазать', *ба-/бағла-* 'привязывать', *ил-* 'вешать' и т. д.; б) глаголы, сочетающиеся с МИП, обозначают полное удаление, лишение чего-либо: *сэврит-* 'опустошать', *сүзүл-/йудул-* 'очищаться' и т. д.

3. III группа — а) глаголы, сочетающиеся с ДП, выражают передачу чего-либо и предназначение (типа *бэр-* 'давать', *артут қыл-* 'преподнести'); глаголы целенаправленного действия (*ал-* 'брать', *анун-* 'готовиться'); глаголы подражания и уподобления (*йаңза-* 'уподоблять', *тэңэ-* 'приравнять', *өткун-* 'подражать'); глаголы включения и причисления (*қош-* 'прибавлять', *қат-* 'мешать' и др.); глаголы речи, глаголы результативного действия (типа *йаз-* 'писать', *төрүт-* 'творить') и множество других; б) сочетающиеся с МИП — глаголы выделения и различения (*чықар-* 'вынимать', *адыр-* 'различать'); глаголы становления, возникновения, происхождения [типа *кэл-* (только в значении) 'исходить', 'возникать'; *туғ-* 'рождаться', *бол-* 'становиться']; глаголы познания, узнавания и приобретения (*бил-* 'узнавать', *ал-* 'брать') и множество других²⁰.

4. IV группа — а) глаголы, сочетающиеся с ДП, — глаголы со значением соучастия/помощи и понудительности/каузативности²¹, понудительного и взаимно-совместного залогов и отдельные глаголы, лексическое значение которых предполагает взаимодействие субъектов — типа *кэңэ-* 'советоваться'; б) глаголы, сочетающиеся с МИП, — очень редко глаголы страдательного залога.

5. V группа — а) глаголы, сочетающиеся с ДП, — это значительное количество непереходных глаголов, обозначающих различные эмоциональные состояния, душевные переживания, верования и убеждения (типа *иймән-* 'стесняться', *қадғур-* 'горевать', *илән-* 'обижаться', *сэвин-*

¹⁸ Махмуд Кашгари следующим образом комментирует эту пословицу: «Волк делит свою добычу с вороном, но ворон ест свою добычу на веточке» (I, 412).

¹⁹ Ср.: И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе, 1938, стр. 23.

²⁰ К I, II, III группам глаголов, сочетающихся с ДП и МИП, относится чрезвычайно большое количество глаголов. Внутренняя классификация их может стать объектом специального исследования, посвященного семантическим группам глаголов и их валентности.

²¹ См.: А. W. Groot. Указ. раб.

‘радоваться’, *умун-* ‘надеяться’, *бут-/тапын-/сығын-* ‘верить’, *йүкүн-* ‘поклоняться’ и т. д.); глаголы утаивания (типа *кэзлә-* ‘прятать’); фразеологизмы аналогичного содержания (типа *ағзы/боғзы қуры-* ‘жаждать’, *көңул сув ич-/көңул сағ бол-* ‘радоваться’ и др.).

Глаголы V группы, сочетающиеся с МИП, в языке анализируемых памятников еще не сложились в особую группу.

В отличие от глаголов I—IV групп, не поддающихся исчислению и охватывающих большие лексико-семантические классы глаголов, глаголы V группы могут быть перечислены.

Основные типы значения ДП и МИП в языке изучаемых памятников и позиции реализации каждого типа значения представлены в таблице 2 (позиции реализации обозначены сокращениями — *сказ.* — «в позиции сказуемого», *ДЧП* — «в позиции детерминирующего члена предложения», *слов.* — «в составе именных словосочетаний», *I, II, III, IV, V гр.* — «в качестве объектов при соответствующей группе глаголов и при именах, образованных от этих глаголов»).

Как видно из таблицы 2, I тип значений ДП и МИП совпадает, и при выражении локализации/сосредоточения афф. *-да/-та* может быть заменен функционально аффиксом *-ға/-қа*. Во всех остальных значениях МИП аффиксы *-да/-та* и *-дын/-дан* взаимозаменяемы.

Поскольку приведенные в таблице 2 типы значения этих падежей подробно описаны и интерпретированы с точки зрения единства противоположных значений в тюркских падежах С. Н. Ивановым²², мы ограничимся рассмотрением взаимоотношения семантических и синтаксических сторон в каждом типе значений.

I тип значений этих падежей реализуется в самостоятельной и полусамостоятельной позициях и может быть отнесен к наречным значениям. В этой позиции ДП и МИП заменяемы наречиями.

II тип — конкретно-обстоятельственные значения, которые, хотя и относятся к типу пространственных значений и имеют некоторый наречный характер, отличаются от первого типа значений большей абстрактностью, реализуются только в позиции ДЧП [*көккә сағурса* (II, 85) ‘если плевать на небо’], а при глаголах I группы дополняют, уточняют лексическое значение глагола (ср.: *элигкә кәлди* ‘он пришел к правителю’ и *элигдин кәлди* ‘он пришел от правителя’). Обстоятельственное дополнение (очень удачный термин, предложенный А. Н. Кононовым²³ и вскрывающий подлинную природу объектов при глаголах I группы) связано с глаголом весьма слабо, и эта связь зависит не от управления глагола, а от содержания высказывания. Иначе говоря, здесь падежная форма сепаратизована. Однако данный тип значения самостоятельно (то есть в позиции сказуемого) реализоваться не может. Следовательно, падежное значение уточняется лексическим значением глагола, а значение глагола — семантикой падежа (ср.: *эвкә чық-* и *эвдин чық-*). Здесь наиболее отчетливо проявляются диалектика свободной связи падежной формы с управляющим словом и их взаимная зависимость, что особенно хорошо прослеживается в предельных словосочетаниях — *туғардын батарқа* (K-3644) ‘от восхода до заката’, *бир эрдин бир эркә* (X-160) ‘от одного мужчины до другого’, где ни *-дын*, ни *-қа* не предполагают друг друга, но отдельно существовать в таких сочетаниях не могут.

III тип значений реализуется только при глаголах II группы и представляет собой некоторую большую степень объективации конкретно-

²² С. Н. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм., стр. 101—109; *его же*. Родословное древо тюрков., стр. 73—92.

²³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка., § 122.

Таблица 2

№№	Типы значений дательного падежа	Типы значений местно-исходного падежа	Позиции реализации
I	Локализация/сосредоточение во времени, месте (предмете, явлении)	Локализация/сосредоточение во времени, месте (предмете, явлении)	Сказ.; ДЧП
IIa	Предельно-направительные	Исходно-направительные, трансобъектные	ДЧП; I гр.
IIб	Конечный пункт (<i>тугардын батарқа</i>)	Начальный пункт (<i>тугардын батарқа</i>)	Слов.
III	Касаемый (затрагиваемый) объект	Удаляемый (изымаемый) объект	II группа
IVa	Адресатные (объект-адресат; объект, к которому что-либо прибавляется; объект, по отношению к которому проявляется признак)	Выделительные (объект-источник; объект, из которого что-либо изымается; объект-орудие и т. д.)	* Сказ.; ДЧП III группа
IVб	Адресатные (<i>малга қул</i>)	Выделительные (<i>онда бир</i>)	Слов.
IVв	Целевые	Причинные	ДЧП
V	Субъектное	* Субъектное	IV группа; (в ДП также и ДЧП)
VIa	* Источнико-причинные (объект-источник; объект-исходный пункт; объект-орудие; эквивалентный объект; обстоятельство причины)	* Направительные (местоприложения действия; объект, по отношению к которому проявляется признак)	ДЧП
VIб	Нерасчлененные источнико-причинно-орудные	нет	V группы
VII	Эквивалентностные (<i>биркә үч</i>)	Неэквивалентностные (<i>мәниндә жафачы</i>)	Слов.

обстоятельственных значений — *ол јармақиф ташқа сјртти* (III, 432) 'он потер монету о камень', *көңул булғануқдын сүзүлсә* (К-5527) 'чтобы душа освободилась от волнений'. При этих глаголах падежная форма сохраняет оттенки обстоятельственного значения, однако лексическое значение глагола требует косвенного объекта, затрагиваемого действием (или удаляемого), пространственные (место соприкосновения/направления и источник удаления) и объектные значения сосуществуют нерасчлененно.

IVa тип значений (конкретно-объектные значения) этих падежей является наиболее употребительным. В этих значениях ДП и МИП выступают объектами при самой обширной, III группе глаголов. Связь падежной формы с глаголом носит согласовательный характер, так как, с одной стороны, эти глаголы для раскрытия своего лексического значения требуют косвенного объекта в ДП или МИП, но, с другой стороны, падежная форма сохраняет собственные адресатные и выделительные значения — *мән артут қылайын шахымға аны* (хх-21) 'чтобы я преподнес ее моему шаху'; *билигтин айур мән* (хх-41) 'я буду говорить о знании'. Возможность манифестации данных типов значений в позициях сказуемого (а) и детерминирующего члена предложения (б), то есть в самостоятельных и полусамостоятельных позициях, свидетельствует о том, что эти значения не возникают в позиции объектов при глаголах III группы, а падежная форма при этих глаголах реализует свои собственные значения: а) *йаруқлуқ адынқа турур* (К-5058) 'свет для других'; *байаттын турур... аның тақдыры* (К-3310) 'его судьба (исходит) от бога'; б) *қакимларкә билги асығ қылмады* (К-1184) 'мудрецам от их знания пользы не было', *мән озүмдин битидим битиг* (К-3147) 'я написал письмо от своего имени'.

IVб тип значений существенно не отличается от IVa типа и представляет собой реализацию этих значений при отдельных именах для выражения отнесенности (ДП) и для обозначения партитивно-выделительных отношений (МИП) — *улуғлуққа көрк* (К-88) 'украшение к величию'; *миллатқа таж* (К-86) 'венец нации', *илигләрдә қутлуғ* (хх-126) '(самая) счастливая из (всех) рук', *өкүштә талу* (К-2564) 'лучший (избранный) из многих'. Связь компонентов таких словосочетаний довольно слабая и очень часто разрушается в составе предложений [ср.: *малға қул* 'раб имущества'; но *бахыл қул-ул малға* (хх-128) 'скряга — пленник имущества']. Поэтому нередко второй компонент таких словосочетаний либо приобретает аффикс принадлежности III лица един. числа — надежное средство формирования именных словосочетаний: *йиғкә дарманы* (хх-25) 'лекарство от болезни', *достда бири* (хх-191) 'один из друзей', либо такие словосочетания заменяются изафетными.

Абстрактно-обстоятельными — причинно-целевыми значениями (IVв тип) замыкается I группа значений ДП и МИП. Данное значение выступает только в позиции ДЧП — в качестве распространенного или нераспространенного обстоятельства цели и причины. Поскольку обстоятельства цели и причины являются неуправляемыми формами и примыкают к составу предложения, синтаксическая функция падежей в этой позиции частично нейтрализуется. Однако с абстрактно-обстоятельными значениями этих падежей теснейшим образом связаны их абстрактно-объектные значения (II группа значений ДП и МИП).

V тип значений широко функционирует в ДП в понудительно-каузативных и совместных конструкциях. Однако связь глаголов с субъектным дативом довольно слабая, и в предложении объект в дативе, которым обозначается субъект исходной основы, легко может быть опу-

щен²⁴. Данное значение в ДП реализуется также в позиции ДЧП — *сэңәр қылғу ишләр* (К-5423) 'дела, которые ты должен совершить'. Что касается МИП, то данное значение в этом падеже только развивается; в языке памятников в считанных страдательных конструкциях субъект обозначается формой МИП — *йалавачдын этлур ... түрлүг иш* (К-2560) 'всякие дела совершаются послом'; *мэниңдин өтэлсүн сэнә сөз ҳақы* (К-2631) 'мною будет тебе дано вознаграждение за слова'. В позиции ДЧП субъектное значение в МИП покрывается более развитым — орудным значением: *қадашы аныңдын йумуш ыдмышын* (К-5834) '(он рассказал о том, что) его родственник передал через него поручение'.

VIa тип значений в ДП выступает очень редко (а), а в МИП еще реже (б): а) *кичигләркә башлаб* (К-3941) 'начав со (службы) с малых (лет)', *нэңкә тодмас* (К-1129) 'не насытится вещами', *бу огланіг бір торуғқа алдәм* (I, 354) 'я купил этого юношу за одного гнедого'; б) *ані бэлиндә тут* (III, 146) 'схвати его за пояс', *бэримдин бахыл, илги кэз бэрклиг ул* (хх-127) 'при дарении руки у скряги туго связаны'.

VIb тип значений реализуется при глаголах, сильно управляющих ДП. Хотя значения объектов при этих глаголах напоминают VIa тип значений, семантическая функция ДП в этой позиции значительно нейтрализуется — объекты имеют очень обобщенные, нерасчлененные значения и тесно связаны с управляющим словом — *сэңә иймәнү* (К-201) 'стесняйся тебя', *аңар қазғур* (II, 224) 'переживать за него', *азабқа ... қорқ-* (К-3592) 'бояться мучения', *бу икки йазуққа ... улыр жан* (К-1380) 'из-за этих двух грехов душа стонет', *сығындым аңар* (К-4688) 'я поклонился ему', *умын фазлына* (К-3608) 'надейся на его милость', *халққа кэзләр* (К-3193) '(он) скрывает от народа'.

В системе значений ДП и МИП особое место принадлежит VII типу значений. Данное значение реализуется в эквивалентных [*биркә үч* (К-1843) 'за одно — три', *сэвинчқа сақыныч* (К-1073) 'за радость — горе'] и сравнительных [*мэниңдә жафачы* (К-1078) 'более жестокий, чем я', *өлүмдин қатығ* (К-1125) 'тягостнее смерти'] словосочетаниях. Это значение ДП и МИП является самостоятельным, досинтаксическим, так как взаимоотношения лексического значения компонентов таких словосочетаний, например, *бир ... үч*, *өлүм ... қатығ*, не предполагают ни эквивалентностных, ни сравнительных значений — эти значения вносятся показателями *-ға/-қа* и *-дын/-да*.

Рассмотренные две группы значений дательного и местно-исходного падежей являются по существу противоположными²⁵, ср. два значения одного и того же словосочетания *малға қул* — 1) адресатное значение: 'раб → имуществу'; 2) эквивалентное: 'за имущество (взамен имущества) → раб'. Сосуществование противоположных значений в каждом падеже объясняется диалектическим единством их семантической и синтаксической сторон — определенный тип значения реализуется в определенных синтаксических условиях (в определенных конструкциях и при определенной группе слов): лексическое значение и семантика грамматических форм каждого компонента выступают актуализаторами по отношению друг к другу.

Кроме того, сосуществование различных типов значений и функций в каждой падежной форме обусловлено тем, что падежи не противопоставлены друг другу по одному единственному (инвариантному) при-

²⁴ Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 56.

²⁵ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков., стр. 73—86; *его же*. К истолкованию многозначности грамматических форм., стр. 105—107.

знаку. Как видно из таблиц 1 и 2, взаимно противопоставлен каждый тип значений (или функций) падежей, реализуемый в аналогичных синтаксических условиях, — если в каком-либо падеже «А» имеется функция, отсутствующая в падеже «Б», это свидетельствует о том, что: 1) эта функция для падежа «А» является развивающейся, а в падеже «Б» еще не развилась, однако, несомненно, будет развиваться в ходе исторического процесса; 2) эта функция для падежа «Б» уже пройденный этап, а в падеже «А» является реликтной, и вся падежная система обнаруживает тенденцию к ограничению (или специализации) данной функции.

Оба эти явления существуют и в падежной системе языка восточно-тюркских памятников XI—XII вв. Например, субъектное значение в ДП было развито уже в XI в., но еще не сложилось в МИП. Позже в исходном падеже развилось и данное значение, и стало возможным регулярное обозначение субъекта страдательного залога послелогоми в форме исходного падежа. То же произошло и со значением эквивалентности, имевшемся в ДП, но отсутствовавшим в МИП. И это значение (неполного эквивалента) развилось в исходном падеже (ср.: узб. *китобларни уч сўмга олдим* 'я купил (эти) книги за три рубля' и *китобларни уч сўмдан олдим* 'я купил эти книги по три рубля'). Обратное явление наблюдается в основном в винительном и родительном падежах, где сохраняются реликты противопоставления по местоименности/неместоименности.

Межпадежно семантически противопоставленные типы значения реализуются в одинаковых синтаксических условиях (ср.: *аңа ал-* 'брат для него' и *андын ал-* 'брат из него'; ср. также значения полного и неполного эквивалента, значение эквивалентности и сравнительности в ДП и МИП). Семантически непротивопоставленные значения реализуются в разных синтаксических условиях (ср.: субъектное значение, которое в ДП выступает в понудительных, а в МИП — в страдательных конструкциях).

Такая же противопоставленность синтаксической и семантической сторон наблюдается внутри значений каждого падежа. Чем больше один тип значения одной формы отличается от другого типа значений данной формы, тем больше различий в синтаксической сфере реализации этих значений. Например, значения эквивалентности и адресатности являются противоположными. Противоположны и синтаксические позиции их реализации. Как средство выражения эквивалентности дательный падеж обособляется от адресатно-направительных значений и функционирует в предложении как самостоятельная единица (в качестве детерминирующего члена или как средство организации эквивалентных словосочетаний). В адресатном же значении ДП выступает в различных позициях в предложении. Такое же явление наблюдается при функционировании адресатных и эквивалентных словосочетаний. Адресатные словосочетания, как отмечалось выше, легко разрушаются в составе предложения (так как форма дательного падежа при развитых типах адресатных значений вырывается из состава словосочетаний центром предложения), а эквивалентные словосочетания не разрушаются (данное значение дательного падежа в этой позиции уже обособилось от других типов значения и приобрело новую сущность). Поэтому они выступают либо целостными единицами (а), либо самостоятельными предложениями (б): а) *ҳақыңны бэрәйин йанут биркә үч* (К-1843) 'я дам тебе вознаграждение троекратно'; б) *ағышқа иңиш-ул эдизкә батығ* (К-1073) 'за подъем — спуск, за возвышение — понижение'.

Так же противопоставлены адресатное и субъектное значения в ДП, сферы реализации которых совершенно различны. Неразвитость же субъектного значения в МИП теснейшим образом связана с нерасчлененностью медиального и страдательного значений в тюркских залогах и неразвитостью трехчленных страдательных конструкций²⁶.

При метафизическом подходе к синтаксической и семантической функции в падежах из всех случаев функционирования, например ДП, «ясными» становятся лишь два типа значений: I тип, когда падежная форма выступает только в семантической функции, и VIб тип, когда ДП выступает как синтаксический падеж. Однако, если рассмотреть ДП при V группе глаголов как чисто синтаксический, то остается необъясненным одно весьма широко распространенное явление в истории тюркских языков — тенденция к изменению падежной формы объекта при отдельных глаголах V группы: из глаголов V группы те, которые по своему лексическому значению предполагают наличие источника, исходного пункта, причины, или орудия действия (типа *қорқ-* 'бояться', *умын-* 'надеяться', *эр-* 'брезговать', 'отворачиваться', *күл-* 'смеяться над...', *иймән-* 'стесняться', 'смущаться', *қул-* 'просить', *кэзлә-* 'скрывать' и многие др.) в языке памятников обнаруживают явную тенденцию к сочетанию не с ДП, а с местно-исходным (или исходным) падежом: ср.: *халқудын кэзлә-* (К-3192) и *халққа кэзлә-* (К-3193) 'скрывать от народа'; *хайрыдын ум-* (К-4954) 'надеяться на его добро' и *фазлына ум-* (К-3608) 'надеяться на его милость', *мэниңдин эр-* (К-1157) 'отворачиваться от меня', *эрэжкә эр-* (К-1113) 'отворачиваться от наслаждения' и др. Что касается глаголов верования и убеждения, предполагающих адресатный объект (ср.: *байатка йүкүн-* 'молиться, поклониться богу'), то у них подобное явление не наблюдается. Чем объясняется такая закономерность? Если в этой позиции (по мнению Е. Куриловича) падежные окончания не имеют никакого значения и являются «комбинаторными вариантами окончания аккузатива прямого дополнения»²⁷, то не все ли равно, выступает ли в качестве варианта *-дын* или *-ға*? На этот вопрос система Е. Куриловича не дает ответа.

Такая тенденция в языке памятников XI—XII вв. объясняется тем, что редко употребительные, реализующиеся в специальном контексте типы значения ДП (II группа значений этого падежа) являются широко распространенными для МИП (I группа значений МИП), и языковая система на основе общей закономерности диалектического единства семантической и синтаксической сторон в управляемых и управляющих элементах передала местно-исходному падежу те редкие значения ДП, которые были идентичны широко распространенным значениям МИП и вступали в противоречие с широко распространенными же типами значений дательного падежа. Отсюда можно сделать вывод о том, что даже в сильноуправляемой позиции падеж не утрачивает полностью своей семантической функции, а лишь частично нейтрализует ее.

Таким образом, можно сказать, что положения однозначного разграничения семантической и синтаксической функций в падежах не могут быть механически перенесены на факты тюркских языков. В тюркских падежах синтаксическое и семантическое находятся в диалектическом единстве.

С синтаксической и семантической сторонами в падежах теснейшим образом связано их обстоятельственное и объектное функционирование. И эти функции в падежах «ясны» в крайних случаях (ср.: например,

²⁶ Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 53—56.

²⁷ Е. Курилович. Указ. раб., стр. 185.

типы значения I и VIб; IVв) — в сущности же эти значения находятся в диалектическом единстве: в зависимости от синтаксических и лексических условий реализации всплывает то одно, то другое значение (ср.: III тип значений ДП и МИП, когда сосуществование обстоятельственного и объектного значений неоспоримо).

Подводя итог анализу семантической и синтаксической сторон в падежах, можно заключить, что они находятся в диалектическом единстве: некоторое ослабление (универсализация) одной стороны вызывает усиление (специализацию) другой. «Ясные», «четкие» случаи противопоставления семантического и синтаксического (или обстоятельственного, или объектного) функционирования падежей представляют собой речевые явления, искусственно, метафизически оторванные от языковой системы значений этих форм. Здесь уместно вспомнить слова академика Л. В. Щербы о том, что в грамматике «ясны лишь крайние случаи»²⁸. Со всей уверенностью можно сказать, что ученый имел здесь в виду подведение какого-либо явления под ту или иную категорию.

Рассмотрение функционирования падежей I и II групп в языке памятников XI—XII вв. обнаруживает, что между этими группами падежей имеется ряд общностей и различий. Одна из общностей заключается в том, что в падежах I, и II групп семантическая и синтаксическая стороны сосуществуют в диалектическом единстве. Однако семантические факторы в падежах I группы (местоименность/неместоименность, определенность/неопределенность, контактность/дистантность) более абстрактны, нежели в падежах II группы. Поэтому именно в падежах I группы намечается тенденция развития более четкой противопоставленности по синтаксическим функциям²⁹.

В заключение несколько слов об орудном падеже (ОрП). ОрП стоит в языке памятников обособленно — им не управляет ни один глагол: в языке памятников нет явных доказательств того, что между основой слова и показателем ОрП (афф. -/=/н) могут находиться другие словоизменительные аффиксы (форманты принадлежности и числа). Одно это доказывает, что ОрП резко отличался от остальных падежей.

Наиболее распространенным значением ОрП в языке памятников является обозначение орудия или средства действия — *оқун урды* (К-5567) '(мир) ударил стрелой', *ажунда жавы барды эдгү дуған* (К-1663) 'благодаря добрым молитвам слава о нем пошла (по всему) свету'. Однако в XI в. наблюдается явная тенденция к обозначению орудия или средства действия конструкцией с послелогом *бирлә*: *тилин йарлықарда өгүң бирлә аң* (К-3960) 'когда (бек) говорит языком, ты внемли умом'. Сравнительно редко ОрП обозначает место или время: *нәкү сөзләгүси қадашы козун* (К-3862) 'о чем будет говорить родственнику в глаза', *қар... қишһн инәр* (II, 237) 'снег падает зимой'.

По своим типам значения ОрП не противопоставлен остальным падежам — он лишь дублирует оторванные друг от друга отдельные значения ДП и МИП. Поэтому можно полагать, что в XI в. ОрП не входил в падежную систему и был полунаречным образованием — «падежом» только с семантической функцией.

²⁸ Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектологических мужицких наблюдений. — В кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I, М., 1958.

²⁹ Однако даже при этом (то есть при реализации функции IV по таблице I) семантическая функция в падежах не исчезает полностью, а поднимается на очередную, более высокую ступень абстракции. Этот вопрос может быть исследован только при изучении парадигматических отношений категории падежа с другими словоизменительными категориями имени.

В языке «Кутадгу билиг» и «Дивана» аффикс $-/=/н$ имеет другую, довольно распространенную функцию — он может присоединяться к именам и качественным прилагательным, определяющим глагол: *ақ-рун... сәвингіл* (III, 372) 'меньше (тише) радуйся', *сөзләсәләр азын* (К-5758) 'если будут говорить мало', *бирин кәлсә рахат кәлүр ранжонун* (хх-105) 'если удовольствие приходит в одиночку, то забота — десятками'.

Это интересное явление связано со стремлением аффикса $-/=/н$ к «самосохранению» — приобретению синтаксической функции качественного определителя глагола, а это должно было иметь следствием формальное различие имен и наречий, что дало бы этому аффиксу новую жизнь, новую синтаксическую функцию. Однако формальная нерасчлененность имен и наречий, допускаемая самой системой частей речи в тюркских языках, препятствовала получению аффиксом $-/=/н$ этой функции. Поэтому уже в XII в. — в языке «Хибатул хакайик» такое явление встречается изредка. Это еще раз доказывает, что для существования падежной формы в падежной системе необходимо сосуществование ее семантической и синтаксической сторон.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- (К-3147) — Юсуф хос Ҳожиб. Кутадгу билиг. Тошкент, 1971, 963 стр.
 (хх-55) — Қ. Маҳмудов. Аҳмад Югнакийнинг «Хибатул хақойик» асари ҳақида. Тошкент, 1972 (Критический текст и транскрипция, стр. 177—230) (В примерах из этих изданий указывается порядковый номер бейта).
 (I, 395) — Маҳмуд Кошғарий. Девону луғотит турк, тт. I—III. Тошкент, 1960—1963 (В скобках указаны том и страница).

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Ф. БЛАГОВА

ОПЫТ АРЕАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ

(орду|орда, сарай, кошк|киоск
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ, В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ)*

1. При изучении того или иного тюркизма, проникшего в отдельные славянские языки в разное время и из различных тюркских языков, необходимо стремиться использовать по возможности показания всех участвовавших в этом процессе славянских языков; чрезвычайно полезно привлекать также и материалы иносистемных языков, длительное время контактировавших с тем или иным тюркским языком. Эти данные бывают необходимы для установления первоначальной формы заимствования или его проверки, а также прослеживания путей семантического развития тюркизма. Для анализа рассматриваемых в настоящей статье слов, например, следует учитывать данные не только сербско-хорватского и болгарского, но также румынского и молдавского языков, поскольку Румыния и Молдавия входили некогда в регион, находившийся под влиянием прежней Османской империи.

На первый взгляд, выбор трех слов — *орда*, *сарай*, *киоск* — кажется случайным. Для носителя современного русского языка *орда* — либо обозначение исторического понятия, либо просторечное «беспорядочная толпа»; *сарай* — «хозяйственная постройка», а метафорически — в какой-то мере обозначение беспорядка («у них дома, как в сарае»); *киоск* — «мелкая торговая точка». Однако значения этих слов в русском языке не всегда были таковыми.

И совсем иной смысл имели приведенные слова в тюркских языках, из которых они и проникли в русский. *Saray* и *köşk* являются заимствованиями из персидского, а *ordu/orda/ordo* (все эти три варианта зафиксированы в словаре Махмуда Кашгарского¹) признается тюрко-монгольским словом. Эти многозначные слова, претерпевая в различных тюркских языках неодинаковую семантическую эволюцию, стали обнаруживать в каждом из них перевес в сторону одного из суммы значений упомянутых слов. Благодаря этому, например, в древнейгур-

* Тезисное изложение см.: Г. Ф. Благова. Розпад лексичного мікрополя внаслідок неодночасного запозичення. — В сб.: «А. Ю. Крымський — українціст і орієнталіст». Київ, 1974, стр. 166—169. Относительно внедрения в топонимию двух из названных заимствований см.: *её же*. Топонимическое использование слов «сарай» и «орду/орда». — В сб.: «Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 1. Чебоксары, 1972.

¹ См. об этом: Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 541.

ском, в современном уйгурском языке Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР сложилась синонимическая пара *ordu* и *saqau*. Проникновение в турецкий язык перс. *köşk* 'замок, дворец' привело к возникновению синонимической пары *saqau* и *köşk* (между тем как за *ordu* здесь закрепилось значение «войско»).

Подобная синонимичность кажется неожиданной носителю современного русского языка. Однако в русских летописях можно наблюдать явления, правда, вторичного порядка, внешне схожие с отмеченной выше тюркской синонимикой. Таково, например, употребление слова *орда* в значении золотоордынской столицы Сарай: «... а по реке Ахтубе на 10 верст Царицына Золотая Орда...» (ПСРЛ, т. XIX, стр. 8); ср., напротив, упоминание «под 6841 г.» о том, что пришел «Сарай по великого князя по Ивана, поидаша во Орду»². Подобные явления могут быть объяснены тем, что изучаемые заимствования в русском языке первоначально семантически согласовались со своими тюркскими прототипами.

Каждое из изучаемых слов проникало в русский язык своим собственным путем, причем из разных тюркских языков. Индивидуальны поэтому судьбы этих трех слов в русском языке, индивидуальны их семантическое развитие и изменения в сфере их употребления. Рассмотрим каждое из этих заимствований в отдельности.

2. «Недифференцированное понятие (стан → войско) и слово (орда — орду)», как называл его Н. К. Дмитриев³, проникало в русский народно-обиходный язык из разных тюркских языков, по-видимому, неоднократно. Во всяком случае русск. *орда*⁴ в его историческом развитии отражает разные линии семантического развития этого тюркско-монгольского слова в различных тюркских языках. Любопытно отметить, что вторичные семантические ответвления, зарегистрированные в языках, не соседствовавших с русским, естественно, не нашли в нем прямого отражения. Таково древнеуйгурское значение слова *ordu* 'дворец'⁵, ср. монг. *орду* 'дворец', якутск. *оју баран орду* 'разрисованные хоромы'⁶; др.-тюрк. *ordu* 'город, где живет шах (царь)'⁷.

Не будем здесь касаться вторичного значения слова *орда* 'надел, государство, страна'⁸, 'народ', широко представленного в древнерусском языке. Сумма этих значений не раз рассматривалась в связи с истори-

² См.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — «Известия АН СССР». VII серия — Отделение гуманитарных наук, 9, 1930, стр. 732.

³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 541.

⁴ В. Д. Аракин полагает, что русская форма *орда* представляет собой трансформацию на русской почве первоначально несклоняемого слова *орду*, см. в наиболее частотном, по мнению В. Д. Аракина, словосочетании *поиде в (во) Орду*. Однако в русских летописях не менее часты словосочетания типа *приде||выиде из Орды* (см., например: А. Н. Насонов. Указ. раб., стр. 726). Нельзя пренебречь и тем, что в „Диване“ Махмуда Кашгарского показаны три формы для этого слова: *ordu*, *orda*, *ordo*.

⁵ См.: В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 14; „Kutadgu bilig“, I—Metin. Istanbul, 1947 (далее — КВ I), стр. 208 В 146₁₉₀₆, 220 С 105₂₀₃₅, 316 В 227₃₀₈₄ и сл.; ср., однако, там же, стр. 307 В 219₂₉₆₆, 383 В 276 и *ordu han* 'хан Уч-орды' (букв. 'хан трех орд').

⁶ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, II. М., 1959, стлб. 1863, 1864.

⁷ См.: Махмуд Қошғарий. Туркий сўзлар девони. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталибов, I. Тошкент, 1960, стр. 145.

⁸ См., например, в онежской былине «Сорок калик»: «...А й как кто где бывал удалый добрый молодец, А й кто бывал как в какой земли да в какой орды...» [«Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I. СПб., 1894 («Сб. ОРЯС Имп. АН», т. LIX), стр. 573].

ческим терминологизированным словосочетанием *Золотая Орда*⁹. Эта семантическая линия слова *орда* для современного русского языка является чисто исторической.

Другое значение слова *орда* в современном русском языке — ‘беспорядочная, неорганизованная толпа народа’ — представляет собой снижающееся развитие иной семантической линии этого слова, получившей свое завершение в современных турецком и азербайджанском языках: турецк. *ordu* означает ‘войско’¹⁰ (ср. турецк. *orduluk* ‘время всеобщей мобилизации’) и азерб. *ordu* ‘армия, войско’. Именно эту семантическую линию тюркского многозначного слова *ordu/orda* начисто игнорирует «Словарь современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), приводя в качестве слова-источника только «тюрк. *ordu* — палатка хана»¹¹. Разумеется, исходя из такого произвольно обрубленного значения, никак нельзя объяснить семантические «скачки» этого заимствования в русском языке.

Между тем еще И. И. Срезневский отмечал в древнерусском языке для слова *орда*¹² значение «полчище, войско», появившееся еще до контактов с турками. У кочевых тюрков-кыпчаков обширной степи Дешт-и кыпчак, с давних пор граничившей с территориями, заселенными восточными славянами, *орда* означала военный союз кочевых племен. Яновский, отмечая, что *орда* — это «название, дающееся татарскому кочевому народу», подчеркивал особо: «Войско их также называется ордою»¹³.

В начале XVI в. чагатайский историограф, писатель и поэт Захир эд-дин Мухаммед Бабур описал, как турки-кочевники ведут себя в сражениях. Распустив поводы, конники неудержимо мчатся беспорядочной лавиной, не соблюдая строя и какого-либо подобия порядка, все сметая на своем пути. Именно с подобными атаками кыпчакских кочевых орд явственно увязывается русское значение слова *орда* ‘беспорядочная, неорганизованная толпа народа’: ср. такое же значение слова *орда* ‘толпа’ в украинском, в языке донских казаков (*ардюка* ‘толпа’)¹⁴, а также в венгерском «*horða, banda*»¹⁵ — каждый из этих языков в разные периоды своей истории соприкасался не только с турецким, но и с кыпчакскими языками. Таким образом, этими сведениями можно подкрепить утверждение о том, что «в русском языке из этого недифференцированного

⁹ Из последних работ см.: А. Г. Митрошкина. Термин «Золотая Орда». — «Труды Иркутского государственного университета», т. 65. Серия языковедение, вып. 4, 1969; Г. А. Бозатова. Золотая Орда. — «Русская речь», 1970, № 1. Мы не касаемся здесь и случаев (ныне устаревших) использования слова *орда* как специального термина в этнографической литературе (обозначение «якобы неоформленной общественной структуры первобытных народов, ведущих бродячий образ жизни», и обозначение «самой начальной формы общественной организации человечества», то есть «первобытного человеческого стада», — см.: БСЭ, т. 31, 1955, стр. 169).

¹⁰ Именно учитывая семантику турецкого и соответствующего английского слов, нельзя согласиться с В. П. Секириным («Заимствования в английском языке». Киев, 1964, стр. 143), причисляющим англ. *horde* ‘орда; ватага, шайка; стая, рой; мн. ч. толпы (народа)’ к заимствованиям из турецкого.

¹¹ ССРЛЯ, т. 8. М.—Л., 1959, стлб. 1011.

¹² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского по письменным источникам, II. СПб., 1895, стлб. 706. А. Г. Митрошкина (указ. раб., стр. 28) связывает современное значение слова *орда* ‘беспорядочная, большая толпа, скопище, банда’ непосредственно с этим, как она считает, русским значением слова.

¹³ «Новый словотолкователь». Ч. 3. СПб., 1806, стлб. 65.

¹⁴ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. III. Киев, 1909, стр. 62; «Украинско-русский словарь». Киев, 1964, стр. 524; А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929, стлб. 215.

¹⁵ «Русско-венгерский словарь». Budapest, 1959, стр. 961. Ср. также чувашск. *орда* «ист. орда; перен. орда (банда)» («Чувашско-русский словарь». М., 1961, стр. 251).

понятия (стан → войско) и слова (*орда* — *орду*) был заимствован первый член (стан — *орда*)...»¹⁶. В русский язык слово *орда* проникало не однажды, причем из разных тюркских языков и в неодинаковых значениях, чем и обусловлена его семантическая многомерность.

Из турецкого языка в значении «войско», «турецкое войско» (ср. также азерб. *орду* 'армия, войско') это слово проникло в молдавский (*ордие*)¹⁷ и румынский (*ordă, oardă, ordie*)¹⁸, в сербско-хорватский (*ордија*); в сербско-хорватском, как и в русском и украинском, оно претерпело аналогичное семантическое снижение: оно стало означать еще и «банда»¹⁹.

3. Слово *сарай* в иранских языках было многозначным. Основное значение — «жилище, обитель; дворец». В словосочетаниях оно часто имело метафорические значения; например, перс. *сарай-и бай* 'обитель вечности, место загробной жизни', *сарай-и фан* 'тленный мир, земная жизнь', тадж. *ин саро* 'мир', *сарои даранг* или *сарои дигар* 'потусторонний мир, загробная жизнь', *сарои вуджуд* 'человеческое тело, жизнь человека'²⁰. С указанным семантическим ответвлением иранского прототипа увязывается отмеченное В. В. Радловым для кирг. *сарай* значение «весь состав человека» (*сарајым сау* 'тело мое здорово')²¹. У этого персидско-таджикского слова была и другая, сугубо бытовая семантическая линия: «дом (со всеми службами)», «двор», «постоялый двор» («караван-сарай»), «торговый двор, торговая палата»²²; ср. тюрк. (XI, XIII в.) *сарай* 'жилище, дом'²³.

Тюркские языки заимствовали это слово в значении «дворец» и отчасти — как название караван-сарая. В староуйгурском памятнике XI в. «Кутадгу билиг» слово *сарай* употребляется, например, как синоним монг. *қарши* 'дворец' и часто в паре с ним: *сарай қарши* или *қарши сарай* (КВ I 346₃₄₃₉, 483₄₈₃₄). В значении «дворец» *сагау* сохраняется в ряде современных тюркских языков — в турецком, азербайджанском, современном уйгурском (СУАР КНР и Ферганской долины), ногайском²⁴; для татарского, казахского, киргизского, туркменского слова это значение фиксируется наряду с позднейшим значением «хозяйственная постройка» (татарск. «сарай, дровяник, надворная постройка», кирг. «крытое помещение для скота», ср. туркм. «скотный базар»), в казахском исторически — «караван-сарай»²⁵.

О том, что слово *сарай* имело значение «дворец» у тюркоязычных народов, входивших в Золотую Орду, свидетельствует название города

¹⁶ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 541.

¹⁷ «Молдавско-русский словарь». М., 1961, стр. 439.

¹⁸ См.: К. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927, стр. 128.

¹⁹ Ср.: В. Ст. Караджич. Српски рјечник. У Биограду, 1898, стр. 482; «Сербско-хорватско-русский словарь». М., 1957, стр. 552.

²⁰ См.: М. А. Гаффаров. Персидско-русский словарь, т. II. М., 1927, стр. 455; «Словарь таджикского языка (X — начало XX в.)», т. II. М., 1959, стр. 209.

²¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, IV. СПб., 1911, стлб. 315.

²² «Словарь таджикского языка», т. II, стр. 208; «Таджикско-русский словарь». М., 1954, стр. 346.

²³ См.: А. К. Курьшжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970, стр. 184.

²⁴ См.: Т. Р. Рахимов. Китайские элементы в современном уйгурском языке. М., 1970, стр. 62; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. I. Алма-Ата, 1970, стр. 230; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 259.

²⁵ См.: «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 469; К. К. Юдахин. «Киргизско-русский словарь». М., 1965, стр. 635; «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 566; Б. А. Сулейменова. Некоторые вопросы русских лексических заимствований в казахском языке. — «Исследования по истории казахского языка». Алма-Ата, 1965, стр. 84.

Сарай, который был построен Беркеханом на берегу Туранской реки (Итиля, то есть Волги); по словам Ибнфадлалаха Эломари, «местопребывание царя: там большой дворец, на верхушке которого (находится) золотое новолуние, (весом) в два кынтаря египетских»²⁶.

Для последующих заимствований этого слова можно выделить два семантических ареала. Из турецкого в западноевропейские языки *sāgāj* проникло в том же значении «дворец», причем иногда при заимствовании использовалась производная форма *segajly* (букв. 'придворный', 'то, что делают при дворе' — последнее значение присутствует в румынск. *segăilie* 'слоеное тесто с миндалем'). В результате получили значение «султанский дворец», «гарем» следующие лексемы: франц. *ségaïl*²⁷, итал. *segaglio*, исп. *segallo*, португ. *seralho*, англ. *seraglio* (но *serai* 'караван-сарай'), нем. *segail* (иногда *serai*)²⁸. В сербско-хорватском *сърāj* означает «дворец турецкого вельможи»²⁹; в болгарском *сарай* — «дворец», «богато обставленный дом на турецкий манер»³⁰. Таким образом, в славянских языках Балкан, как и в западноевропейских, семантическое «снижение» этого слова также не отмечается.

По-иному развивалось слово *сарай* в русском народно-обиходном языке — здесь отмечается резкое семантическое снижение. Вероятно, в известной мере повинно в этом значение самого слова-оригинала — «дом со всеми службами». Во всяком случае, «Сравнительный словарь всех языков и наречий», составленный по повелению Екатерины II, гласит: «*сарай* двор — по-арабски»³¹. В рукописном лексиконе первой половины XVIII в. даны два перевода слова *сарай* — по-татарски это «дом, строение», а по-русски «поветь»³². В середине XVII в. еще было возможно при переводе этого слова значение «гостиница», «постоялый двор», которое отмечалось, например, у турецк. или казахск. *sarayu*. Так, в статейном списке «о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 7150 г.» (то есть в 1642 г.) читаем: «как послы в Азов пришли, и их поставили у пристани в *сараях*»³³. Веком позже — в 1787 г. — такое употребление слова *сарай* в русском языке стало уже совершенно невозможным. Для того, чтобы передать значение турецкого слова *sarayu*, стали прибегать то к описательным словосочетаниям, то к французскому заимствованию *сераль* и, наконец, к фонетическим изменениям (в соответствии с персидским произношением): «Султанский дворец или сераль, а по-тамашнему *серай*»³⁴.

В русском языке XVIII в. за словом *сарай* окончательно закрепилось обозначение хозяйственных служб. Толкование, данное этому слову в самом начале XIX в., вновь заставляет обратиться к значению слова-прототипа («дом со всеми службами»): «*Сарай*. Известное строение

²⁶ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 241.

²⁷ Д. Келекиан именно так перевел турецк. *sarai* на французский язык. — «*Ségaïl*» (см.: «*Dictionnaire turc-français*». Istanbul, 1928, стр. 671).

²⁸ К. Lokotsch. Указ. раб., стр. 146; ср. «*Fremdwörterbuch*», II. Leipzig, 1954, стр. 576; E. Littmann. *Morgenländischen Wörter im Deutschen*. Berlin, 1920, стр. 38.

²⁹ «Сербско-хорватско-русский словарь». М., 1957, стр. 850.

³⁰ Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955, стр. 769; см. также: «Русско-български речник», II. София, 1960, стр. 436.

³¹ «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», ч. IV. СПб., 1791, стр. 20.

³² «Рукописный лексикон первой половины XVIII в.». Л., 1964, стр. 369.

³³ «Временник ОИДР», кн. 8, 1850, стр. 123.

³⁴ «Нешастные приключения Василья Баранщикова...», 2-е изд. СПб., 1787, стр. 88; см. также стр. 90, 91, 93, 115. Употребление слова *сераль*, как и *киоск*, в этой книге свидетельствует о том, что переложение устных рассказов нижегородского мещанина Василья Баранщикова делал книжно образованный автор.

покрытое, в пристойном месте дома сделанное, в котором ставят повозки, телеги, сани...»³⁵. Отсюда становятся понятны диалектные значения слова *сарай* как части дома — чаще всего верхней, имеющей хозяйственное назначение, и далее — потолок, чердак над двором (поветь). Так, в архангельских говорах «*сарай* — крыша крестьянского дома вместе с рядом бревен, на которых утверждена. Пин., Мез.»³⁶; в сибирских старожильческих русских говорах «*сарай* — поветь, крыша, кровля (в русском доме)»³⁷. В ярославских говорах *сарай* обозначает «потолок над двором (там хранят сани, телеги, сохи и пр.)»³⁸. Наверное, близкое к этому значение — верхняя часть хозяйственного строения — отмечается в XVII в.: «*сарай* еловый с *подсараем*». Конструктивные особенности сарая фиксируются при толковании этого слова в украинском языке: здесь сарай «обычно открытый с одной или с двух сторон»; см. также у донских казаков: «сарай — навес с одной забранной стеной»³⁹.

С давних пор на Руси известны самые различные хозяйственные назначения сарая⁴⁰, что нашло отражение в соответствующих словосочетаниях: *сенной сарай*, *хлебный сарай*, *сарай животинной* (1691 г.), *каретный сарай* (предшественник современного гаража), *дровяной сарай*. Сочетание *кирпичный сарай* (1643)⁴¹ также указывало на назначение постройки, но никак не на материал, из которого она сделана. В деловых актах XVII в. приводится объяснение того, что собой представлял *кирпичный сарай*, — «сарай, а в нем делают кирпичи»⁴²; в XVII в. *кирпичные сараи* иначе назывались *полевыми сараями*⁴³. Даниловские и Хамовнические кирпичные сараи⁴⁴, по сути дела, были первыми кирпичными заводами в Москве. С развитием в России железнодорожного транспорта связано появление таких словосочетаний, как *паровозный сарай*, *локомотивный сарай*, *вагонный сарай*⁴⁵ (ср. более раннее *каретный сарай*) в значении «депо».

³⁵ «Новый словотолкователь», ч. 3. СПб., 1806, стлб. 603.

³⁶ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, изд. 2-го отд. АН. СПб., 1885, стр. 153.

³⁷ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, II. М., 1959, стлб. 2096.

³⁸ Г. М. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, I. Ярославль, 1961, стр. 148, 180.

³⁹ См.: «Русско-украинский словарь». Киев, 1961, стр. 616; А. В. Миртов. Указ. раб., стлб. 284.

⁴⁰ *Сарай* в значении хозяйственной постройки в ряде тюркских языков — якутском, хакасском, казахском, киргизском, чувашском — рассматривается как позднее русское заимствование (см.: П. А. Слепцов. Русские лексические заимствования в якутском языке. Якутск, 1964, стр. 40. — В сб.: «Вопросы хакасского языка и литературы». Абакан, 1955, стр. 46; Б. А. Сулейменова. Указ. раб., стр. 84; Т. К. Ахматов. Кыргыз тилинин Талас говору. Фрунзе, 1959, стр. 84; А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 50; ср. также: М. Мирзаев. Бухарская группа говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1965, стр. 18); по-видимому, таковым же оно является и для молдавского языка (см.: «Молдавско-русский словарь». М., 1961, стр. 563).

⁴¹ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской императорской археографической экспедицией АН», т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1836, стр. 470.

⁴² Н. А. Найденов. Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883, стр. 102; ср.: «Расходная книга Дорогомиловского монастыря» (1585—1586 гг.), стр. 301.

⁴³ «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», собр. и изд. под руководством и трудами И. Забелина, ч. I. М., 1884, стлб. 413, 415.

⁴⁴ Там же, стлб. 248, 133 и сл. Следует отметить, что ССРЛЯ (т. 13. М.—Л., 1962, стлб. 182), приводя по Вейсманову Лексикону (1731 г.) словосочетание *кирпичный сарай*, не дает никаких пояснений относительно специального назначения этого рода постройки и тем самым делает возможным современное восприятие этого словосочетания в значении «сарай, сделанный из кирпича».

⁴⁵ См.: С. Д. Ледяева. История железнодорожной лексики в русском языке XIX в. Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 29.

Из немногочисленных образований слова *сарай* на русской почве стоит остановиться лишь на одном, не отмечаемом, как правило, словарями. Рядом с прилагательным *сарайный* (*сарайный лес, сарайное дело, сарайные ворота*) исторически употреблялось отличное от него прилагательное, производное от топонима *Сарай* — *сарайский*: «Да взяли Сарай и полону бесчисленное множество и княгинь *сарайских*»⁴⁶; «*Сарайское царство*», «*Сарайский престол*», «области *Сарайские*»⁴⁷; ср. для XVII в. «*Босна-Сарайский уезд*», «*Сарайский великий путь* (дорога из Сараева в Боснии в Белград)»⁴⁸. Ср. прилагательное *ордуйский*, образованное от турецкого топонима *Орду* армянскими диалектологами, и обычное для русского словообразования *ордынский*.

4. Семантически сложным был кружной путь, которым слово *киоск* попало в русский язык. А. Ю. Якубовский описал дома-дворцы, строившиеся иранскими феодалами в шахристанах: они имели «высокие и массивные стены, сложенные из сырцового кирпича или глинобитных блоков»; такой дом-дворец по-персидски назывался *кёшк*⁴⁹. Несколько позднее *кёшк* стало означать в персидском и таджикском языках не только «дворец, замок», но еще и «пышное здание в окрестностях города, вокруг которого имеется сад»⁵⁰. Именно в этом значении «летний дворец», «загородная вилла» *köşk* проникло в турецкий язык⁵¹ и вступило здесь в синонимические отношения со словом *сагау*.

М. Фасмер полагал, что в русский язык книжное заимствование *киоск* вошло через немецк. *kiosk* или франц. *kiosque*, а не прямо из турецкого *köşk*⁵². Н. К. Дмитриев реконструирует более сложный путь заимствования: из турецкого это слово «... прошло через новогреческую среду, в которой из *кёшк* получилось *киоск*, далее попало во французский (*kiosque*) и через него — в русский»⁵³.

В «Новом словотолкователе» Яновского зарегистрирована вариантная форма *киошъ* (рядом с *киоска, киоскъ*)⁵⁴. Ее игнорируют все последующие словари, в том числе и ССРЛЯ, где учтены только две формы, отмеченные Яновским, — *киоск и киоска*⁵⁵. Вряд ли можно допустить, что в словаре (хотя бы и старом) могло быть зафиксировано индивидуальное словоупотребление. Скорее всего следует предположить, что Яновским был зарегистрирован еще один путь проникновения этого слова в русский язык — непосредственно из турецкого. Именно благодаря прямому заимствованию из турецкого в составе слова мог сохраниться шипящий звук при усечении конечного *к*. В правомерности данного предположения нас убеждает детальное описание турецкой реалии, которым Яновский сопроводил словарную статью «*Кюска, киоскъ или кюшъ*» (любопытно, что данное заимствование в начале XIX в. еще восприни-

⁴⁶ «Устюжский летописный свод. (Архангелогородский летописец)». М.—Л., 1950, стр. 318/318²

⁴⁷ В. Тизенгаузен. Сборник материалов..., т. I, стр. 389, 390, 391.

⁴⁸ «Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в.» (под ред. П. А. Сырку). — «Православный палестинский сборник», т. X, вып. 3. СПб., 1890, стр. 41, 77, 142.

⁴⁹ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры [АН СССР]», XXVIII. М.—Л., 1949, стр. 32.

⁵⁰ «Словарь таджикского языка», т. I. М., 1969, стр. 384.

⁵¹ См.: «Dictionnaire turc-français», стр. 1054; Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 364.

⁵² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, II. М., 1967, стр. 235.

⁵³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 510—511.

⁵⁴ «Новый словотолкователь», ч. 2. СПб., 1804, стлб. 221.

⁵⁵ ССРЛЯ, т. 5. М.—Л., 1956, стлб. 952.

малось как иноязычное и в родительном падеже множественного числа не получало флексии — см. у Яновского: «Таких киоск находится весьма много в Константинополе и в окрестностях его»).

Собственно турецкий путь проникновения этого слова демонстрируют молдавск. *кьошк* 'киоск; павильон; беседка' и румынск. *chióşc*⁵⁶, полностью сохранившие звуковое обличье турецкого оригинала.

Сказанное, разумеется, никоим образом не может ставить под сомнение другой, западноевропейский, путь проникновения рассматриваемого слова в русский язык. Напротив, интенсивность русско-французских контактов при ориентации русского великосветского общества на французский язык привела к тому, что собственно турецкий путь был перекрыт западноевропейскими каналами, по которым и проникло слово *киоск*. Заимствование его из французского языка относится к XVIII в. И. Татищев, переводя франц. *kiosque*, дает русское соответствие «кюска, беседка, турецкий шатер в садах поставляемый»⁵⁷. Еще раньше «кюски или беседки» упоминаются в «Нешастных приключениях Василья Баранщикова мещанина Нижнего Новгорода» (1787 г.).

На то, что слово *киоск* долгое время оставалось принадлежностью языка книжного, указывает наличие его и толкования к нему в «Карманной книжке для любителей чтения русских книг, газет и журналов или кратком истолковании встречающихся в них слов...» (СПб., 1837, стр. 119); примечательно, что здесь получили истолкование далеко не все восточные заимствования — в частности, отсутствуют слова *орда* и *сарай*. В начале XX в. зарегистрировано закрепление за словом *киоск* значения небольшой легкой постройки, предназначенной «для продажи прохладительных напитков, фруктов, газет и т. п.»⁵⁸. Отмечая «семантическое снижение» слова *киоск*, Н. К. Дмитриев указывал: «В революционное время, как известно, этот термин, обозначающий „мелкая торговая точка“, получил необычайное распространение и породил производную форму *киоскер*»⁵⁹.

Именно в этом значении *киоск* почти вытеснил уже в послевоенное время собственно русское [торговая] *палатка* и из русского языка проник, сохранив свою форму и значение, например, в украинский (у Б. Д. Гринченко этого слова еще нет), чувашский, азербайджанский, киргизский, узбекский (*киоска*, в карнабском говоре *кыйâскâ*) языки, в современный уйгурский язык. Вошло оно и в таджикский язык. В результате здесь, так же как и в азербайджанском языке, возникло любопытное положение: при сохранении слова в исконной для таджикского языка форме *кйшк* в значениях «дворец, замок, чертог»⁶⁰ (ср. азерб. *көшк* 'павильон') существует рядом с ним и его «двойник» — *киоск*, заимствованный по цепочке — турецкий, новогреческий, французский и русский языки, что отразилось на нем и формально, и семантически.

⁵⁶ «Молдавско-русский словарь». М., 1961, стр. 336; «Русско-румынский словарь». М., 1954, стр. 300.

⁵⁷ И. Татищев. Полный французский и российский лексикон, 2-е изд., т. I. СПб., 1798, стр. 956.

⁵⁸ «Словарь русского языка, составленный 2-м отд. Императорской АН», т. 4. СПб., 1906—1907, столб. 911.

⁵⁹ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 537. Н. К. Дмитриев, видимо, не учитывал данных иносистемных языков, когда писал, что «новообразования *киоскер*... совершенно не знают другие языки, акклиматизировавшие это слово» (там же, стр. 511). Ср. молдавск. *кьошкър*—«киоскер» («Молдавско-русский словарь». М., 1961, стр. 336), в котором и корневая, и суффиксальная морфемы могут свидетельствовать о том, что это слово — не калька с русского. См. также польск. *kioskarz* — «киоскер» («Słownik polsko-rosyjski». Warszawa, 1949, стр. 169).

⁶⁰ «Таджикско-русский словарь». М., 1954, стр. 200.

5. Итак, анализ слов *орда*, *сарай*, *киоск* в русском языке с привлечением других славянских, а также некоторых неславянских языков позволяет сделать следующие выводы.

Можно выделить — хотя бы условно и предварительно — изоглоссы тюркизмов, во-первых, с точки зрения общности их материального оформления и, во-вторых, — их смыслового развития. В первом случае можно провести линию, объединяющую турецк. *köşk*, молдавск. *кьошк*, румынск. *chióşc* и давний русский вариант *киошъ*.

Для слова *сарай* четко выделяются два семантических ареала. В одном из них — восточнославянском — *сарай* претерпело резкое семантическое снижение. В другом, южнославянском и шире — западно-европейском, этого не произошло. Промежуточное положение между этими двумя ареалами занял один из балканских языков — румынский, в котором произошло как бы расщепление данного заимствования на два слова: устаревшее *săgái* означает «дворец» и более употребительное *săgái* — «сарай, амбар»⁶¹.

Такое неодинаковое семантическое развитие в родственных языках, вероятно, объясняется следующим. Для русского и украинского языков воздействие тюркского языка-источника, поддерживавшего связь заимствования *сарай* с соответствующей реалией, прекратилось сравнительно давно. Причем, например, в татарском слово *сарай* не осталось неизменным в смысловом отношении — уже с первой половины XVIII в. оно стало означать не только и не столько «дворец», сколько «дом, надворная хозяйственная постройка».

В южнославянских языках, заимствовавших слово *сарай* из турецкого, контакты с этим языком были более прочными и длительными; следовательно, сохранялась связь слова с соответствующей реалией (дворцом).

Точно такую же связь с соответствующей реалией сохраняет, например, румынск. *ordie* 'турецкое войско', благодаря чему остается своеобразным островком среди почти повсеместно произошедшего семантического снижения слова *орда*.

Близкородственные языки — русский и украинский, принадлежащие, с точки зрения изучаемых слов, к одному семантическому ареалу, обнаруживают тем не менее расхождения в значениях некоторых производных слов с тождественной морфологической структурой. Так, русские дериваты слова *орда*, как правило, переместились в область топонимическую, в то время как аналогичные украинские производные отмечаются в качестве словарных лексем. Наиболее яркий пример — русск. *Ордынка* (название московской улицы; ср. фамилии *Ордынский*, *Ордынцев*) и украинск. *ординка* 'казанская овчина, рыжеватая, с грубой шерстью'⁶².

⁶¹ «Румынско-русский словарь». М., 1954, стр. 744.

⁶² Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. III, Киев, 1909, стр. 62.

М. А. ХАБИЧЕВ

Bagr, bagor

Багр (*багор*) и производные от него слова встречаются в старославянском, болгарском, древнерусском, современных русском, украинском и белорусском языках. Ср. старославянские из Супрасльской рукописи (издание С. Северьянова. — СПб., 1904 г.) *багръ* 'багровый', *багрити* 'окрашивать в багряный цвет', *багрѣница* 'порфира'; болг. *багра* 'краска', *багрѣн* 'темно-красный, пурпуровый', *багрѣ* 'красить, окрашивать в темно-красный цвет'; др.-русск. *багръ* 'красная краска, красный цвет', 'багряный'; русск. *багр*, *багор* 'темно-красный цвет', *багрец*, *багрить*, *багровый*, *багроветь*, *багряный* и др.; укр. *багор* 'пурпуровый цвет', *багрец* 'яркий, багровый цвет', *багривий* 'темно-красный'; белорус. *багра* 'пурпуровая краска', *багровізна* 'багровое пятно на теле от удара' и т. д.

По мнению Т. В. Шанской, существительное *багръ* 'красная краска, красный цвет' и прилагательное *багряный* (от ст.-слав. *багръ*+суф. -*ан*) заимствованы из старославянского языка, а *багрец* (*багр*+*-ць-*) 'красная краска темного оттенка' и *багровый* являются собственно русскими словами¹.

В толковых словарях русского языка² *багряный* и *багровый* семантически не дифференцируются, даются как синонимы, принадлежащие к разным стилям речи: *багряный* — высокому стилю, *багровый* — нейтральному. Однако каждый словарь толкует их своеобразно: «густо-красный, кровавого цвета» (словарь под ред. Д. Н. Ушакова, стр. 76), 'красный густого, темного оттенка' (словарь С. И. Ожегова, стр. 26), 'густо-красный, пурпуровый, красный с синеватым или лиловым оттенком' (словарь Академии наук СССР, стр. 53).

По В. И. Дáлю, *багровый* и *багряный* отличаются по значению: *багровый* — червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметною просинью...; *багряный* — червлёный же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий и самый чистый красный (Вл. Даль, ТСЖВЯ, т. I, стр. 36).

Авторы этимологических словарей существительное *багр* или *багор*, от которого образованы *багровый* и *багряный*, дают с разными значениями: 'темно-красный цвет' (А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1959, стр. 11); 'пурпур, пурпурная раковина' (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, М.,

¹ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 31.

² «Толковый словарь русского языка», т. I, под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935, стр. 76; С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953, стр. 26; «Словарь русского языка Академии наук СССР», т. I, М., 1957, стр. 53—54.

1964, стр. 103); 'красная краска, красный цвет' (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 31).

В связи с тем, что *багр* не является общеславянским словом, большинство исследователей считает его заимствованием. Так, А. Г. Преображенский называет его словом неизвестного происхождения, считая, однако, возможным сближение с германским *fagra* (*fahra*) 'красивый' (т. I, стр. 11). М. Фасмер *баг(о)р* относит к неясным словам, отрицая все предшествующие этимологии, хотя и допускает мысль о его родстве с греческим φωφω 'поджариваю', древневерхненемецким *bahhan* 'печь' и *багать* (т. I, стр. 103). Ст. Младенов сближал *багъръ* с голл. *baggaert* 'тина', ирл. *búal* 'вода' и *bagno* 'красное болото'³. По А. С. Львову, *багъръ* состоит из усилительной частицы *ba-* и корня *-гър-* со значением 'гореть'⁴. Т. В. Шанская пишет: «Существительное *багъръ*, заимствованное из старославянского языка, вероятно, образовано от той же основы, что и диалектные *багать*, *багач*, *багатье* — «огонь, тлеющий в золе», посредством суффикса *-р-*»⁵. К. Г. Менгес полагает, что славянское *багъръ* восходит к тюркскому *bakur*, *baуur* 'медь', а последнее возводится к арабскому *тауга* 'красная земля', 'красный мелок'⁶.

Не претендуя на бесспорность нашего предположения, мы склонны считать, что *багр* (*багор*) в старославянском и древнерусском языках является болгаризмом.

Обратимся к истории. Общим самоназванием балкарцев и карачаевцев является этноним *алан*, а частным — для карачаевцев — *къара-чайлы*, что в переводе на русский язык означает «черный болгарин», для балкарцев — *малкъарлы*, что означает «болгарин»⁷. Как известно, в VII в. н. э. часть болгар переселилась с Северного Кавказа на Волгу и Дунай. С течением времени дунайские болгары растворились в среде южных славян, передав свое этническое самоназвание болгарам⁸. Древнебулгарский язык не был единообразным. Он состоял из различных диалектов⁹. И то, что в формировании карачаево-балкарского, кумыкского, башкирского и поволжско-татарского языков принимал активное участие древнебулгарский язык, у ученых не вызывает сомнения¹⁰. Однако, возможно, этот процесс проходил в каждом отдельном случае при участии разных диалектов древнебулгарского языка.

В древнетюркском, куманском, казахском, киргизском и огузских языках *бакуг* или *баууг* означает «медь», а в башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском и поволжско-татарском языках — «красная медь». В карачаево-балкарском языке *баууг* наряду с «красная медь» имеет значения «багровый», «багряный», «темно-красный цвет»: *баууг бојав* — «багровая краска», «багровый цвет», «темно-красная краска»; *баууг бет* — «багровый цвет», «багряный»; *баууг таң* — «багряный рас-

³ Ст. Младенов. Славянские этимологии. — «Русский Филологический Вестник», № 4. Варшава, 1912, т. 68, стр. 373; *его же*. Этимологически и правописень речникъ на българския книжовенъ езикъ. София, 1941, стр. 39.

⁴ А. С. Львов. Две русские этимологии. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 69—71.

⁵ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Указ. словарь, стр. 31.

⁶ К. Н. Menges. Schwierige slavisch-orientalische Lehnbeziehungen. — «Ural-Altäische Jahrbücher». Bd. XXXI. Wiesbaden, 1959, стр. 177—178.

⁷ М. А. Хабичев. Об этнонимах *алан*, *byzynyly*, *malkarly*, *karačajly*, *tegejli*. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 126—129.

⁸ М. И. Артомонов. История хазар. Л., 1962, стр. 172—174; «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 41.

⁹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 236; «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 18—19, 38—62.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 272, 282.

свет»; *köknü kujuğu baууglandу* — «край небосвода обагрился»; *baууgbaş žulan* — «багровоголовая змея», «медянка» и т. д. Ср. также поволжско-татарское *baкуг* 'рыжий' в словосочетании *baкуг baş* 'рыжие волосы' (ТатРС, 54).

Значения к.-балк. *baууг* 'красная медь', 'багровый', 'багряный' наводят на мысль о том, что в нем совпало звучание двух разных по происхождению слов: *baууг* 'красная медь' и *baууг* 'багровый', 'багряный'. *baууг* 'красная медь', вероятно, от к.-балк. *baк*- 'обогащать руду', 'очищать руду', 'получать очищенную руду' + имяобразующий аффикс *-уг*. Возможно, этот корень присутствует в каз. *baкуг* (РС, IV, 1440) 'ковш', *baкугаş* 'железный ковш', тат. *baкгаş* (РС, IV, 1443) 'маленькая кастрюля', 'ковш с длинной ручкой', тоб. *baкгаž* 'чугун'. Значение «красная» у *baууг* 'медь' могло появиться под влиянием *baууг* 'багровый', 'багряный'. Последнее слово восходит к **baј* > *boј* [ср. кыпч. (Еттухфет, 179) *baјак* с балк. *baјав*, куман. (по К. Грёнбеку, 48) *baјов*, 63 *boја*, к.-балк. *boјав* 'краска', *boја*- 'красить' и т. д.] 'краска', 'цвет' + *-ууг* < **куг* 'красный'. Ср. к.-балк. *Boју kallajdy?* 'Какого цвета?' (букв. 'цвет его каким является?'). *Ne boјludu?* 'Какого цвета?' (букв. 'что по цвету напоминает?'). *Boју kuzyl kumaş* 'Ткань красного цвета' и т. д. Карачаево-балкарские существительные *boј*, *bet* со значением «цвет», «краска», употребляемые с аффиксами принадлежности, обычно стоят в препозиции. Генетически *baј*, *boј* 'цвет', 'краска' связаны с существительным **baј* > *taј* 'жир', 'масло'.

Что же касается элемента *-ууг*, то он восходит к самостоятельному слову **куг* 'красный'. Последний генетически связан с общетюркским *куз-*, чув. *хёг-* 'горячиться', 'накаливаться', 'краснеть', с корнями *куг-*, *гуг-*, *хёг-*, встречающимися в тур. *кугтузу*, азерб. *гугтузу*, чув. *хёгле*, *хёглемес* 'красный'. В корнях *куз-*, *хёг-*, а также в *кузyl* 'красный' и *хёгле* 'красный' наблюдается чередование *z* ~ *г*, характерное для тюркских языков.

Следовательно, *baууг* 'багровый', 'багряный' исторически является сложным словом, состоящим из *baј*(*у*) 'цвет (его)', 'окраска (его)' + *куг* 'красный': *baјукуг* > *baјууг* > *baууг*. Показательны в этом отношении к.-балк. *куşкуг-*, *куёг-* 'кричать', кирг. *кујкуг-*, тур. *куууг-* 'кричать'.

Таким образом, *baууг* первоначально имело значение «красный цвет», «красная краска». С этим значением оно и вошло в старославянский и древнерусский языки.

В современном русском языке слова *багровый* и *багряный* разошлись не только стилистически, но и семантически. *Багровый* образовано посредством присоединения суффикса относительных прилагательных *-ов* к заимствованному из болгарского языка слову *baууг* 'красный цвет', 'красная краска' + окончание *-ый*, а *багряный* (от *baууг* 'красный цвет', 'красная краска' + суф. *-ан-* + окончание *-ый*) является заимствованием из старославянского языка. Межстилевое слово *багровый* носит значение «густо-красный цвет», «густо-красная краска», а поэтическое *багряный* — значение «ярко-красный цвет», «ярко-красная краска».

Булгаризм *baууг* 'багровый', 'багряный', вероятно, проник в древнерусский и старославянский языки непосредственно из древнебулгарского языка в VII—VIII вв. н. э., ибо большинство тюркизмов, встречающихся во всех славянских языках, вошло в общеславянский язык в глубокой древности.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

С. А. ГАЛИН

ОБ ОДНОМ БАШКИРСКОМ ЭПИЧЕСКОМ СКАЗАНИИ («КЫЗБАТЫР И КЫРБАТЫР»)

В 1812 году в типографии Казанского университета была отпечатана небольшая книга под названием «Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских 1809 года», представлявшая перевод одного из вариантов эпической поэмы башкирского народа «Кузы-Курпес и Маян-хылу», выполненный Тимофеем Беляевым. Эта публикация одного из ранних опытов русского перевода крупного эпического сказания, известного и другим тюркским народам, была изучена впервые профессором Л. И. Климовичем¹.

В настоящее время в фондах научных учреждений и вузов Башкирии хранятся десятки вариантов этой поэмы, в том числе записи последних лет. Однако издание 1812 года, по общему мнению фольклористов, является наиболее полным и самобытным. Известно также и то, что «Куз-Курпяч...» (изд. 1812 года) представляет собой лишь первую часть задуманной Т. Беляевым публикации. Упоминание о продолжении повести содержится в послесловии, или «Прибавлении» к книге, в котором переводчик пишет: «Сим оканчивается рукописная башкирская повесть, курайчем собранная, по переводе которой отыскал я и начал уже переводить и вторую оной часть, в которой курайчи, окончив повесть о родоначальнике башкирского племени, начинает продолжать о его потомках. И естли сия первая часть, мною переведенная и в свет изданная, читателями будет благосклонно принята, то и вторая вскоре за нею может явиться».

Вплоть до последнего времени о судьбе второй части публикации, обещанной Т. Беляевым, ничего не было известно. Лишь в 1959 году в фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде доцентом Башкирского государственного университета М. Г. Рахимкуловым была обнаружена и позже автором этих строк изучена рукопись под названием «Мои вечера. Сказки башкирские», позволяющая предположить, что именно она является продолжением беляевской публикации 1812 года.

Данная рукопись в объеме 136 листов одностороннего письма переплетена и хранится в рукописном отделе библиотеки. Она написана от руки на бумаге большого формата размером 30×21 см и, видимо, переписывалась в течение долгого времени разными лицами, о чем свидетельствуют различные почерки переписчиков.

¹ Л. И. Климович. Заметки об эпическом творчестве народов Советского Востока. — В кн.: «Эпос народов СССР». М., 1958, стр. 252.

К какому времени относится данная рукопись, сказать трудно. Судя по единственной записи на полях 68-го листа («это писал Петр Шишкин. 1872 года, марта 23 числа»), она переписана позднее перевода, о чем подробнее будет сказано ниже. Известно лишь то, что в публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина эта рукопись принята не позже 1887 года, что следует из записи библиотекаря на последнем ее листе: «В этой рукописи 136 листов. 1887 г. Библиотекарь», далее — подпись.

Рукопись сохранилась довольно хорошо; исправлений, приписок, добавлений в тексте сказания почти не встречается. Однако необходимо отметить, что в нескольких местах (листы 50, 83а, 134) имеются небольшие пропуски в повествовании, хотя нумерация листов идет последовательно. Так, например, на листе 83а заканчивается повествование 31-й части-вечера и начинается следующая, 32-я часть. Но именно на этом листе имеется небольшой пропуск. Можно предположить, что дошедшая до нас рукопись является одним из списков оригинала перевода. К счастью, пропуски незначительны по объему и не нарушают сюжетной и композиционной целостности сказания.

Название рукописи «Мои вечера. Сказки башкирские» весьма условно, оно ни в коей мере не связано с содержанием и, видимо, отражает лишь форму изложения и условия записи поэмы из уст сказителя-сэсэна (или перевода). Можно предположить, что сказание записывалось частями по вечерам, в течение продолжительного времени. В рукописи всего 56 таких частей-вечеров. Подобная структура, видимо, навеяна циклом арабских сказок «Тысячи и одной ночи». Судя по рукописи, и неизвестный сказитель-сэсэн, и переводчик были людьми весьма образованными.

Вопреки названию, рукопись представляет собой единое эпическое сказание. Кызбатыр и Кырбатыр — имена, данные народом главным героям сказания — батырам Джюгре и Алдару. Это название полностью соответствует содержанию сказания и характерно для башкирских эпических поэм. Поэтому «Мои вечера. Сказки башкирские» следует рассматривать как эпическое сказание «Кызбатыр и Кырбатыр».

«Кызбатыр и Кырбатыр» — самобытное произведение башкирского народного творчества. История его записи неизвестна, не указан в рукописи и переводчик. Однако сравнительный анализ идейно-тематического содержания, художественно-композиционных, стилистических особенностей сказания, самой системы образов, как уже отмечалось, убеждает нас в том, что оно является продолжением, то есть второй частью эпоса «Куз-Курпяч», изданного Тимофеем Беляевым в 1812 году в Казани. Не претендуя на исчерпывающую и всестороннюю характеристику, попытаемся обосновать это мнение и проследить идейно-тематическую и художественно-стилевую преемственность этих двух памятников.

Сказание «Кызбатыр и Кырбатыр», как и «Куз-Курпяч», начинается с небольшого посвящения. Приводим его полный текст:

«Тебе, почтеннейший мой Николай Николаевич, посвящаю я „Мои вечера“ как плоды одиночества моего. Конка глуп, а я не вития, так чего доброго ожидать! Ты найдешь в них то, чего не слышал прежде в часы отдохновения твоего. Читая их, припомнишь нравы и обычаи моих семиродцев², которых и ты любил, а они тебя и до сей поры любят и называют: „Ай джигит Бахметов!“».

² Речь идет о родо-племенном образовании башкир в юго-восточной Башкирии в XIV—XVI веках. В это объединение входили племена Бурзян, Тамьян, Тангаур, Усерган и Кыпсак (племя Кыпсак подразделялось на самостоятельные роды: Кара-Кыпсак, Санкем-Кыпсак, которые входили в это объединение на равных началах с другими племенами). См.: «Башкирские шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, стр. 194.

Не Кайлусь³ повести восточны соплетает,
 Не Шехрезада здесь султана усыпляет,
 Но Конка с баринном, любя тебя душой,
 Башкирские рассказы, любимые тобой,
 Приносят в дар тебе, не ради красна слога,
 Но благость, что твоя была всегда к ним многа,
 Башкирцы все тебя считают за джигита,
 И от астендаминькымним⁴ им была защита»⁵.

И по содержанию, и по стилю это посвящение перекликается с посвящением в «Куз-Курпяч» — «К сыну Осмиродца»: в обоих посвящениях, очень сходных по манере изложения, речь идет о человеке, который якобы любил и уважал башкир, был любим ими. Вот, например, строки из «Куз-Курпяч»:

Чтоб ты, любя башкирцев,
 В свободный час читал.

Или:

Отцом твоим любимый
 Описывал народ.
 Он другом был народа,
 Народ его любил.

Идентичность содержания посвящений обоих эпических сказаний дает нам возможность утверждать, что «Куз-Курпяч» и «Кызбатыр и Кырбатыр» посвящены одному и тому же лицу — Н. Н. Бахметьеву, имевшему прямое отношение к башкирам по службе: в 1798—1803 годах он был военным генерал-губернатором Оренбургской губернии.

О личности «Сына Осмиродца», которому была посвящена беляевская публикация «Куз-Курпяч», был высказан ряд предположений. Представляется весьма убедительной точка зрения Л. И. Климовича. Он пишет: «Башкиры в „Куз-Курпяче“ названы „семиродцами“, или „седемьмиродцами“, в соответствии с башкирским *ете ырыу*, а также с перечисленными в эпосе названиями семи башкирских племен, хотя их было больше. В данном же случае курайчи обращается к сыну другого племени, народа, желая преподносимым ему произведением укрепить его в любви к башкирам, к родному народу певца»⁶.

Итак, «Сын Осмиродца» — это не представитель восьми родов башкирских, как объясняет М. Г. Рахимкулов в комментариях к I тому книги «Башкирия в русской литературе» (Уфа, 1961), а человек другого племени, то есть представитель русского народа. Иначе говоря, это тот же генерал-губернатор Оренбургской губернии Н. Н. Бахметьев. И если мы признаем, что сказание «Куз-Курпяч», переведенное Т. Беляевым, как и «Кызбатыр и Кырбатыр», посвящено Н. Н. Бахметьеву, то логично сделать вывод, что перевод «Кызбатыр и Кырбатыр» также принадлежит Т. Беляеву. Это предположение тем более оправдано, что оба эпи-

³ Кайлусь — по-видимому, речь идет о фольклорном сказителе.

⁴ Астендаминькымним — смысл слова неясен, видимо, оно дано в искаженной транскрипции. В сказании оно употреблено в значении «начальство».

⁵ На следующем листе рукописи, вслед за посвящением, имеются следующие строки:

«Я в шутках правду возвещу,
 „Татарски сказки из подспуду“ (Державин)
 Тебе, Бахметов, сообщу.

Певец Фелицы сказал: как луч потомству сообщу.

Но я сказки мои не считаю лучшими, и не хочу предать оны потомству, а только тебе единому».

⁶ Л. И. Климович. Башкирский эпос «Кузы-Курпес и Маян-хылу» и его особенности в переводе Тимофея Беляева. — В сб.: «Народный эпос „Кузы-Курпес и Маян-хылу“». Уфа, 1964.

ческих сказания переведены почти одновременно. «Куз-Курпяч», как известно, было переведено в 1809 году, а в сказании «Кызбатыр и Кырбатыр» о годах службы Н. Н. Бахметьева (1798—1803) упоминается как о недавнем прошлом.

Обычно подобного рода посвящения связывали с какими-то важными событиями. Возможно, что курайчи, или переводчик, принадлежал к числу приближенных генерал-губернатора, и сказание было преподнесено ему в качестве дара башкирского народа, чтоб «укрепить его в любви к башкирам».

Следует, однако, сказать, что «мотив любви» башкир к генерал-губернатору в самом сказании отсутствует. Об этом говорится лишь в предисловии сказителя-сэсна или переводчика и, видимо, с определенной целью. И это не случайно, ибо система кантонного управления, способствовавшая угнетению трудящихся масс, вызвала отрицательное отношение народа, получившее яркое выражение в многочисленных исторических песнях.

Сказание «Кызбатыр и Кырбатыр» и в идейно-тематическом плане воспринимается как прямое продолжение поэмы «Куз-Курпяч». В послесловии к последней Т. Беляев говорит, что во второй ее части, которую он начал переводить, «курайчи, окончив повесть о родоначальнике башкирского племени (то есть семиродцев. — С. Г.), начинает продолжать о его потомках». И действительно, в сказании «Кызбатыр и Кырбатыр» широко отражены общественная жизнь, быт, нравы, обычаи, традиции и верования не только семиродцев, именуемых в сказании степным народом, но и лесных башкир, под которыми подразумеваются башкирские племена всей современной центральной и северо-западной Башкирии. Действие сказания разворачивается на огромной территории: на берегах Яика, Кандры-куля, Агидели. Здесь мы видим славных батыров с Сакмара, Кармасана, Қараидели, Бири, Иртыша, Уила, представителей булгар, ногайцев, каракалпаков и т. д.

Как известно, основной идеей эпического сказания «Кузы-Курпес и Маян-Хылу», и особенно его беляевского варианта, является идея укрупнения и объединения башкирских племен⁷. Эта идея в «Куз-Курпяч» находит воплощение в брачном союзе представителей двух башкирских родов, а в сказании «Кызбатыр и Кырбатыр» она получила свое дальнейшее развитие, претворившись в призыв к объединению башкирских племен в единую народность. Глубокий идейный смысл приобретает брачный союз батыра лесного народа Джюгры и батыра степного народа Алдара, представляющих две этнические группы, каждая из которых является крупным межплеменным объединением. Поэма пронизана идеей сплочения башкирских племен, воспекает их мирную жизнь и дружбу с другими народами, утверждает идеалы гуманности и справедливости. В сказании повествуется о временах, когда межплеменные распри и войны остались в прошлом, и о них можно было узнать только у седобородых аксакалов. Попытка нарушить мирную жизнь племен расценивается как самое большое преступление перед народом. Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться лишь на один пример. Во время большого празднества с участием многочисленных гостей из других родов, устроенного Қидрясом в честь возвращения Кызбатыр, которую считали погибшей, батыр Муйнак с гордым видом объявляет ее отцу, что он хочет жениться на Джюгре, и если ему откажут, то он возьмет ее силой. «Сне нахальство и угрозы, никогда не слыханные между мирны-

⁷ А. Н. Куреев. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1971, стр. 174.

ми племенами нашими, — читаем мы далее в сказании, — привело всех в негодование. Отец мой и почтенные аксакалы от сих слов ужаснулись, молодые же... пришли в великую ярость, и всякий стал требовать свое оружие». Оскорбленная Джюгра сказала: «Почтенные аксакалы, вы, прожившие уже столько лет, слышали ли от отцов ваших и видели ли сами, чтобы кто из родов наших в прежние и в наши времена нашелся столь дерзновенный, чтобы возмутить спокойные наши празднества, в коих не бывало ни свар, ни ссор, тем более насилий. А сей урод приезжает званым гостем, не только требует с гордостью меня у отца моего в жены, но хочет еще взять силою, а притом и храбрых батырей наших, не изведав их мужества, с презрением поносит. Итак, прошу тебя, родитель мой, почтенных аксакалов и всех батырей, позволить мне одним ударом пробить сие огромное туловище, дабы смыть нечистой кровью его обиду, всем нашим племенам причиненную». Но мудрые аксакалы и народ, сказав, что убийство невооруженного нарушит закон гостеприимства, «чего в мирных наших аулах не бывало, да сохранит нас и впредь от сего великий наш пророк», отказали Кызбатыр в ее просьбе. Вспыхнувшая между двумя родами лесных башкир вражда была погашена мудрым предложением аксакалов: решить спор борьбой батыра Муйнака и батыра Алдара, которого народ уже считал женихом Джюгры. Как и следовало ожидать, Алдар вышел победителем. Так идея справедливости восторжествовала, ибо времена кровопролитных войн, кровной мести ушли уже в область преданий.

Герои сказания почитают мудрость аксакалов, исходят в своих оценках поступков героев из общих интересов, оказывают друзьям гостеприимство и радушие, борются со злом и коварством.

Примечательно, что в сказании ярко выражена идея мира и дружбы башкирских племен с другими народами и племенами, получившая реальное воплощение в брачном союзе башкирских батыров Карабая и Байджигита с трухменской девушкой Тансулу и ногайской девушкой Гульбустан, в освобождении батыром Алдаром пленников *пярия*, в числе которых оказались представители многих других народов.

В раскрытии идейно-тематического содержания и композиционного своеобразия сказания «Кызбатыр и Кырбатыр» большую роль играют образы *авлии* и прорицателя. По своему идейно-эстетическому содержанию они вполне созвучны с образами *авлии* и *мяскай* из эпической поэмы «Куз-Курпяч» и связаны с распространением идеологии ислама. По утверждению Л. И. Климовича, *авлия* — это трансформированный образ сеодородного мудреца, характерный для многих эпических сказаний тюркоязычных народов. В сказании «Кызбатыр и Кырбатыр» *авлия* выступает в роли посланца пророка Мухаммеда. Впервые он является в образе вооруженного с ног до головы батыра и, встретив батыра Аллабирде, обращается к нему по имени. На вопрос Аллабирде: «Почему известно тебе мое имя?», *авлия* отвечает: «Я тебя знаю. И знаю твои печали, смотри на меня и примечай все мое оружие, ты его когда-нибудь увидишь. Теперь возвратись в ближнее кочевье, там ожидают тебя твои однородцы, они дадут тебе совет, последуй ему, на сие есть воля отца мусульманов». После этого он удаляется. Второй раз его встречают Аллабирде и Джилкибай, следующие в кочевье Джюгры. На голове у него чалма с белым повивалом, сам же он опоясан широким поясом, на котором начертаны непонятные слова. Пригласив путников к себе в пещеру, он дает им испить воды из источника, сказав, что ею «угощают только тех правоверных, кои живут благочестиво и ходят путем истины». «Намерение ваше благословляет святой наш пророк, — наставляет он, — и он, явясь, меня послал к вам навстречу, велел угостить сей лицезию и по-

дать вам следующий совет». Следуя совету авлия, путники добираются до кочевья Джюгры. В третий раз авлия встречается с Кызбатыр. «О, я весьма знаю тебя, батыр-кыз, и ведаю, куда ты едешь и зачем. Но если я не дам тебе сей плети, то ты не доедешь, а, может быть, и погибнешь», — говорит он и дает Джюгре плеть о многих концах, которая помогла ей добраться до прорицателя. Четвертый раз авлия является Алдару, едущему с женой Джюгррой и Байджигитом к своему кочевью — семиродцам. Надев на шею батыров ожерелья, сделанные из своих четок, вплетя в гривы их коней бути-молитву, зашитую в треугольник, он говорит им: «Сие предохранит вас от ран, наносимых вам и коням вашим *пярием*. Вам, дети мои, предопределено сразиться с сим чародеем, превращающимся в разные роды чудовищ, убить его и освободить правоверных, томящихся в смрадных его камерах. Шествуйте с дерзновением, надейтесь на бога и его великого пророка». После этого авлия исчезает, а батыры, следуя его советам, побеждают.

В последний раз авлия появляется среди батыров, только что убивших злого *пярия* и освободивших его пленников. Поздравив Алдара с победой, авлия возвещает «последнюю волю великого... пророка, который, как отец, печется о правоверных», о том, что «все здесь в неволе находящиеся увидят свою родину, кроме Гульбустан и Тансулу», которые «в награждение за страдания... получают мужей-батырей». Дав еще несколько советов, он становится невидимым.

Несомненно, образ всезнающего и доброго авлия, приходящего на помощь батырам в самые трудные для них моменты, проник в сказание в более позднее время под влиянием исламской религии, в результате соединения сказочно-эпических образов башкирского фольклора с элементами мусульманской мифологии. Решающую роль здесь, как и в «Куз-Курпяч», сыграл, видимо, *курайчи-сэсэн*, который, судя по всему, был для своего времени довольно образованным человеком.

Усилению религиозных мотивов в сказании способствует образ прорицателя — мусульманина, «пришедшего из Индостана». Как и в «Куз-Курпяч», здесь тоже можно видеть переплетение событий различных эпох. Основной сюжет сказания повествует об эпическом герое Кызбатыр и Кырбатыр. В него вплетаются события, о которых рассказывает прорицатель, и относящиеся ко времени взятия Иваном Грозным Казани. Тут же предсказывается и будущее башкир: «Если бы ты могла прожить двадцать мусалей⁸, — говорит прорицатель Джюгре, — то не узнала бы своих единоплеменных не только по житью их, но и по одежде. Стада их умалются, звероловство оставят, вместо тугих костяных их луков будут луки, загнутые из тонкого леса, наподобие коромысла, на чем старухи ваши носят воду; вместо тетив, из крепких конских жил сделанных, натянут свои коромысла, свитые из мочал, а стрелы их будут наподобие веретен, а что всего хуже, то нравы их развратятся». Следует подчеркнуть, что в сказании «Куз-Курпяч» устами *мяскай* вхождение башкирских племен в состав Русского государства оценивается положительно, и правоверная *мяскай*, проповедующая ислам, порой сбивается на позиции христианства. Прорицатель же в сказании «Кызбатыр и Кырбатыр» остается ортодоксальным мусульманином, ненавидящим «белого царя, белый народ, их веру». Следует полагать, что в данном случае проявилась противоречивость в воззрениях *курайчи-сэсэна* или переводчика. Однако религиозные мотивы и в этом памятнике являются вторич-

⁸ *Мусаль* — двенадцатилетний животный цикл летосчисления, с давних времен применяемый многими тюркоязычными народами.

ными, привнесенными в более позднее время сказителем-сэсэнном, записавшим этот памятник, или переводчиком. Сказание народно в своей основе — оно посвящено проблемам общенародного значения, которые решаются в интересах всего народа: осуждаются межплеменные распри, звучит призыв к сплочению и миру.

Необходимо отметить также, что в обоих сказаниях многие батыры носят одни и те же имена. Так, имя главного героя сказания «Кызбатыр и Кырбатыр» батыра Алдара встречается и в поэме «Куз-Курпяч». В ней Алдар изображен самым близким другом родоначальника семиродцев — батыра Куз-Курпяча. В обоих сказаниях упоминаются батыры Муйнак, Карабай, Байджигит, Куслиубай, Джилкибай и др.

Помимо идейно-тематического, композиционно-художественного единства и некоторых сходных образов, эпическим сказаниям «Кызбатыр и Кырбатыр» и «Куз-Курпяч» свойственна общность поэтических и стилистических приемов. Так, в обоих сказаниях наблюдаются однотипные конструкции сложных предложений, аналогичные глагольные формы, определения, эпитеты, сравнения, часто совпадает и форма подачи комментариев к отдельным башкирским, арабским, персидским словам. Во многом тождественны описания скачек, борьбы батыров. Все это еще раз подтверждает, что оба эти сказания переведены на русский язык одним лицом и, составляя в художественно-поэтическом отношении единое целое, дополняют друг друга.

«Кызбатыр и Кырбатыр» — сложное, местами противоречивое эпическое сказание, в котором отразились мотивы и образы, характерные для различных периодов художественного творчества народа. Наряду с мастерским описанием социально-бытовых эпизодов в сказании видное место занимают фантастические и мифологические мотивы, отражающие древнейшие представления людей. Известно, что мифология, являясь наивной формой познания и освоения мира, была порождена фантазией людей первобытно-общинного строя. На основе искаженного восприятия действительности возникли образы сверхъестественных чудовищ и мотивы героического единоборства с ними лучших людей племени. В полной мере это может быть отнесено к данному сказанию.

Очень древним является также мотив единоборства мужчины и женщины. Во всех родах лесных башкир батыр-кыз Джюгра в борьбе не имела себе равных, ее единоборство с Алдаром показало, что в силе и ловкости они не уступают друг другу. Следует подчеркнуть, что борьба в сказании носит не только ритуальный характер, она выполняет большую идейно-эстетическую функцию, являясь отголоском той значительной роли, которая в древние времена принадлежала женщине в общественной и хозяйственной жизни народа.

Сказание «Кызбатыр и Кырбатыр» является ценным историко-этнографическим источником. Оно содержит в себе большой фактический материал об этнической истории башкирских племен, о их материнской и духовной культуре, общественных и семейных отношениях, о быте, обычаях и традициях.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

И. Р. ЕМЕЛЬЧЕНКО

А. И. ЛЁВШИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Начало изучения казахского языка обычно связывается с именем известного тюрколога Н. И. Ильминского (1822—1891). Это в определенной степени справедливо. В 1860—1861 гг. Н. И. Ильминский опубликовал солидную для того времени работу «Материалы к изучению киргизского наречия»¹.

Однако исследованием казахского языка занимались и другие русские ученые. Одним из них был Алексей Ираклиевич Лёвшин (1799—1879) — один из крупнейших знатоков «киргизского края». В 1820 году он был назначен в Оренбургскую пограничную комиссию, где занимался разбором архива «киргизских дел», а заодно и изучением истории и этнографии казахов.

Результатом проведенных А. И. Лёвшиным тщательных исследований явились многочисленные статьи, объединенные впоследствии в трехтомное «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей»². Это был фундаментальный научный труд о народе, до того малоизученном исследователями Азии.

Книга А. И. Лёвшина еще до выхода ее в свет была высоко оценена современниками. Один из рецензентов писал: «Почтенный автор долго путешествовал по киргизской степи и собрал всевозможные сведения о народе, кочующем по оной. Лестное доверие автора познакомило нас отчасти с его сочинением: рукопись его была у нас в руках несколько времени, и мы смело скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь занимательные по своему предмету»

¹ «Ученые записки Казанского университета», книга III. Казань, 1860; вып. III, 1861.

² А. И. Лёвшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. В дальнейшем ссылки на этот источник будут отмечаться в тексте: том — римской цифрой, страница — арабской.

и по образу воззрения сочинителя, и притом оживленные столь хорошим, увлекательным слогом. Это будет новый и богатый вклад, приносимый русскими учеными в общеевропейское хранилище сведений об Азии»³.

Труд ученого был по заслугам оценен и после его издания. «Мы, русские, — писал один из авторов, — можем гордиться тем, что наши соотечественники познакомили свет с землями, лежащими по ту сторону Каспийского моря: г. Муравьев своим путешествием в Туркмению и Хиву, г. Мейендорф — путешествием в Бухару и, наконец, г. Лёвшин — описанием киргиз-казацких орд и степей. Все сии сочинения не сборники поверхностных сведений, не легкие очерки предметов известных или богатых пособиями для описания, а оригинальные труды, изыскания, сказания очевидцев»⁴.

Исследования А. И. Лёвшина были признаны и за рубежом: он был избран членом многих иностранных научных обществ.

Такая оценка научной деятельности А. И. Лёвшина вполне им заслуженна. Благодаря точности и богатству фактического материала его работы, по мнению ученых, по сей день остаются одними из ценных источников по истории жизни и быта казахского народа. В труде А. И. Лёвшина приводятся и лингвистические материалы, которыми пользовались Ч. Валиханов⁵, Н. А. Аристов⁶, С. Аманжолов⁷ и др.

Сочинение А. И. Лёвшина написано на основе изучения материалов петербургского и оренбургского архивов. Кроме того, он сам непосредственно изучал нравы, обычаи казахов, собирал народные предания. Естественно, что, готовя свое исследование, автор не мог пройти мимо основных особенностей казахского языка, не мог обойтись без употребления казахских слов, обозначающих предметы быта, наименования озер, рек, гор и т. п.

Однако лингвистическая сторона обширного исследования А. И. Лёвшина не была до сих пор предметом особого изучения. В настоящей статье мы стремились по возможности раскрыть лингвистическую концепцию ученого, показать его роль в изучении казахского языка и распространении сведений о нем среди востоковедов того времени.

Прежде всего А. И. Лёвшин обращает внимание ученых-современников на то, что казахи — это самостоятельный народ, который по непонятным причинам неправильно называют киргизами или киргиз-кайсаками. Доказывая это, он пишет, что сами казахи «себя доньше иначе не называют, как *Казаками*... Под сим же именем известны они персиянам, бухарцам, хивинцам и прочим народам Азии» (II, 1—2). Далее он раскрывает значение слова *казак*, означающего вольного по отношению к земле, живущего неоседло, кочующего человека (II, 41).

«Народ сей весьма давно известен в Азии, — отмечал А. И. Лёвшин, — и составляет одну из отраслей многочисленного турецкого (тюркского. — *И. Е.*) племени, не уступает в древности ни найманам, ни киргизам, ни другим соплеменным с ним народам» (II, 42).

Естественно, что ученый не мог не уделить определенного внимания и казахскому языку. Он характеризует его следующими словами: «Язык их

³ «Литературная газета», т. III, 1831, № 2, стр. 11—12.

⁴ «Московский телеграф», № 48, 1832, стр. 545.

⁵ Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 122; т. III. Алма-Ата, 1964, стр. 39—41.

⁶ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов. СПб., 1895.

⁷ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. I. Алма-Ата, 1959, стр. 10 и след., стр. 22 и след.

есть испорченное Турецкое (тюркское. — *И. Е.*) наречие, в котором много слов, не понятных как для Турка, так и для Татарина Крымского, Казанского, а иногда даже и для Оренбургского. Сверх того, где Турки и Татары пишут (т. е. произносят. — *И. Е.*) *ш*, там Киргизы (казахи. — *И. Е.*) говорят *с*; где у первых *я, ъ, ии, ію, ю*, там произносят они *джа, дже, джи, джо, джу*; вместо *г* употребляют *х*. Большую часть гласных выражают неявственно, а буквы (звуки — *И. Е.*) *а* и *э* часто так смешивают, что их почти нельзя различить, или, лучше сказать, составляют между ними двумя звуками третий средний» (III, 133).

Эти замечания А. И. Лёвшина о казахском языке при первоначальном ознакомлении с ними не впечатляют: фонетические особенности указаны, но не раскрыты, не подкреплены примерами и т. д. Но если вспомнить, что тюркское языкознание в то время делало только первые шаги, мнение изменится.

Современный исследователь казахского языка М. Б. Балакаев отмечает: «Однако вопрос о происхождении и древней истории казахского языка в нашей лингвистической литературе все еще не получил научного освещения. Казахский язык в своем развитии, вероятно, был связан с языками западных тюркских племенных союзов, булгар, печенегов, половцев, а также других тюркских племен, входивших позже в государство Золотой Орды»⁸.

Это замечание М. Б. Балакаева говорит о том, что к наблюдениям А. И. Лёвшина следует отнести со всей серьезностью.

В 20-е гг. XIX в. широкое распространение получил термин «испорченное наречие», обозначавший не столько отступление от литературной языковой нормы, сколько ответвление какого-либо языка, считавшееся основой.

А. И. Лёвшин же утверждал, что казахский язык относится именно к тюркским языкам. Кроме того, он подчеркивал его родство с татарским и турецким языками.

Как известно, казахский язык по ряду признаков в настоящее время относят к кыпчакской, или северо-западной, группе тюркских языков, в которую входят также татарский, киргизский, башкирский, ногайский и некоторые другие языки.

Отмечая родство казахского языка с турецким и татарским (в его крымской, казанской и оренбургской разновидностях), А. И. Лёвшин в то же время фиксирует различия в их словарном составе.

Как известно, о родстве и различии тюркских языков говорят многочисленные факты. Почти во всех тюркских языках, например, существует глагольная основа, представленная в них в следующей огласовке: азерб. *дүш-*, алт. *түйш-*, башк. *төш-*, каз. *түс-*, ккалп. *тусь-*, кирг. *түш-*, кум. *түш-*, ног. *туьс-*, тат. *төш-*, тув. *дүш-*, тур. *düş-*, туркм. *дүш-*, узб. *туш-*, уйг. *чүш-*, хак. *түйс-*, шор. *түйш-*, якут. *түс-*. Только в чувашском языке нет данной основы. Но в некоторых из этих тюркских языков для выражения понятия «спуститься», «спускаться» выработались и другие основы. Например, в азерб. *ән-*, башк. *ин-*, тат. *ин-* (*ин*), тур. *in-*, хак. *ин-*, чув. *ан-*, шор. *ән-*. Кроме того, в турецком языке имеется основа *бат-*⁹.

Вывод о родстве и различии тюркских языков, сделанный А. И. Лёвшиным в то время, когда науке почти ничего не было известно о казахском народе и его языке, безусловно, делает честь исследователю.

⁸ См.: «Современный казахский язык (Фонетика и морфология)». Алма-Ата, 1962, стр. 9.

⁹ См.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 269.

Замечание А. И. Лёвшина о том, что в казахском языке произносится согласный *с* там, где в турецком и татарском — *ш*, также справедливо. В тюркских языках данная особенность очень отчетливо проявляется и в настоящее время; например, в каз. *тас* 'камень', кирг. *таш*, тат. *таш*, хак. *тас*, ойрот. *таш*; в каз. *бас* 'голова', кирг. *баш*, тат. *баш*, хак. *пас*, ойрот. *баш* и т. д.

А. И. Лёвшин правильно указал на замену *ј* в некоторых тюркских языках аффрикатой *ж*. Еще Махмуд Кашгари (XI в.), труд которого «Дивану лугат-ит-тюрк» не был известен А. И. Лёвшину, особо подчеркивал употребление у кыпчаков в начале слова *ж* вместо *ј*. О наличии «джеканья» («жеканья») в VIII в. сообщают арабские, армянские и греческие источники¹⁰.

В современном казахском литературном языке характерным является «жеканье». Например, в татарском, башкирском, азербайджанском, туркменском, узбекском языках — *юз* 'сто', в казахском, киргизском — *жуз*, ойротском — *дус*, хакасском — *чус*. В татарском, башкирском, азербайджанском, туркменском языках — *юл* 'дорога', *юмшак* 'мягкий', *ягмур* 'дождь', *ялган*, *ялак* 'ложь', *яну* 'горе', *янинда* 'около', 'рядом', *йорэк* 'сердце', *юк* 'нет' и т. д.; в казахском соответственно — *жол*, *жумсақ*, *жаңбыр*, *жалған*, *жану*, *жанында*, *жүрек*, *жоқ* и т. д. «Жеканье» в данном случае — узаконенная норма, но и «джеканье» не считается ее особым нарушением, так как аффрикативный *ж* является вариантом проточного *ж*. Ср. имена и фамилии *Джамбул*, *Джакипбек*, *Джумашев* и т. п. Следовательно, наблюдения А. И. Лёвшина указывают на то, что «джеканье» в казахском языке в начале XIX века было широко распространено. Об этом говорят записи ученого. Так, им зафиксированы многие казахские слова именно с *ж*. Например, *джилан* 'змея' (III, 150), *джексембе* 'воскресенье' (III, 150), *джулдус* 'звезда' (III, 147) и др.

Что же касается замечания А. И. Лёвшина о том, что в казахском языке (по сравнению с татарским и турецким) вместо *г* употребляется *х*, то его следует объяснить нечетким восприятием им фонем казахского языка. Это и естественно, так как он исходил из фонемного состава русского языка. В русском языке, как известно, имеются парные фонемы: *г* (*городá*) и *г'* (*дуг'е*).

В казахском же языке существует фонема *г*. звонкая, при произнесении которой происходит плотная смычка задней части языка и мягкого нёба и мгновенно следующее за этим размыкание. Данная фонема встречается только в сочетании с мягкими гласными; например, *түнгі* 'ночной', *гүл* 'цветок', *бүгін* 'сегодня', *көлге* 'к озеру' и т. д. Имеется и другая фонема *г* (на письме ее передают буквой *ғ*), тоже звонкая, но щелевая, при произнесении которой происходит сближение корешка языка и мягкого нёба. Она встречается в сочетании с твердыми гласными фонемами; например, *ғылым* 'наука', *алға* 'вперед', *солға* 'влево' и т. д.

А. И. Лёвшин, как мы видим, обратил внимание на то, что, кроме фонемы *г*, в казахском языке существует еще какая-то ее разновидность, отличающаяся по своим артикуляционным и акустическим особенностям от звонкой и смычной *г*. Щелевое образование ее позволило ученому сделать вывод, что звук *г* заменяется звуком *х*.

Аналогично следует расценить и замечание А. И. Лёвшина о гласных фонемах. Гласные фонемы, которых нет в русском языке, естественно, воспринимались им непривычно. А в казахском языке, кроме гласных фонем *а* и *э*, есть еще и фонема *ә*, представляющая собой, как изве-

¹⁰ «Современный казахский язык»., стр. 10.

стно, звук, средний между *a* и *э*, произносящаяся мягко и встречающаяся в сочетании с мягкими согласными; например, *тән* 'тело', *әр* 'каждый', *тәрбие* 'воспитание', *әдебиет* 'литература', *сіра* 'пожалуй', 'вероятно' и др.

Замечания А. И. Лёвшина о звуках казахского языка хотя и не вполне соответствуют современным представлениям, однако они свидетельствуют о наблюдательности и проницательности ученого, точно подметившего ряд их специфических особенностей. Определенный интерес с этой точки зрения представляет и приводимая ученым транскрипция некоторых казахских слов, встречающихся в его труде.

Как известно, для образованных кругов казахского населения языком письменной литературы в то время служил либо староузбекский, либо татарский, либо же татаризованный казахский язык. Широкое распространение имел староузбекский («чагатайский») язык, являющийся своеобразным искусственным литературным «койнэ». Он сочетал в себе наряду с элементами некоторых восточных тюркских (узбекского, уйгурского) языков еще и элементы тюркских языков огузской группы (турецкого, азербайджанского, туркменского).

А. И. Лёвшин, очевидно, в какой-то мере был знаком с «койнэ», но лучше других он знал татарский. Об этом свидетельствуют его собственные замечания. В одном месте он отмечает, что казах, умеющий читать и писать на татарском языке, почитается ученым (III, 133—134). В другом месте он пишет, что *куль* по-татарски означает «озеро», и казахами это слово ставится после каждого собственного имени озера (I, 79). Свое замечание А. И. Лёвшин подкрепляет примерами: *Қаракуль* 'черное озеро' и т. д. (I, 78—79). Характерно в этом отношении упоминание А. И. Лёвшина о том, что *дарья* в татарском языке представляет собой нарицательное имя всякой реки (I, 219).

Знакомство А. И. Лёвшина с татарским языком нашло отражение и в письменной передаче ученым многих казахских слов, которые он фиксировал в транскрипции, соответствовавшей восточным, огузским (а также татарскому) языкам, а не казахскому; например, в словах, имеющих начальный *j*, *ярунчи* 'гадатель на бараньих костях' (III, 58), *яны* 'новый' (III, 269), *яман* 'плохой' (I, 63), *якши* 'хороший' (I, 63), *юлбарс* 'тигр' (I, 136) и др. Это обстоятельство сказалось также и на транскрибировании ученым и другого рода слов: *уруг* вместо *руы* 'его род' (III, 1), *таг* вместо *тау* 'гора' (III, 14), *бишь* вместо *бес* 'пять' (III, 39), *сыгыр* вместо *сыйыр* 'корова' (III, 151), *кильмес* вместо *келмес* 'не придет' (I, 72).

Однако А. И. Лёвшин настойчиво подчеркивает, что татарское и казахское произношение отдельных звуков и слов неодинаково. Показательно в этом отношении его замечание о «джеканье». Ученый приводит название реки *Джаны-Дарья* и здесь же подчеркивает, что оно характерно для казахского языка, а в татарском произносится иначе — «*Яны* или *Янги-Дарья*, что означает „новая река”» (I, 188). Эту фонетическую особенность казахского языка ученый передает при записи многих слов; например, *Джаман Агач* 'плохое дерево' (I, 43), *Джаман Кум* 'плохой песок' (I, 44), *Джаныкент* 'новое укрепление' (I, 212), *Джиты-кала* 'семь городов' (I, 213), *джаурунчи* 'гадатель на бараньих костях' (III, 58) и др.

Интересно отметить, что в записях А. И. Лёвшина нашло отображение и «жекание», например, в названии «сентябрь» — *сара-жатамыз* (III, 150), названии озера — *Куржан* (III, 16).

В очень многих словах А. И. Лёвшин отмечает наличие согласного *ч*: река *Чунгурлау* (III, 14), озеро *Чирчик* (III, 17), музыкальный инст-

румент — *чибызга* (III, 24), название верхней одежды — *чапан* (III, 44), оружия — *чакан* (III, 49) и т. д. В современном казахском литературном языке в исконных казахских словах на месте *ч*, как правило, произносятся *ш*, согласный же *ч*, как указывает С. К. Кенесбаев, встречается «в заимствованиях, вошедших в казахский язык через посредство русского языка»¹¹.

Как отмечает М. Б. Балакаев, еще в кыпчакских грамотах наряду с *ч* встречается *ш*; например, *шер* 'войско' вместо старой формы *чері*, *бакыршы* 'медник' вместо *бакырчы*¹². Наличие звука *ч* в казахском языке зафиксировал и П. М. Мелиоранский¹³. Употребление этого звука в начале XIX в., отмеченное А. И. Лёвшиным, на наш взгляд, позволяет проследить эволюцию употребления *ч* и *ш* в ходе формирования и развития казахского языка.

Обращает внимание А. И. Лёвшин и на то, что казахскому языку свойственно различное произношение слов. Так, он указывает, что слово *таг* 'гора' произносится и иначе — *тау* (III, 14). Упоминается в его записях и сонорный губно-губной *у*. В одном случае он передает его через *в*: *авлия* 'святой', в другом — через *у*: *аулі атаг* 'святая гора' (I, 171). Аналогично «ведет себя» и согласный *ң*. А. И. Лёвшин обратил внимание также и на то, что *к* в казахском языке произносится неодинаково, и поэтому передал его также и через *х*; например, *худай* 'добрый дух' (III, 52). Замечен им был и заднеязычный сонорный *ң*, который был им передан посредством сочетания *н+г*; например, *денгис* 'море' (I, 71), *янги* 'новый' (I, 188), *янги-кент* 'новое укрепление' (I, 212).

Отмечено было А. И. Лёвшиным, наконец, и чередование *к* с *г* на стыке слов; например, *Караул-Гильды* 'караул пришел' (I, 117) вместо *Карауыл-Келді*, а также различное произношение слов разными носителями языка, например, слово «солончаки»: по-киргизски *шур* или *сур*, а по выговору некоторых — *сор* (I, 48).

В записях А. И. Лёвшина зафиксирован один из основных способов словообразования в казахском языке — словосложение. Ученый отмечает, что в наименованиях озер после собственного имени, например, *иссык* 'теплое', *туз* 'соленое', *сасык* 'удушливое', всегда добавляется слово *куль* 'озеро' (I, 78). Это относится и к названиям песков, например, *Кара-Кум*. Поэтому пишет А. И. Лёвшин: «Мы везде почти отбрасываем слово *Кум*: ибо оно значит *песок*» (I, 43). Ученый, учитывая эту особенность казахского словообразования, при передаче подобных слов использовал дефис; например, *Бишь-Узьяк* 'пять протоков', *Яны-Дария* 'новая река' (I, 100), *Улу-таг* 'большая гора' (I, 67), *Ак-таг* 'белая гора' (I, 69) и т. д.

А. И. Лёвшин проявил себя и как прекрасный лексикограф. Он дает географическое описание мест, по которым кочевали казахи, обзор истории народа, приводит различные этнографические и статистические данные, уделяет значительное внимание толкованию и переводу казахских слов.

Описывая фауну казахских степей, А. И. Лёвшин особенно подробно останавливается на животных, неизвестных в Европе. Приведем один пример:

«*Сайга*, или дикая коза (Паллас ее называет *cervus pygargus*, а Г. Эверсман *antilocapra saiga*). Стада сих животных бывают весьма многочисленны в степях Киргиз-Казахских и простираются иногда, как говорят, до десяти тысяч голов... Рыло сайги луко-

¹¹ «Современный казахский язык»., стр. 54.

¹² Там же, стр. 10.

¹³ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казах-киргизского языка, ч. I. СПб., 1894.

образно, поздри широки, зрение не всегда чисто, потому что на глазах ее иногда делаются наросты: по обонянию или чутье весьма тонко; а потому она по ветру чувствует приближение к ней хищного зверя или человека. Величиною она не более домашней козы; но шерсть на ней гладкая, короткая и обыкновенно темно-желтоватого цвета; рога невелики и круглые, ноги тонки и сухи, и скорость ее бега удивительна. Сею способностью и высокими прыжками, весьма часто повторяемыми, спасается она от своих неприятелей. Впрочем, ее легко можно приучить к людям и сделать ручною в молодости. Из многих употребляемых ею степных трав она особенно любит полынь белую и бурую морскую. Мясо ее очень вкусно, но в нем на спине иногда находят червей. От сей причины, равно как и от жару и насекомых, в поздри ее набивающихся, она в летний зной, видимо, страдает в беспокойстве...» (I, 134—136).

Более или менее подробные сведения сообщаются и о птицах, например, о *беркуте* (I, 140). А. И. Лёвшин дает описание и необычных птиц, например: «*Тулигус*. Так называют киргизы птицу, похожую на куропатку; ноги ее подобны лапам четвероногих. Они употребляются для лечения» (I, 142).

Детально описывает ученый некоторые растения; например, *саксаул* (I, 160—161). Подробно толкует экзотические названия:

«*Многоколенник кустоватый* (*polygonum frutescens*), по-киргизски *песья моча* (Ит Сагик). Растение све, будучи молодо, столь едко, что ни одна скотина его не может есть; но когда перезимует, то делается лучшим кормом для овец и коз. Зола его употребляется на выделку мыла. Название *Собачья*, или *Песья моча*, дано сей траве, по уверению киргизов, от того, что собаки, встречая оную, никогда не проходят мимо, не испустивши на нее мочи. Из нее приготавливают лекарство способом довольно замечательным. Вырывают в земле яму аршина в 3 глубину и обжигают ее разводимым внутри огнем; потом наполняют ее молодыми стеблями Ит Сагик, которые засыпают землю и покрывают войлоком. В сем положении остается яма по крайней мере недели на две, а когда можно, то и более. По окончании срока открывают яму с большою осторожностью; ибо выходящий из нее дым может лишит зрения. Вынутые из ямы перепревшие стебли варятся потом в воде, и дают взвар, похожий на деготь и сохраняемый в кружках, или кувшинах. Пользование оным бывает только наружное, и должно быть производимо с осторожностью: ибо жидкость так крепка, что если бы вымазать ею все тело животного или человека, то она могла бы причинить смерть. Намазывание больной части тела повторяется, пока последует исцеление. Лекарство све, как говорят, весьма полезно от паршей скота и от всяких вообще сыпей на теле человека» (I, 154—156).

Другие названия объяснены не столь подробно, порой отсутствует даже внешнее описание растения: *жаужимир* — корень, его пекут и употребляют в пищу (I, 150), *кусык* — употребляют в пищу (I, 151), *качил*, *курюк* — приводятся без пояснений. Относительно подобных записей А. И. Лёвшин сам писал, что иногда в степи ему встречался кустарник, «коему я не могу дать систематического названия: ибо видел его в зимнее время. Киргизы именуют сей кустарник *Баялишь*» (I, 27). Некоторые казахские названия растений им раскрываются подробнее; например:

«*Кекре* — горькая трава, похожая на квасню» (I, 152). «*Криак*, кустарник, растущий на песчано-глинистой земле, корень его похож на морковь, листья тонки и остры, как на пихте, вышина около 1 аршина; растет он на бесплодных местах» (I, 152). «*Кукбек*, низкое, почти кустовидное растение, по словам киргизов, растет на солончаках, имеет запах, подобный шалфею, и не увядает зимою. Оно служит изрядным кормом для скота и может заменить дрова» (I, 152). «*Сагыз* — растение, имеющее в стебле беловатый сок, а при корне испускающее смолу» (I, 161). «*Ту-ясынгыр* — растение с белой корой, вышиной $1\frac{1}{4}$ аршина, растет в песках, от него тучнеют верблюды» (I, 162). «*Чуй* — вид камышика в песках, показывает близость подпочвенной воды» (I, 163) и т. д.

Параллельно с некоторыми казахскими названиями животных и растений ученый приводит и их латинские названия: *барсук* (*taxus*) (I, 130), *беркут* (*falco fulvus*) (I, 140), кустарник *чилига* (*abrotanum campestre*) (I, 163) и т. д.

Отдельные казахские слова А. И. Лёвшин толкует подробно; например: *аул* — селение, юрта, кибитка, жилище, «то есть со всех сторон

округленная палатка, состоящая из деревянных решеток, покрытых войлоками, и имеющая вверху, над самую срединю, большое круглое отверстие, по произволу открываемое и закрываемое: через него проникает свет и выходит дым, когда разводят в кибитке огонь» (III, 79).

При объяснении некоторых слов А. И. Лёвшин использует переводно-толковательный метод. Приведем несколько примеров: «*Усть-Урт*, выражение киргизское. *Усть* значит высокий, возвышенный, *Урт* — равнина. В противоположность сему, низменная степь, на юг от *Усть-Урта* идущая, называется *Асть Урт*, т. е. *низкая равнина*» (I, 26).

Аналогичное толкование получило слово *бишьбармак* (казахское национальное блюдо из мяса и раскатанного теста) — «*бишь*» значит *пять*, а *бармак* — *палец*. Название, очень хорошо выражающее предмет: ибо *Бишь-бармак* не едят иначе, как пятью пальцами» (III, 39).

Приблизительно так же раскрывается название Аральского моря — «киргиз-казаки и соседственные с ними народы называют оное *Арал-Денгис*, то есть „*Островитое море*”» (I, 71).

А. И. Лёвшин не только дает словам собственные пояснения, но и вступает в полемику с теми, кто, по его мнению, неверно толкует некоторые слова. У казахов слово *ходжа* имело значение «потомок святых угодников магометанского календаря», или человек, посетивший Мекку (III, 53). Клапрот давал иное толкование, и А. И. Лёвшин в связи с этим замечал: «Г. Клапрот в примечаниях своих к переводу путешествия г. Тимковского говорит, что слово *ходжа* означает вообще *господина, ученого (docteur)*, а не потомка Магомета. Замечание сие не препятствует мне повторить то, что единогласно говорят все Киргиз-Казаки» (III, 11—12).

Не может согласиться А. И. Лёвшин с тогдашними толкованиями слова *орда*. «Слово *Орда* Киргиз-Казаки выражают словом *Юз*, что в ближайшем переводе значит сто или сотня, а потому говорят *Улу Юз*, большая сотня; *Урта Юз* средняя сотня и проч.» (III, 65).

Примерно то же пишет о названии татар: «Киргиз-Казаки иначе не называют Татар, в России живущих, как *Ногаями*. Слово *Татары* совсем у них не употребительно и принадлежит, по их мнению, какому-то подлому народу, проклятому одним магометанским пророком. Бухарцы и Хивинцы то же думают, и так же называют Татар Российских *Ногаями*» (I, 203)

Значения некоторых казахских слов А. И. Лёвшин раскрывает переводно-пояснительным методом; например: *баламык* — жидкая кашница из муки, поджаренной с салом (III, 38); *арака* — напиток, который гонится из сарачинского пшена (III, 42); *чакан* есть топорок, насаженный на длинную рукоятку (III, 59); *рамчи* — гадатель по цвету пламени от сала, бросаемого в огонь; *джулдузчи* — гадатель по звездам (III, 62); *кобыз* — музыкальный инструмент, вид гудка и скрипки (III, 140); *чибызга* — дудка из дерева или камыша (III, 141); *зекат* есть известная часть дохода, которая должна жертвоваться на общественные и богоугодные предметы (III, 161); *кун* — плата за убийство (III, 171); *айбона* — штраф за воровство (III, 174); *баранта* — угон скота (за угон) (III, 175); *сарп* — болезнь верблюдов, вспухают и гноятся подошвы (III, 194); *кумыс* — напиток из кобыльего молока (III, 41); *саумал* есть кумыс, смешанный с водою и свежим молоком (III, 42); *айрян* — кислое коровье или овечье молоко (III, 42); *чапан* — армяк из различного материала; *калта* — кожаная сумка, карман на поясе; *яргак* — одежда из жеребьячих или козьих шкур мехом сверху; *джахи* — кожаное пальто (III, 44); *турсук* и *маи* — кожаные мешки для хранения воды, кумыса

(III, 212); *болгара* — юфть, выделанная кожа (III, 229); *карекаш* — вожатый при караване (III, 237).

Прибегает А. И. Лёвшин и к простому переводу каждого казахского слова: *тустаган* — чаша (III, 51); *худай* — добрый дух (III, 52); *шайтан* — злой дух, *кафир* — неверный (III, 53); *баксы* — шаман (III, 62); *джаадугар* — обворожитель пленников; *байгуши* — нищие (III, 76); *бай* — богач (III, 84); *батырь* — богатырь (III, 86); *чык* — выходи (III, 95); *тамга* — клеймо (III, 135); *ясақ* — налог (III, 164); *кош* — небольшая кибитка (III, 196); *Улу-Тургай* — большой Турай (I, 120); *сыр* — желтый (I, 219).

Приводятся им и казахские слова, не переводящиеся на русский язык: *алача* — выкрик во время смятения (III, 52); *чок, атчу* — понукающие верблюдов (III, 190).

Отмечается А. И. Лёвшиным также многозначность слов: *аул* — селение, подвижное селение, жилище, кибитка, юрта; переносное употребление слов: *аксакал* — белая борода, старейшина, умудренный опытом человек.

А. И. Лёвшин в некоторых случаях предпринимал попытки этимологизации слов: слово *чакрым* в значении «верста» он возводит к глаголу *чакыр* — «зови», отсюда — «позывное расстояние», то есть расстояние, на которое можно слышать (III, 153); *тамга* — знак, «от сего названия взято слово *таможня*» (III, 178).

Встречаются в труде А. И. Лёвшина и топонимические толкования. Так он отмечает, что известна каменистая гряда под названием *буглы*, и добавляет: «*Буглы* означает во множ. числе оленей. Говорят, что горы сии получили такое название оттого, что в них водится много маралов (род оленей)» (I, 65); «*Тургай* значит жаворонок. Название сие дано от множества жаворонок, около Тургая видимых» (I, 119) и т. д. В записях исследователя приводится большое количество названий местностей, гор, рек, озер и т. п. Все это — богатейший материал для топонимических изысканий.

А. И. Лёвшин анализировал и лично-собственные имена. Он отмечает, что они даются у казахов произвольно. Это подтверждается и данными современных исследователей. Анализ казахских личных имен показывает, что они давались и даются в связи с различными обстоятельствами и имеют определенный смысл. Так, наречение новорожденного часто связывается с конкретными условиями его рождения; например, *Темиржол* 'железная дорога', *Аманкелді* 'благополучно явился'; следующие имена выражают пожелание здоровья и долголетия: *Кожасар* 'многолетний'; красоты: *Сауле* 'свет', *Күнай* 'солнце, луна'; зоркости: *Буркіт* 'беркут'; богатства: *Жылкыбай* 'богатый лошадьми'. Стремясь уберечь детей от «дурного глаза», им давали непривлекательные имена: *Итбай* 'собака-богач', *Күшікбай* 'щенок-богач' и т. п. Эта особенность была замечена А. И. Лёвшиным, который привел немало имен, представляющих интерес для современных ономастов.

Обратил внимание А. И. Лёвшин и на существование в казахском языке табу. Лингвистами и этнографами отмечался тот факт, что снохе не разрешалось называть мужа и его родственников их собственными именами и поэтому она должна была пользоваться нарицательными. Известно также, что при этом запрещалось употреблять нарицательные названия домашних животных¹⁴. А. И. Лёвшин же приводит любопытный факт, совершенно иного характера: «Муж, — пишет он, — по мне-

¹⁴ Г. Г. Мусабаев. Современный казахский язык. (Лексика). Алма-Ата, 1959, стр. 26—27.

нию киргизов, никогда не должен сказывать другому имени своей жены, если его о том спрашивают» (III, 96).

Определенный интерес представляют народные казахские астрономические термины, собранные А. И. Лёвшиным: Полярная звезда — *Темир казык* 'железный кол' (III, 146); Большая медведица — *Джиды каракчи* 'семеро волков' (которые гонятся за двумя конями: *Ак-бузат* 'белый мерин' и *Кук-бузат* 'серый мерин') (III, 147); Млечный путь — *Кушнун джулы* 'птичья дорога' (III, 148); Венера — *Чубан-джулдусы* 'пастушья звезда' (III, 147); созвездия: Плеяды — *Аркар* или *Укар* 'дикий баран' (III, 147), Девы — *Сюнбюля* (III, 148), Блинецов — *Джауза-берюджи* (III, 148).

Примечателен цикл названий годов: *сыккан* 'мыший', *сыгыр* 'коровий', *джулбарс* 'барсовый', *тугушкан* или *куян* 'заячий', *лу* 'драконовый', *джилян* 'змеинный', *джильки* 'лошадиный', *кой* 'бараний', *пичин* 'обезьяний', *таук* 'куриный', *ит* 'собачий', *дунгуз* 'свиной' (III, 151—152).

Заслуживают внимания приведенные А. И. Лёвшиным названия месяцев, ибо данные различных источников здесь не совпадают. Например, у Г. Мусабаева: *қаңтар* 'декабрь', *ақпан* 'январь', *наурыз* 'февраль', *отамалы* 'март', *сәуір* 'май'¹⁵. В «Школьном русско-казахском словаре», составленном Х. Махмудовым, Г. Мусабаевым, Т. Қордабаевым, под редакцией Х. Махмудова (Алма-Ата, 1960), даются иные наименования. Ср.: *қантар* 'январь', *ақпан* 'февраль', *наурыз* 'март', *көкек* 'апрель', *мамыр* 'май', *маусым* 'июнь', *шілде* 'июль', *тамыз* 'август', *қырқуыек* 'сентябрь', *қазан* 'октябрь', *қараша* 'ноябрь', *желтоқсан* 'декабрь'.

У А. И. Лёвшина же наименования месяцев другие: *науруз* 'новый год' (III, 149), *джиштунай* 'январь', *бырдыны* 'февраль', *кокос* 'март', *мамыр* 'апрель', *мамрай* 'май', *аряй* 'июнь', *чшедай* 'июль', *сунбуля* 'август', *сара-жатамыз* 'сентябрь', *карача-каус* 'октябрь', *джютти-часкан* 'ноябрь', *кантар* 'декабрь' (III, 150).

Интересны упоминающиеся в труде ученого казахские названия дней недели: *сембе* 'суббота', *джексембе* 'воскресенье', *дюсембе* 'понедельник', *сисембе* 'вторник', *сырсембе* 'среда', *бийсембе* 'четверг', *джума* 'пятница' (III, 150).

* * *

Приведенное выше свидетельствует о том, что А. И. Лёвшин был незаурядным лингвистом-тюркологом, увлеченным исследователем казахского языка. Его суждения, наблюдения, собранные им факты не потеряли своего значения и по настоящее время. Благодаря труду А. И. Лёвшина о казахах в русский язык вошли и закрепились в нем такие казахские слова, как *казах*, *аул* (жилище), *байгуш*, *бай*, *баранта*, *беркут*, *кумыс* и некоторые другие.

Вклад А. И. Лёвшина в изучение казахского языка несомненен, и в работах по истории изучения казахского языка он должен быть по праву назван одним из первых.

¹⁵ Г. Г. Мусабаев. Указ. раб., стр. 30.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКА «ТАРИХ-НАМЕИ БУЛГАР» Т. ЯЛСЫГУЛОВА

Письменно-литературный язык *тюрки*, которым пользовались многие тюркоязычные народности (азербайджанцы, туркмены, узбеки, казахи, киргизы, татары, башкиры и др.) в средневековый и в более поздний периоды, имеет сложную историю, проследить которую невозможно без исследования целого ряда проблем, по сей день волнующих советских и зарубежных тюркологов. К числу таких проблем относятся прежде всего особенности языка *тюрки* в различные исторические периоды.

До сих пор еще нет единого мнения по вопросу классификаций языка тюркских письменных памятников; нет четкого представления о локальных вариантах *тюрки*, их взаимоотношениях, а также об их отношении к современным тюркским языкам.

Успешное решение этих сложных проблем, на наш взгляд, возможно лишь при условии непосредственного освоения всего языкового материала и разработки правильной методики исследования с учетом этногенетических и исторических данных.

Тюрки, которым пользовались башкиры и татары, — это урало-поволжский вариант тюркского письменно-литературного языка, к сожалению, до сих пор еще не исследованный должным образом историками языка. Большая часть тюркоязычных памятников, обнаруженных на территории Урало-Поволжья и дающих богатый материал по истории языка, не введена в научный обиход. Одним из таких памятников является сочинение Тажетдина Ялсыгулова, написанное в 1220 г. хиджры (1805 г.) и известное под названием «Тарих-намеи булгар» («Тауарих-и Булгария», «Дастан-и тарих»).

Это сочинение до настоящего времени привлекало внимание лишь историков и литературоведов¹, однако язык памятника пока еще не стал предметом научного анализа.

¹ См.: С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 40;

شهاب الدين بن بهاء الدين المرجاني. مستفاد الاخبار في احوال قزان وبلغار. ۲-جى قسم. قزان، ۱۹۰۰، صحيفه ۲۵۱-۲۵۰؛ زمزى م. تلفيق الاخبار في تلفيق الاثار في ووقايح قزان وبلغار وملك التاتار، ۲-جى جلد. آورنبورغ، ۱۹۰۸، صحيفه ۴۳۷-۴۳۶؛ رحيم ع، عزيز ع. تاتار ادبياتى تاريخى. ۲-جى باسم.

قزان، ۱۹۲۵، صحيفه ۱۵۹-۱۵۲

С. Г. Вахидов. Описание восточных рукописей и документов, пожертвованных С. Г. Вахидовым в 1930 г. в Татарский научно-исследов. экономический ин-т. (Машинопись, хранящаяся в восточном секторе научной библиотеки, № 1012 т), часть II. Казань, 1931, стр. 317; Б. А. Яфаров. X—XIV йезләрде Кама—Волга болгарлары әдәбияты һәм

Сохранилось несколько рукописных списков этого сочинения. Нам известны, например, восемь полных и неполных списков, хранящихся в Восточном отделе Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина под инв. №№ 587 т (№ 3262), 588 т (№ 3263), 597 т (№ 3261), 1388 т (№ 5089), 1842 т, 1870 т² и в Ленинградском отделе Института востоковедения Академии наук СССР под инв. №№ В 2673, В 3492.

Кроме этих списков, отдельные фрагменты «Тарих-намеи булгар» хранятся в собраниях рукописей Ш. Марджани (№ Т. 1967, лл. 288—289) и И. Халфина (ГПБ, ТНС 32, лл. 916—93а)³. Сокращенный текст сочинения опубликован М. Уметбаевым в его работе «Ядкарь»⁴. Отрывок из сочинения, относящийся к шежере башкир племени *айле*, помещен в книге «Башкирские шежере»⁵.

Приведем краткие сведения об авторе⁶. Тажетдин бине Ялсыгул бине Мамбеткул бине Янтимер бине Джианчура бине Котлобулат — выходец из айлинского рода — родился в 1767 году. В детстве он немало ездил с отцом, побывал в Астрахани, Дагестане, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Троицке, турецких городах Диарбекире и Стамбуле.

Начальное образование Тажетдин получил в Дагестане, а затем учился в Диарбекире. Прожив некоторое время попеременно в упомянутых городах, Тажетдин обосновался в ауле Мелем Мензелинского уезда, где он провел всю остальную свою жизнь, занимая должность имама. Умер он 26 июня 1838 года.

«Тарих-намеи булгар» Тажетдина Ялсыгулова содержит сведения, почерпнутые автором из различных исторических источников, из легенд и полуполюгендарных преданий о происхождении булгарских ханов, татарских и башкирских родов. Автор приводит в работе и свою родословную, которая, по его словам, восходит к самому Адаму.

«Тарих-намеи булгар» представляет интерес прежде всего как своеобразный памятник языка *тюрки*. Настоящая статья посвящена характеристике и описанию функционально-семантического содержания падежных форм языка этого сочинения⁷.

Категория склонения в языке памятника представлена шестью падежами.

1. Основной падеж. Не имеет особого морфологического показателя, хотя может принимать как аффикс множественного числа, так и

«Нәһж-эл-фәрадис» кулъязмасы. (Машинопись, хранящаяся в научной библиотеке Казанского государственного университета, № Т. 098302). Казан, 1949, стр. 35—36; «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 76—78; *Әхнәф Харисов*. Башкорт халкының эзәби мирасы. XVIII—XIX быуаттар. Өфө, 1965, стр. 283—284; *Альберт Фәтхи*. Кулъязмалар тасвирламасы, 3-че бүлек. Казан, 1968, стр. 29—33; *М. А. Усманов*. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, стр. 158—166; *А. И. Харисов*. Литературное наследие башкирского народа. XVIII—XIX века. Уфа, 1973, стр. 241—245.

² См. описание: *А. Фәтхи*. Кулъязмалар тасвирламасы, 3-че бүлек. Казан, 1968, стр. 29—33.

³ См.: *М. А. Усманов*. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв., стр. 159.

⁴ محمد سليم بن ايشم محمد اميدباينى. يادكار. قرآن، ۱۸۹۷، صحيفه ۴—۵.

⁵ «Башкирские шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, стр. 168—170 (транскрипция текста), стр. 171—172 (перевод), стр. 218—220 (комментарии), стр. 279—283 (факсимиле).

⁶ Биографические данные о Т. Ялсыгулове почерпнуты из его же сочинения «Тарих-намеи булгар», некоторые материалы о нем имеются в указанной работе Ш. Марджани. См. еще: *А. И. Харисов*. Указ. раб., стр. 241—245; *М. А. Усманов*. Указ. раб., стр. 158—166.

⁷ Примеры взяты из наиболее полного Ленинградского списка под инв. № В 2673 с указанием номеров страниц и строк.

лично-притяжательные окончания. Противопоставлен всем другим падежам, как исходная форма — косвенным.

Основной падеж выступает в тексте в функциях подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства. В качестве подлежащего он выражает субъект действия при активном глаголе. *Bu Kınan sākiz jüz jyl yümer sürde* (2a; 2) 'Этот Кинан прожил восемьсот лет'; *Mäzkür qyzdan ber uyl tuıdy* (4a; 1, 2) 'От упомянутой девицы родился сын'; *Dairälär vä bā'zilär biş beñ tuqyz jüz jıtmeş iki jyl durdylar* (16; 7, 8) 'Люди из определенных кругов и некоторые другие прожили пять тысяч девятьсот семьдесят два года'.

Выступая в роли сказуемого, основной падеж в тексте характеризует подлежащее и выражает родовое понятие.

Märvän bu Xäsändä iki jüz jyl badšah uldy (26; 7, 8) 'Марван в этом Хашане был падишахом двести лет'; *Ajdar хан täxt keçdi* (5a; 15) 'Айдар-хан стал государем'; ... *anda qurgı biş jyl mudaris uldy* (6a; 19) '... там (он) был мударисом сорок пять лет'.

Основной падеж может употребляться в предложении как определение в конструкции изафета первого и второго типов, например:

1) *taş qalalar* (36; 14) 'каменные города'; *taş küper* (4a; 4) 'каменный мост';

2) *qajun jafray* (56; 14) 'березовый лист'; *šähär халқы* (56; 21) 'городской народ'; *Irđyş darjasy* (7a; 17) 'река Иртыш'; *Zäj tamaıy* (6a; 18) 'устье Зеи'; *qyş күне* (56; 14) 'зимний день'.

В первом случае первый член группы выражает предметно-качественное значение второго члена, хотя между ними отсутствует внешняя морфологическая связь. Второй тип, напротив, характеризуется наличием внешней морфологической связи; определяемое здесь выступает с аффиксом принадлежности 3-го лица (-y, -sy). Имя существительное в основном падеже, употребляющееся как определение во втором типе изафета, обозначает родовое название.

В позиции прямого дополнения основной падеж выступает в случаях:

а) когда объект действия является неопределенным: *ber šähär binä äjläde* (4a; 8) '(он) построил город';

б) когда содержание, выражаемое объектом, тесно связано с содержанием, выражаемым глаголом: *Altun vä kumuş çiqarmaq vä täxt itmäk andan qaldy* (26; 2, 3) 'Добывание золота и серебра и управление государством от него остались'.

При глаголах движения основной падеж может быть формой выражения косвенного дополнения: *Xuagizm kiteb, anda qurgı biş jyl mudaris uldy* (6a; 18, 19) '(он) уехал в Хорезм и там был мударисом сорок пять лет'; *Nux 'Ali-as-salam anlarny jirdän çiqarub, Mäkkä qyudy* (16; 15) 'Нух (Ной) Алиассалам воссоздал их и отправил в Мекку'.

Аналогичное явление встречается в староузбекском языке и башкирских говорах; ср.: *Ырак ва Фарс бардылар* 'Они отправились в Ирак и Фарс'; *Мазандеран кәтди* 'Он пошел в Мазандеран'⁸; *Гәрм бардиңиз* 'вы отправились в Гарм'; *Мән бу тараф кәлдим* 'Я пришел сюда'⁹ и башк. диал. *ul böğön babar kitte* 'он сегодня уехал на базар'; *rajon kitte* '(он) поехал в район' и т. п.

⁸ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 132.

⁹ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 102—103.

Основной падеж в тексте памятника в обстоятельственной функции обозначает обстоятельство времени: *Ber kün vāzirlāre iĉindā Buḡaç isemle vāzire bar irde* (5б; 4, 5) 'В один день среди (его) визирей был визирь по имени Бурач'; *Ul uĉ sāxāb Bolḡarda un jyl qaldylar* (6а; 3, 4) 'Эти трое сподвижников Мухаммеда оставались десять лет в Булгаре'.

В языке памятника основной падеж сочетается с послелогом *uĉun* в значении цели: *Junan vilajatyna tā'lim uĉun ketdi* (3б; 12) '(Он) уехал в Грецию для учения'.

2. Винительный падеж. Форма винительного падежа образуется при помощи аффикса *-ny/-ni/-ne* (*-n* после имен с аффиксом принадлежности 3-го лица).

Для винительного падежа, как и для основного, характерна функция прямого дополнения. Однако, в отличие от основного, винительный падеж в позиции прямого дополнения выступает в тех случаях, когда объект действия является определенным. При этом прямое дополнение может быть выражено:

а) именем собственным: *Aqsaq Timer Bolḡarny хараб äjlāde* (6а; 14) 'Хромой Тимур уничтожил город Булгар';

б) существительным с аффиксами принадлежности: *Šul žihātdān Tynyš habaḡny «altmyš qolaq äjlese» dierlār* (7а; 5) 'Из-за этого случая твоего деда Тыныша стали называть «айлинец—шестьдесят ушей»; *Atyny Tuki qujdylar* (5а; 6) 'Прозвали его Туки';

в) существительным с определениями: *Bolḡar хalquny mosolman äjlādelār* (6а; 3) 'Булгарский народ обратили в мусульманство'; *Taš küperne ul binā äjlāde* (4а; 4) 'Каменный мост построил он';

г) местоимением: *Anlarny jerdän ĉiqarub Mäkkä qyudy* (1б; 15) 'Воскресил их и отправил в Мекку'; ... *any dāfn äjlāde* (1б; 12) '... захоронил его'.

3. Родительный падеж. Этот падеж представлен в тексте аффиксом *-ny/-niḡ/-neḡ*.

В отличие от других падежей он не управляется глаголами; в предложении выполняет функцию определения на основе категории принадлежности.

В родительном падеже могут употребляться:

а) имена собственные: *Tamhuratny ḡümге* (2б; 4) 'жизнь Тамхурата'; *Bolḡarny šaḡy* (4б; 5) 'шах Булгара';

б) личные и указательные местоимения: *Qaharman any ḡylydyr* (2б; 6) 'Кагарман (является) его сыном'; ... *bunlarny nāselenändür* (3а; 14) 'из их рода'; *Bezneḡ šähär* (5б; 5) 'наш город';

в) существительные с аффиксами принадлежности: *Bu märd törkmän хalquny atasydyr* (3а; 11) 'Этот человек — прародитель туркменского народа'; ... *ḡümгeḡ ävvälendä* (6б; 13) '... в начале своей жизни'.

Как видно из примеров, родительный падеж, будучи приименным определением, выражает прежде всего принадлежность. В тексте встречаются конструкции с двумя родительными падежами в этом значении: *Amtä Sokrat хakimneḡ ḡümгeḡ möddäte mä'lum dügelder* (4а; 2) 'Однако смерть правителя Сократа неизвестна'.

Кроме того, родительный падеж может выражать:

а) отношение по месту: *Pulki idule Bolḡarny astyndan aḡar irmeš* (5а; 13) 'Река Волга якобы течет ниже Булгара';

б) временное отношение: *Tarix hižratniḡ tuqzynĉy jylynda* (5а; 16) 'В девятом году по хиджре';

в) разделительность: *ul äsxābneḡ berse Abd-ar-ḡaḡman* (5а; 17) 'одним из спутников (был) Абдаррахман'.

4. Дательно-направительный падеж. Аффикс этого падежа *-ya/-gä/-qa/-kä* (*-a/-ä* после имен с аффиксом принадлежности 2-го и 3-го лица ед. ч.). В тексте дательно-направительный падеж иногда имеет огузский формант *-a/-ä*, например: *Xatun šul mähläqädan qačub törkmänä keldi* (6б; 13) 'Скрываясь от смертельной опасности, она бежала в Туркменню'.

Дательно-направительный падеж, как исходный и местно-временной, выступает в предложении в роли косвенного дополнения и обстоятельства. Основное значение дательно-направительного падежа — указание на направленность действия к объекту: *Cuni bunlar Bolıarğa keldilər* (5б; 2) 'Потом они переселились в Булгар'; *Bu Jakau Aq dingezgä ketdi* (4а; 18) 'Этот Яков ушел к Белому морю'; *Miač darjasyna keldi* (3б; 6) '(Он) переселился в долину реки Миас'.

В тексте дательно-направительный падеж выражает также:

а) объект, для которого предназначено или на которое обращено действие: *xalaiqqa tä'lim berdilär* (6а; 4) '(они) обучали народ'; *xytaj šahunıñ quzuna 'aşıq uldy* (5а; 3) '(он) влюбился в дочь китайского шаха'; *Bu quzıñ zähmätenä därman tabarlardy* (5б; 6) '(Они) были способны излечить болезнь этой девушки';

б) превращение одного предмета в другой: ... *törki telenä täržuma äjlädüm* (4б; 7, 8) '... перевел на язык «тюрки»';

в) цель действия: *Junan vilajatyña tä'lim uçın ketdi* (3б; 12) '(Он) уехал в Грецию для учения'.

5. Исходный падеж. Широко распространенный в других тюркских памятниках древнеуйгурский формант исходного падежа *-dyn/-din* в «Тарих-намен булгар» встречается очень редко. Здесь преобладают аффиксы *-dan/-dän/-tan/-tän*, характерные для современных литературных башкирского и татарского языков.

Исходный падеж в тексте памятника в своей основной функции выражает направленность действия от объекта, то есть исходный пункт действия или состояния. В этом значении он противостоит дательно-направительному падежу, обозначающему объект, к которому направлено действие: *Xytaj šahunıñ ber qarındaşı Sibtan vilajatyndan 'aškar ilä kelüb, täxtne aldy* (5а; 5) 'Младшая сестра китайского шаха пришла с войском из Шиптана и захватила трон'; *Mädinädän kelürmez* (5б; 9) 'приехали из Медины'.

Исходный падеж в тексте своими частными обусловленными значениями:

1) указывает на лицо, к которому восходит родословная человека: *Bunlarnıñ atalary Äjle urıyından irde* (6б; 18) 'Отец их был из айлинского рода'; *Bu Kinžäneñ uylanlarından bezgä näsl baba Jštäkdür* (3а; 18, 19) 'От сыновей Кинжи (происходит) основатель нашего рода Иштяк';

2) указывает на место, где совершается действие: *Bulıarınıñ astıñdan aqarırmeš* (5а; 13) '(Река) якобы течет ниже Булгара';

3) выражает предмет, от которого отнята определенная часть: ... *bezlärgä ayaçından jaña alıñ kägäkdür* (5б; 14) '... нам нужны только что сорванные (листья) с дерева'.

В исследуемом памятнике с исходным падежом употребляются послелоги *birü* 'с тех пор', 'начиная с' и *suñ* 'после'. Первый из них обозначает исходный предел во времени: *Bänem quzum bardur, jetti jyldan birü xastadur* (5б; 9, 10) 'У меня есть дочь, она больна уже семь лет'.

Разграничение во времени передается с помощью послелога *suñ*: *Adam vafatından suñ atamyz Xivada ber jyl xajat uldy* (1б; 14) 'После того как умер Адам, наш отец прожил в Хиве год'.

6. Местно-временной падеж: аффикс *-da/-dä/-ta/-tä*. Для местно-временного падежа, в отличие от дательно-направительного и исходного, характерно статическое значение местонахождения.

В исследуемом тексте этот падеж употребляется для выражения:

а) местонахождения лица или предмета: ... *ba'zilär Mäkkädä Abu-qabis tauynda dirlär* (1б; 13) '...говорят, что некоторые (находятся) в Мекке на горе Абукабис'; *Tup jurty Amu-darjasynda irde* (3б; 2) '(Его) главная ставка была на Аму-Дарье';

б) обстоятельства времени: *Tuqsan alty jäšendä vafat uldy* (4б; 4) 'Умер, когда ему было девяносто шесть'; *Bu märd ävväl yümridä Xuarizmda qatuy tariq ide* (4б; 1) 'Этот человек в начале своей жизни в Хорезме был жестоким правителем';

в) обстоятельства места (пространства): ... *Žihanda 'ädel dad äjläde* (2б; 2) '... в мире (он) правил справедливо'; *Bu Nuriman donjada sajäxät äjläde* (3б; 11, 12) 'Этот Нуриман путешествовал по миру';

г) качества или состояния: *Tabiblyqta nazirlary juqdyr* (5б; 6) 'В врачевании нет им равных'.

Таким образом, падежные формы в языке «Тарих-намеи булгар» представлены достаточно многообразно, и их можно разделить на две противостоящие друг другу группы падежей. Падежи первой группы (основной, винительный, родительный) противопоставлены друг другу прежде всего в синтаксическом плане, а падежи второй группы (дательно-направительный, исходный, местно-временной) — в семантическом. Однако такое противопоставление является лишь частью специфических особенностей тюркских падежей, имеющих и другие оппозиционные и коррелятивные отношения, характерные для склонения в целом.

А. М. АББАСОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ АФШАРАХ АФГАНИСТАНА

Афшарский диалект¹ принадлежит к числу неизученных диалектов азербайджанского языка. В 1936—1937 гг. венгерский ученый Л. Лигети, изучая монгольские языки на территории Афганистана, собрал также материал и по языку афшаров, проживающих в окрестностях Кабула². Анализируя эти материалы, он выявил некоторые характерные особенности языка афшаров Афганистана, определив его позднее как один из диалектов азербайджанского языка. Л. Лигети сопоставляет сорок четыре слова этого языка с соответствующим лексическим материалом азербайджанских диалектов (бакинского, гянджинского, тебризского, зенджанского, урмийского, эйналлинского, кашкайского), а также с диалектами туркменского и турецкого языков.³

Работая продолжительное время в Афганистане, автор данной статьи посещал афшарские села и беседовал с местными жителями. При этом были сделаны магнитофонные записи фольклорных произведений и языковых материалов, воспроизводившихся сельчанами.

Ряд исторических фактов свидетельствует о том, что переселение большей части племени афшаров в Афганистан связано с захватническими набегами иранского шаха Надира Афшара, под властью которого в 1736—1747 гг. находилась территория нынешнего Афганистана и Индии.

В первые же годы своего правления Надир-шах направил в Афганистан 80-тысячную армию и захватил крупный афганский город Кандагар. Овладев затем Кабулом — «воротами в Индию», он начал войну с Индией.

Часть шахской армии составляли азербайджанцы, осевшие на завоеванной территории Афганистана. Для закрепления власти иранского шаха на этой территории сюда были направлены также многие азербайджанцы, проживавшие в Иране. Жители села Нанакчи⁴ подтвер-

¹ Афшары в настоящее время проживают на территории Азербайджана, Афганистана, Ирана и Турции.

² Л. Лигети. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана. — «Acta Orientalia Hungarica», 1954, т. IV, стр. 93—117. Ссылка приводится по «Acta Orientalia Hungarica. Резюме» (на русск. яз.), т. VII. Budapest, 1957, стр. 8.

³ Louis Ligeti. Sur la langue des Afchars d'Afghanistan. — «Acta Orientalia Hungarica». Budapest, 1957, т. VII, стр. 109—156.

⁴ Село Нанакчи находится на окраине Кабула, недалеко от расположенного там Кабульского политехнического института. Л. Лигети название Нанакчи (نازکچی) транскрибирует как Напаџэ. См.: Louis Ligeti. Sur la langue des Afchars d'Afghanistan, стр. 111. Но афганский ученый, доктор Джавид, пишет افشار نازکچی (Afšar Nanakči). — См. журн. «Адаб». Кабул, 1349 (1971), № 5—6, стр. 150.

ждают, что их предки прибыли в Афганистан именно из Карадага и Тебриза, позднее «некоторые семьи вернулись в Карадаг и Тебриз».

В «Истории Азербайджана» указывается, что Надир-шах переселил в Хорасан карабахские племена джаванширов, отузикиларов и кабирли, подчинявшиеся беклербекам Гянджи (ныне Кировабад)⁵.

Сами афганские афшары считают джаванширов родственным племенем.

Известно также, что Надир-шах переселил на территорию Афганистана и ряд племен с Кавказа (из Дербента). В книге «География Афганистана» в разделе «Население Афганистана» читаем: «... некоторые семьи лезгин можно найти в Фарахе (один из городов Афганистана. — А. А.), куда Надир-шах переселил их с Кавказа»⁶.

В афганской энциклопедии «Даиратул-маариф и Афганистан» об азербайджанцах, живущих на территории Афганистана, сказано следующее: «Азери — бывшие племена азербайджанских тюрок — в большинстве своем были переселены в Афганистан при Надир-шахе. В основном они живут в селах Афшар Тапа (افشار تپه)⁷ и Нанакчи, расположенных недалеко от Кабула, и говорят на своем языке»⁸. Отсюда следует, что большая часть азербайджанцев была переселена в Афганистан при Надир-шахе. Местные жители утверждают, что часть азербайджанцев была переселена в Афганистан еще при сефевидях (1501—1724).

Трудно с необходимой точностью указать число людей, говорящих на афшарском диалекте азербайджанского языка. По словам жителей Нанакчи, в Афганистане проживает около 10 тыс. афшаров, из них 2,5 тыс. — в селах Нанакчи и Тапа⁹.

По приказу Абдурахман-хана (годы правления 1880—1901 гг.) афшары были переселены в различные районы Афганистана. При этом хан якобы сказал: *Раёсһаһун миғасы раёсһаһа галаг* 'Наследство шаха остается шаху'. В настоящее время афшарские семьи можно встретить в таких городах и селах Афганистана, как Газни, Карабах, Герат, Дарейи-Юсуф, Мазари-Шариф, Агча, Шиберган, Бамиан¹⁰, Чахардехи-Горбанд, Ташкорган¹¹ и др. По словам афшара Гулам-сахи из Дарейи-Юсуфа (север Афганистана), там проживает 50 афшарских семей.

На некоторых картах, составленных в Афганистане, обозначены места расселения афшаров¹².

В течение последних двух с половиной веков афшары живут в своих селениях, не меняя местожительства, благодаря чему им удалось сохранить свои национальные обычаи, язык, фольклор.

Оберегая свою этнографическую самобытность, афшары часто прибавляют к названиям гор, деревень, улиц, кварталов и так далее слово

⁵ «Азербайджан тарихи». Баку, 1958, стр. 341.

⁶ «География Афганистана». Лахур, 1306 (1928), стр. 43 (на перс. яз.).

⁷ Село Тапа находится на окраине Кабула в Даруламане. Л. Лигети обозначает название Тапа, как *Tebè*. См.: *Louis Ligeti. Sur la langue des Afchars d'Afghanistan*, стр. 111.

⁸ «Арьяна Даиратул-маарифе Афганистан». Кабул, 1956, стр. 794 (на перс. яз.).

⁹ По словам местных жителей, до переселения некоторых семей афшаров из Кабула в другие районы Афганистана их количество достигало 5 тыс. человек. Уточнение этой цифры требует специальных исследований.

¹⁰ Бамиан славится своими древними буддийскими памятниками.

¹¹ В настоящее время в Ташкоргане функционирует средняя женская школа, носящая имя азербайджанской поэтессы XII века Мехсети Гянджеви.

¹² См., например, карты, составленные Голамом Джейлани (Арез). Кабул, 1919.

«афшар»¹³. Например: *Афшар Тана*, *Афшар Нанакчи* (названия деревень), *Кучеи-афшарие* 'улица Афшара', *Навабате Афшар* 'растение Афшара', *Махалле Афшар* 'квартал Афшара', *Калачей Афшар* 'крепость Афшара', *Кухи Афшар* 'горы Афшара', *Афшари голхане* 'оранжерея Афшара', *Калачеи Гулам Афшар* 'крепость Гулам Афшара', *Бала-калеи Афшар* 'верхняя крепость Афшара' и др.

Афшарский диалект богат пословицами, поговорками, фразеологическими выражениями, близкими к азербайджанским как по языковой структуре, так и по значению, например: *Ву пеžä adamdyr: nä verig, nä alyr* 'Что это за человек: и не дает, и не получает'; *Almany atma — jeğä düšär* 'Не бросай яблоко — упадет на землю'; *Jaxçuluq edän — jaxçuluq, pislik' edän pislik' g'erär* 'Делающий добро увидит (получит) добро, делающий плохое (зло) — плохое'; *Vašgasyna kuju kazan özü kujuja düšär* 'Роющий яму другим — сам в нее попадет'.

В афшарском диалекте употребляются также архаизмы, не встречающиеся в современном азербайджанском литературном языке, например: *ik'i illik, üç illik ušak* 'двухлетний, трехлетний ребенок' и т. д.

Некоторые архаизмы, бытующие в афшарском диалекте, сохранились и в диалектах и говорах азербайджанского языка, например: *ažuxtaу* 'проголодаться', *γurtulmaу* 'закончить'.

Сопоставляя современный азербайджанский язык с афшарским диалектом, можно отметить ряд нижеследующих любопытных фонетических и морфологических особенностей.

Замена гласных: *ö > e*: афф. *sez* < лит. *söz* 'слово', *dert/dört* 'четыре', *g'ek* < *g'öj* 'небо', *jezgä* < *özgä* 'другой', *g'er* < *g'ör* 'смотри', *tek'är* < *tök'är* 'выльет', *g'ezäl* < *g'özäl* 'красивый', *elk'a* < *ölk'ä* 'страна', *čeräk'* < *çöräk'* 'хлеб', *k'ejnäk'* < *k'öjnäk'* 'рубашка, сорочка', *g'el* < *g'öl* 'озеро'; *a > ä*: *g'äga* < *g'aga* 'черный', *äxmäk* < *axmag* 'дурень', *xälk'* < *xalg* 'народ';

a > u: *Zuvanšir* < *Zavanšir* (имя собственное); *ä > e*: *Azerbajžan* < *Azärbajžan* 'Азербайджан'; *y > u*: *axur* < *axur* 'конец'; *o > a*: *Xasrov* < *Xosrov* (имя собственное); *ü > ä*: *g'üläng* < *k'ülüng'* 'кирка'; *y > i*: *jixildi* < *jyxylidy* 'упал', *xinä* < *xuna* 'хна'; *ü > e*: *g'endä* < *g'ündä* 'каждый день', *dešin* < *düşün* 'спуститесь, сойдите'; *ü > i*: *kil* < *kül* 'пепел, зола', *simük* < *sütmük'* 'кость', *g'imiš* < *gütmüş* 'серебро'; *y > ə*: *jašəl* < *jašyl* 'зеленый', *gəč* < *guyč* 'нога', *išəj* < *išuj* 'свет, луч', *gagə* < *gaguy* 'старуха'; *gəgx* < *guygx* 'сорок', *garə* < *garuy* 'дверь, ворота', *sagə* < *saguy* 'желтый'; *o > u*: *mulla* < *molla* 'мулла', *jux* < *jox* 'нет'.

Замена согласных. В афшарском диалекте часто употребляется глухой *q* вместо *g* в современном азербайджанском языке, например: *qonaу* 'гость', *qaš* 'бровь', *qurban* 'жертва', *Gafkaz* 'Кавказ', *qajdu* 'положил', *qaguy* 'живот', *qanat* 'крыло', *qyzylg'ül* 'роза', *qyz* 'девочка', *qurqumtuзу* 'ярко-красный'; *j > g*: *deg'il* < *dejil* 'не, не есть', *ig'irmi* < *ijirmi* 'двадцать', *digi* < *düjü* 'рис', *gänä* < *jenä* 'еще' и т. д.; *z > s*: *surna* < *zurna* 'зурна'; *g > l*: *dival* < *divar* 'стена'; *h > j*: *g'unaj* < *g'unah* 'вина'; *ž > š*: *aγaš* < *aγaž* 'дерево'.

Выпадение звуков. Афшарскому диалекту, как и другим диалектам азербайджанского языка, свойственно выпадение согласных звуков, сопровождающееся удлинением гласных, например: *sōga* < *songa* 'потом', *Mädäli* < *Mämäd Äli* (имя собственное), *dēg* < *dejir* 'говорит'.

¹³ Не случайно афшарские мастера на изготовленных ими изделиях в большинстве случаев ставят слово «афшар».

Наблюдается также утрата в родительном падеже частицы *un*, например: *Şirin at üstä mindi* вместо *Şirin atun üstünä mindi* 'Ширин села на коня'.

Весьма характерно для афшарского диалекта явление протезы. Обычно дополнительный звук появляется перед гласным, с которого начинается слово. Например: *jeldi* < *öldü* 'умер', *juç* < *üç* 'три', *juža* < *uža* 'высокий'.

Ассимиляция. М. Ш. Ширалиев отмечает, что «явление ассимиляции свойственно разговорной речи, поэтому оно широко распространено в диалектах и говорах азербайджанского языка»¹⁴. Эта особенность присуща и афшарскому диалекту, например: *verällär* < *verärlär* 'дадут', *dejillär* < *dejärlär* 'скажут', *paçşah* < *padşah* 'шах, король', *billäm* < *biläram* 'узнаю', *käsälär* < *käsärlär* 'будут резать'.

В некоторых словах афшарского диалекта происходит нарушение закона гармонии, например: *soguşdi* вместо *soguşdu* 'спрашивал', *jedux* вместо *jedik* 'мы поели' и т. д.

В афшарском диалекте наблюдается оглушение конечных звонких согласных, характерное для западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, например: *Färat* < *Färhad* (имя собственное), *arvat* < *arvad* 'женщина', *kanat* < *ganad* 'крыло', *dert* < *dörd* 'четыре' и т. д.

Исследуя личные окончания глаголов афшарского диалекта, Л. Литети писал: «В соответствии... с фонетическим развитием в единственном числе мы находим *j*: *âləraj* 'ты берешь', *âlduj* 'ты брал, взял' в отличие от *-ŋ*, *-n* и т. д., наблюдаемых в остальных азербайджанских диалектах. Во множественном числе, однако, окончания *-uz* (*-ujz*), *-əz*, *-iz* по существу не отличаются от форм, употребляемых в других говорах. Например: *âləgəz* 'вы берете', *âldəz* (*âldujz*) 'вы брали, взяли'. Заслуживает внимания тот факт, что в языке афшаров Афганистана личные окончания второго лица (в оригинале напечатано: числа. — А. А.) как в единственном, так и во множественном числах получили гораздо более широкое распространение, чем в прочих азербайджанских диалектах, т. е. употребляются и в тех глаголах, к которым в других говорах прибавляются местоименные суффиксы *-sən* и *-siŋiz* (*-siŋiz*), *-siz* (*-siz*)»¹⁵.

В первом лице множественного числа в афшарском диалекте употребляются *их*, *ах*, *ах*. Например, *их*: *deəgux* < *dejərik* 'скажем', *elijəgux* < *eləjərik* 'сделаем'; *ах*: *alugax* < *alyug* 'покупаем, берем', *g'ätirgax* < *g'ätirərik* 'принесем'; *əyirgax* < *əyugug* 'позовем'; *ах*: *vegrəx* < *vegərik* 'дадим', *g'öndərgəx* < *g'öndərik* 'отправим'.

Встречается также форма *uz*, *iz*, *əz*. Например, *uz*: *saturuz* вместо *satugug* 'продаем'; *eşək*, *inək saturuz pul allax* 'осла, корову продаем, чтобы получить деньги'; *iz*: *vegəriz* вместо *vegərik*'; *guzu ki vegəriz bir kişijä...* 'когда отдадим девушку мужчине...'; *əz*: *elirəz* вместо *elijərik*'; ... *bu halka deki, g'ünaj elirəz...* *sizi tufana yərg elijəram* '... скажите этому народу, что он грешен и что я нашлю на него потоп'.

Вместо *demərik* — отрицательная форма первого лица множественного числа — афшары говорят *deməzix*'; например: *onlara biz adam deməzix* 'Мы их людьми не называем (считаем)'.

Встречаются случаи употребления второго лица единственного числа вместо первого лица, например: *Sazunu aldum älimä* 'Я взял мой саз в руки'. Вместо *žaputu* употребляется *žapunu*, например:

¹⁴ М. Ширалиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1962, стр. 110.

¹⁵ «Acta Orientalia Hungarica. Резюме», стр. 9.

Gezläri aladyr, alar žanyru,
Kipriji neštädir, tekär ganynu.

‘Карие глаза — лишат меня жизни,
Стрелы ресниц — прольют мою кровь’.

Для афшарского диалекта в единственном числе второго лица вместо личного окончания -sän ‘ты’ характерно употребление -ax, например: g’älläx — g’älirsän ‘ты приходишь’, čäkirax’ — čäkirsän ‘тянешь, куришь’; Bir arvat g’äldi Färata dedi ki Širin Xasrovun kamyna jetišdi, sän nižä bitäräf žan čäkiräx?.. ‘Пришла одна женщина и сказала Фархаду, что Ширин Хосрову досталась, как ты можешь спокойно жить?..’.

В афшарском диалекте слово öz ‘сам’ может заменяться словом bilä: bilän вместо özüm ‘я сам’, biläj вместо özün ‘ты сам’, biläsä вместо özü ‘он сам’.

Несмотря на то, что в Афганистане утвердились персидские названия сельскохозяйственных орудий, продуктов, блюд (на языке дари), афшары пользуются своими собственными оригинальными названиями, например: агра ‘ячмень’, buɣda ‘пшеница’, soɣap ‘лук’, saɣumsaɣ ‘чеснок’, alma ‘яблоко’, üzüm ‘виноград’, хигžун ‘переметная сума’, torba ‘торба’, oɣax ‘серп’, diš ‘грабли’, žüt ‘соха’, gavarɣma ‘жаркое’, gajɣanax ‘яичница’, gajmax ‘сливки’, dolma ‘голубцы’, katlama ‘лепешки из слоеного теста’, fätir ‘лепешка’, g’ej čaj ‘зеленый чай’.

Обращаясь к гостю, афшары говорят: хоš g’äldin ‘добро пожаловать’ или g’özüm üstä ‘повинуюсь’.

Таким образом, лингвистические данные подтверждают тот факт, что афшары, живущие ныне на территории Афганистана, являются выходцами из Азербайджана. Безусловно, история, обычаи, особенности фольклора и языка афшаров в дальнейшем должны стать предметом специального исследования.

Ниже приводится в транскрипции с последующим подстрочным переводом несколько записанных автором образцов афшарского фольклора¹⁶.

Отрывок из дастана «Фархад и Ширин»

Širin Färat üstä ašyɣ olmušdu... ašyɣ olmušdu... Färata dedilär ki, bu ‘dayy bir arx čuxart, gänä bu Širini sänä berräx’. O ki g’äldi arxu čuxardyrdy bir arvat g’äldi Färata dedi ki, Širin Xasrovun k’amyna jetišdi, sän nižä bitäräf žan čäkiräx’. Bu Färat qülänqi jez (öz) bašyna vyrdy. Färat jixildi jeldi. Širinä dedilär ki, Färat jeldi. Širin at üstä mindi gäldi, Färatun bašyny diz istä qojdu. Här nä ki säsländi Färatu gözünä ašdy. Širinä ki g’erdi, žan verdi jeldi. Bu Širin ki jezünü jeldirdi. Leškärlä karnyna vyrdy, ikisidä biräzdän jeldi.

‘Полюбила Ширин Фархада.., полюбила... Сказали Фархаду: проруби в горе арык, тогда отдадим тебе Ширин. А когда он пришел, прорубил арык, пришла одна женщина и сказала Фархаду, что Ширин Хосрову досталась. Как ты можешь спокойно жить? Несчастный Фархад был сражен этой вестью. И Фархад ударил себя по голове киркой. Фархад упал за смертью. Передали Ширин, что Фархад умер. Ширин села на коня, примчалась к Фархаду и положила его голову к себе на колени. Долго звала она его, и Фархад открыл глаза. Как увидел Ширин, так и

¹⁶ Магнитофонные записи текстов переданы автором Институту языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР и хранятся в его фонотеке.

умер. И Ширин убила себя. Пронзила свой живот копьем, и так они оба вскоре скончались'.

Отрывок из дастана «Асли и Керем»

Kārām dēr:
Gezlāri aladyr; alar žanyņu,
K'ipriji neštārdir; tek'ār ganyny.
Āmri-āmri, žany āmri, gāl, gurbany māmām,
Ildā gyrx gurban kāsallār, gendā gurbanyn māmām.

* * *

Bivāfadyr, baj, bu dūnja;
Čox verān čox zian čākār.

* * *

Durnam g'edār dyzyn-dyzyn,
Bojny kanatundan uzun.
Durnama xālāt jarašar,
Dešin-dešin, ej, konay olmava.

* * *

Anžary g'edār čajdyr ja čamyр,
Māg'ār sānin baγryn dašdyr ja dāmir?
Jūč jil kešdi, dogguz bajram sečildi,
Xinām jaxylmady, jar, sām, gedāli.

* * *

Geldim, g'erdüm čičāklānmiš jurdunu,
Ālvan otayyna kurban olduγum.
Āglimi bašumnan o, zar ejlādi,
Tazā rövnāginā kurban olduγum.

* * *

Gālmišām gonay olmaγa
Izzāt ejlā bizā, daylar.
Hāsān-Hüsejnin babasy
Mātlābimā jetir māni.

* * *

Dalymy verdim bir daš divala,
Mövlam xābār verdi; galdym avara.
Ālimi verdim Āli ālinā,
Atyldym mindim Döldül goluna,
Mövlam ganat verdi, ušdum da g'āldim.

* * *

Būlbüllāj elk'ādān kečdi,
Badi-sāba javuxlašdy,
Janyram, ej Āsli xanym, janyram,
Janyram, ej Āsli žanym, janyram.

* * *

Jar-žan jatyb, ojanmaz, ojanmaz...

* * *

Juža daylar gary galsyn,
Ārisin, čöllārā dolsun;
Bahar olsun, gizil güllār ačylsyn;

Mäskän salym sänä, daýlar,
Gezallär jyýyşyb sejrinä gälsin.

* * *

Sazyny aldym älimä,
Ot da gäldi çyxdy dizimä.
Sazyny aldym älimä,
Ot da gäldi çyxdy belimä.
Sazyny aldym älimä,
Ot da gäldi çyxdy başyma.
Särändazy salma başa,
Gurbanam män gäläm gaşa.
Janyram, ej Äsli xanym, janyram,
Janyram, ej Äsli žanym, janyram.

* * *

Kärämäm, düşmüšäm därdä,
Bu färda ruzi mäšärdä,
Šahi Märdan gapusunda
Jasdyğym bir daš idi,
Häg bilir, man jalgyz degil,
G'am mänä joldaš idi.
Janyram, ej Äsli xanym, janyram.
Janyram, ej Äsli žanym, janyram.

* * *

‘Керем говорит:
Карие глаза — лишат меня жизни,
Стрелы ресниц — прольют мою кровь,
Повели, прикажи, приди, я жертва твоя,
В году приносят сорок жертв, а я ежедневная
жертва твоя’.

* * *

‘Неблагодарен этот мир;
Кто многое дает (кто добр), тот терпит
большой ущерб’.

* * *

‘Журавли летят караваном,
Вытянув шеи длиннее крыльев.
Достойны журавли дара.
Спуститесь-спуститесь погостить...’.

* * *

‘Не понять мне, то ли река это, то ли озеро?
Разве сердце твое каменное или железное?
Прошли три года, миновали девять праздников,
С тех пор как ты ушел, любимый,
я не красилась хной’.

* * *

‘Я пришел и увидел цветущий твой край,
Пусть буду жертвой я твоего светлого дома,
Она лишила меня разума,
Я жертва красоты твоей’.

* * *

‘Я пришел в гости,
Уважьте нас, горы.

Дед Гасана-Гусейна,
Помоги мне достигнуть желанного (цели)'.
* * *

'Я прислонился к каменной стене,
Наставник наставил меня, беспутного,
Я руку свою подал Али,
Вскочил на крылатую лошадь Дюльдюль,
Наставник дал крылья мне, и я прилетел'.
* * *

'Пролетели соловьи над краем,
Повеял утренний ветер...
Горю я, о Асли-ханум, горю,
Горю я, о Асли — душа моя, горю'.
* * *

'Душа — любимая спит, ей не проснуться,
не проснуться...'.
* * *

'На высоких горах пусть остается снег,
Пусть он растает и зальет (вода) долины.
Пусть будет весна, раскроются розы,
Пусть поселюсь у вас, о горы.
Пусть красавицы придут любоваться тобой'.
* * *

'Свой саз я взял в руки,
И огонь поднялся по колено мне.
Свой саз я взял в руки,
И огонь поднялся по пояс мне.
Свой саз я взял в руки,
И огонь поднялся по голову мне.
Не покрывай ты голову паранджой,
Я жертва твоих как бы нарисованных бровей.
Горю я, о Асли-ханум, горю,
Горю я, о Асли — душа моя, горю'.
* * *

'Я Керем, у меня большое горе.
Грядущее грозит мне адом.
На пороге великих испытаний
Подушкой мне служил камень.
И знает бог, что был не одинок я.
Подругой мне была тоска.
Горю я, о Асли-ханум, горю,
Горю я, о Асли — душа моя, горю'¹⁷.
* * *

Запись отрывков из бесед

Bizk'i oylumuza arvad alyrax, avväl bir neçä arvady g'öndärrix onun evinä, o adama deäryx ki, gyzyjy bizim oylumuza ver. Äg'är gyzyki verdi, g'änä širni verällär, g'änä širnidän söra bir neçä sir¹⁸ dig'i, ät bizdän

¹⁷ Отрывки из народных дастанов «Фархад и Ширин» и «Асли и Керем» записаны автором на магнитофонную ленту в исполнении почти столетнего жителя села Нанакчи в Афганистане Магоммед-Сардара Бабы.

¹⁸ Sir — английское слово, означающее меру веса, равную 450 гр., распространено в Афганистане. Имеется несколько разновидностей этой меры веса, например, «кабульский сир», «мазари-шарифский сир» и т. д.

alar, pul alar. G'änä o gyzy mullany çayyрах, mulla nigah elijär, g'änä bir näjlä, syrna ilä saz elijäryх. O gyzy evimizä g'ätirräх.

‘Когда мы женим своего сына, сначала посылаем в ее дом несколько женщин. Говорим ему (хозяину), чтоб он отдал свою дочь за нашего сына. Если он хочет отдать дочь, сначала подаются сладости, после этого он должен получить у нас несколько сир риса, мяса и деньги. Затем мы приглашаем муллу, чтобы мулла обвенчал их. В сопровождении флейты, зурны и саза мы приводим девушку к себе домой’.

Gyzyki veräriz bir kišinä onun mäğavili pul aryryz ja jux? Män sizä bir sez dēräm, etibar elijin. Här kim gyz mügavilinin pul alar, onu biz äx-mäk' deryх. Pulki kim isä alar, adam almaz; Ešäk, inäk satyryz pul allax. Bu gisimki hejbanatlar satyryz, adam gijmäti kim alar? Bir min el evä kim kōm adam var tajfa varyd, adam satardy ki, onlara biz adam demäzix.

‘Когда отдаем дочь за какого-нибудь мужчину, берем ли мы за нее деньги или нет? Я скажу вам одно, верьте мне: тот, кто берет за дочь деньги, считается у нас дурнем. Если кто и берет деньги, тот не человек. Мы продаем корову, осла и берем деньги. Подобных животных можно продать, кто же за человека деньги получает? Было такое племя до тысячи домов, где продавали людей (девушек), их (т. е. продающих) мы не считали людьми’.

* * *

Запись стихотворных отрывков

Gäl, dotarym, dilläšäk, dilläšäk,
 Sänin äslin dejällär ayašdandyр, ayašdan.
 Häzräti Musanyn asasy, unu da dejällär ayašdandyр,
 ayašdan;
 Häzräti Abbasyn älämi, unu da dejällär ayašdandyр,
 ayašdan.
 Ayaš desäm arranar, arranar, хurmany da dejällär
 ayašdandyр, ayašdan.

‘Давай, дотар¹⁹ мой, поговорим, побеседуем,
 Говорят, твоя основа деревянная,
 Говорят, посох святого Мусы тоже деревянный,
 Древко знамени (алама) святого Аббаса тоже,
 говорят, деревянное...
 Если скажу (дереву), что оно деревянное,
 то смутится-смутится оно, но, говорят,
 что финик (дерево) тоже деревянный’.

* * *

Bu jерlärin gyzlary —
 Kypkurmyzu üzläri.
 ‘Девушки этой местности
 Все краснощекие...’.

* * *

Alväнд тауyna çухajдым,
 Zännät баууны бахajдым,

 Ondan eläjdим, vaj, eläjdим...

¹⁹ Дотар (дутар) — двухструнный музыкальный инструмент, распространенный в Средней Азии и в некоторых районах Афганистана.

‘Подняться бы мне на гору Альванд
И посмотреть на райский сад.

А потом умереть, ох, умереть...’.

* * *

G’älin, g’edin, dejin, mänim garib atama²⁰:
Mändän galmys maly salsyn gälämä.
Istärdim g’äläm; fäläk gojmady,
Istärdim g’äläm; äžäl gojmady.

G’älin, g’edin, dejin, mänim garib anama:
Küllär g’özünä, torpaglar başyna.
Istärdim g’äläm; fäläk gojmady,
Istärdim g’äläm; äžäl gojmady.

G’älin, g’edin, dejin, mänim amim gyzyna:
Sačlaryn darasyn, salsyn üzünä,
Gara jašyl šaly salsyn başyna,
Istärdim g’äläm; fäläk gojmady,
Istärdim g’äläm; äžäl gojmady.

‘Идите, скажите моему живущему на чужбине отцу:
Пусть составит опись остающихся
после меня вещей.

Хотел прийти я — судьба не позволила,
Хотел прийти я — смерть помешала.

Идите, скажите моей живущей на чужбине матери:
Пусть посылет пепел на глаза и землю на голову.
Хотел прийти я — судьба не позволила,
Хотел прийти я — смерть помешала.

Идите, скажите моей двоюродной сестре
(дочери дяди по отцу):
Пусть расчешет волосы и закроет ими лицо.
Пусть покроет голову черно-зеленым платком.
Хотел прийти я — судьба не позволила
Хотел прийти я — смерть помешала’.

²⁰ Нижеследующие строки (в отличие от предшествующих) не имеют магнитофонной записи; они зафиксированы автором на слух как образец распространенного среди афшаров фольклорного текста.

Э. А. ГРУНИНА

ОБ ИЗУЧЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ИНДИКАТИВА
(ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ)

Изучение системы временных форм глагола, проведенное в основном советскими тюркологами на материале почти всех тюркских языков, создало прочный фундамент для дальнейших исследований в этой области. Традиционное внимание к функционально-семантическому аспекту грамматических исследований, что всегда характеризовало отечественные исследования, закономерно перерастает в настоящее время в стремление, с одной стороны, представить грамматические категории глагола как систему и дать толкование их взаимодействия, а с другой — раскрыть план содержания отдельных микросистем глагола как сложную иерархию многообразных функций. Исследования в указанном направлении велись в последние годы главным образом на материале турецкого языка как советскими, так и зарубежными тюркологами¹. Эти работы, среди которых следует особо отметить монографию Л. Йохансона, характеризуются новым, указанным выше подходом к теме и анализом тех трудностей, которые возникают на пути исследователя. На наш взгляд, наиболее существенными из последних являются нижеследующие:

а) при попытках пересмотра традиционной классификации глагольных подсистем и стремлении по-новому осмыслить их соотношения должны быть соответственно уяснены или пересмотрены традиционные понятия грамматической системы, ибо подчас, именно в силу неясности исходных данных, она оказывается внутренне противоречивой;

б) не всегда учитываются позитивные результаты теоретической полемики по проблеме глагольных категорий на материале индоевропейских языков, обуславливающие совершенно новый подход к ряду соответствующих вопросов, в частности к соотношению времени и вида (аспекта) указанных категорий, и придающие глубину и новое направление поискам подлинного соотношения последних;

в) исследование глагольных категорий сейчас все больше направляется на раскрытие семантической структуры и функционального назначения отдельных подсистем. Эта задача может быть выполнена при на-

¹ См., например: К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2; его же. Абстрактное наклонение в турецком языке. — «Советская тюркология», 1973, № 3; Н. Н. Джанашиа. Исследование по морфологии турецкого глагола. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1970; L. Bazin. Les classes du verbe turc. Bulletin de la Societe de linguistique de Paris, v. 61, f. I, 1966; L. Johanson. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971.

личии разработанной методики анализа. Однако авторы тюркологических исследований подчас ограничиваются лишь постулированием необходимости системного подхода и применения новых приемов анализа, не выходя по существу за рамки старой методики.

Освещение проблем взаимодействия глагольных категорий в работах тюркологов следует рассматривать с точки зрения направления аналогичных исследований в советском и зарубежном индоевропейском языкознании. Поскольку общий обзор проблемы вполне может явиться темой монографии, здесь хотелось бы остановиться лишь на одном вопросе, решение которого на материале тюркских языков представляет, по нашему мнению, определенный интерес: Имеются в виду возможные подходы к раскрытию плана содержания микросистемы так называемых временных форм (ВФ) индикатива, в частности, к соотношению в ВФ временного и так называемого «видового» значений.

При исследовании ВФ неизбежно возникает вопрос, какого подхода требует эта микросистема — семасиологического или ономасиологического? Семасиологический подход (от формы к содержанию) имеет то преимущество, что исследователь всегда остается на почве языковых (формальных) данностей (здесь особую проблему составляет отбор инвентаря). Раскрытие содержательной структуры ВФ строится на заданных признаках, хотя чаще всего и выведенных индуктивно. В структурно-системных исследованиях отобранный инвентарь рассматривается как монокачественное единство (например, система ВФ рассматривается как сетка только темпоральных отношений, обусловливающих и объясняющих функционирование отдельных элементов этой микросистемы). Поэтому развитие ономасиологических исследований (от содержания к форме) было вызвано стремлением преодолеть субъективизм семасиологических исследований, чреватый тем, что системе может быть задан набор признаков, характеризующих не столько ее самое, сколько концепцию исследователя.

Ономасиологический подход имеет своей целью установление таких критериев и создание таких понятийных систем, на основании которых могли бы быть предложены объективные по замыслу исходные понятия, объяснены взаимодействия разных подклассов, объединенных одной идеей (например, темпоральностью, аспектуальностью) и т. д. Однако при ономасиологическом подходе за основу берется разное: одни исследователи опираются на понятийные категории и их взаимоотношения с планом содержания грамматических категорий конкретных языков, другие — ограничиваются уяснением лишь соотношенности плана содержания разных подклассов, объединенных единством функций, не уточняя понятийной системы. Так, в работах советских лингвистов в последние годы интенсивно разрабатываются аспектологические проблемы. Однако аспектуальность как понятийная категория остается все же недостаточно эксплицированной, а позитивные результаты получены пока лишь в области способов реализации, присущих аспектуальности (способы действия, категория предельности, категория вида), и их взаимодействия с речевым контекстом².

² См., например: *Б. М. Балин*. Фундаментальные понятия метаязыка контенсивной типологии языков. — «Вопросы романо-германского языкознания», IV. Челябинск, 1973; *Э. С. Башкирцева*. Взаимодействие различных средств аспектологического контекста. — «Вопросы немецкой филологии», I. Челябинск, 1971; *Л. Б. Гарифулин*. О моделировании грамматико-лексических систем. — «Вопросы немецкой филологии», 3. Челябинск, 1973.

Ономасиологические исследования в области грамматического времени нашли обоснование или применение в достаточном количестве работ³. Многие здесь еще остаются неясным (прежде всего методика соотношения «клеток» понятийной системы с планом содержания соответствующей микросистемы). Однако ряд понятий, выработанных ономасиологическими исследованиями, может быть использован и в традиционных семасиологических работах. Сюда следует отнести разграничение понятий момента речи и ориентационной оси, направления (вектора) действия, периода действия и величин, определяющих и измеряющих его (скаляры), понятие позиции действия по отношению к ориентационной оси и др.

С моментом отсчета, как известно, связывается то или иное членение системы ВФ. Понятие момента речи (МР), принимаемое обычно за начало отсчета, не всегда используется в структурировании системы ВФ в силу его, по мнению некоторых исследователей, экстралингвистического характера. Авторы других концепций, напротив, подчеркивают лингвистический характер этого свойственного речи понятия⁴. Толкование МР подчас связано со смешением грамматического времени с объективным при выяснении вопроса о протяженности (точка или период времени) МР. На лингвистическое обоснование МР, особенно в работах зарубежных исследователей, повлияла концепция К. Бюлера о существовании в языке двух полей: указания (Zeigfeld) и символов (Symbolfeld). Элементы языка, связанные с первым полем, имеют чисто указательную функцию (например, дейктические понятия «я», «ты»). Элементы второго поля выполняют номинативную функцию. Дейктические понятия формируют три оппозиции: персонально-дейктическую, локально-дейктическую и темпорально-дейктическую (известная триада «я — здесь — теперь»)⁵. Существование дейктических оппозиций находит отражение в системе грамматического времени: темпорально-дейктическое членение («теперь: не-теперь») и пространственно-дейктическое (включение/невключение участника события в акт речи)⁶. Концепция К. Бюлера о двух полях привела к расчленению временной формы: ее временное значение свелось к темпорально-дейктическому, а номинативные функции были отнесены к аспекту. Идея дейксиса близка идее соотношения актуального/неактуального, постулируемого не только для глагольной системы, но и для всего языка⁷.

В понятийных системах времени понятие МР было использовано для обоснования его проекций и соответственно членения временного пространства (вычленение временных «пластов» или ориентационных осей). В грамматическом плане временной «пласт» или ориентационная ось означают определенную группировку форм (так называемые временные ряды). Разная методика приводила к выделению разного количества осей: четырех у В. Булла (ось настоящего, соотносящаяся с МР, ретроспективная — ось «прошлого», проспективная — ось «будущего»,

³ W. Bull. *Time, Tense and the Verb*. Los Angeles, 1960; K. Heger. *Die Bezeichnung temporal-deuktisch Begriffskategorien im französischen und spanischen Konjugationssystem*. Tübingen, 1969; Ю. В. Ванников. Опыт типологического анализа временных значений. — «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969; И. К. Бунина. История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970 и др.

⁴ Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М., 1974, стр. 296.

⁵ К. Heger. Указ. раб., стр. 18.

⁶ Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 101.

⁷ J. Dombrowsky. *Langue «actuelle» et langue «inactuelle» («infralangue» et «supralangue»)*. Slavica, X, 1970, стр. 17.

проспективная в ретроспекции — ось «будущего в прошедшем»⁸, трех у К. Хегера («настоящее», «прошедшее», «будущее»). События организуются вокруг ориентационных осей в следующей последовательности: предшествование, одновременность, следование. Тем самым создается гипотетическая схема из 12—9 «клеток» — «временных позиций». Семичленная схема в свое время была предложена О. Есперсеном, однако ее понятийная сущность нарушалась прямой соотносительностью с формальными категориями⁹.

Вопрос о МР связан с проблемой относительного времени, определяемого обычно как отношение данного события к МР через посредство другого события. В понятийных системах времени такое понятие отсутствует, так как событие всегда ориентировано на собственную ось ориентации. Оно может существовать, если вся система ориентирована на одну ось (МР). Понимание «другого» события как относительного момента отсчета в работах структурного направления иногда отвергается как гетерогенное к МР. Материал системы ВФ тюркских языков, на наш взгляд, позволяет говорить лишь о синтагматических функциях относительности.

Ономасиологический подход, насколько можно судить по его результатам на материале индоевропейских языков, позволяет перепроверить инвентарь по позиции в понятийной схеме, найти обозначение для понятийной позиции по формам другой системы, что важно для диахронических выводов и так далее, однако, очевидно, он не позволяет дать полное определение соотношения разнородных значений в форме. Поэтому в ряде исследований, в которых применен ономасиологический подход, подчеркивается необходимость его сочетания с приемами семасиологического подхода¹⁰.

Соотношение категорий вида и времени является «вечной» проблемой языкознания, по-разному разрешаемой различными лингвистическими школами. Имеются обобщающие работы по истории аспектологических проблем¹¹. Однако нас интересует лишь метод разрешения вопроса соотношений временных и аспектуальных значений в ВФ.

Как известно, существенным для проблемы в целом было выделение способов действия (Aktionsart), под которыми понимаются некоторые общие особенности лексического значения глаголов, относящиеся к качественной и количественной характеристике протекания действия во времени (типа длительности, многократности, начинательности и т. д.). Важным оказалось также понятие промежуточной категории между видом и способом действия, получившей название «предельности/непредельности». Термин «аспект» в западноевропейских работах применялся как к славянскому виду, так и к видовым значениям, усматриваемым в ВФ. Например, аспектуальное противопоставление, аналогичное славянскому СВ:НСВ, было установлено в соотношении турецких форм — *di:iyordu* (правда, с обратным соотношением маркированности)¹². Иссле-

⁸ W. Bull. Указ. раб., стр. 23. См. также рецензию на эту работу Н. Д. Арутюновой в «Вопросах языкознания», 1961, № 6.

⁹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 302.

¹⁰ К. Хегер. Указ. раб., стр. 72.

¹¹ Ю. С. Маслов. Вопросы вида в современном зарубежном языкознании. — «Вопросы глагольного вида». М., 1962; К. Хегер. Указ. раб., стр. 49—67; G. Juănescu. Le temps, l'aspect et la durée de l'action dans les langues indo-européennes. — «Mélanges linguistiques». Bucarest, 1957; H. Pollak. Problematisches in der Lehre von Aktionsart und Aspekt. — «Zeitschrift für Deutsche Philologie». Bd., 86, Hf. 3, 1967.

¹² Э. Кошмидер. Турецкий глагол и славянский глагольный вид. — «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 392.

дователи пришли к единому мнению о том, что аспект — это не сам характер протекания действия, а представление о действии с точки зрения субъекта речи: имперфективный аспект — «взгляд» на протекание действия как бы самого, перфективный — «взгляд» извне. С этим связано выделение субъективного характера аспекта (особенно в работах скандинавских лингвистов), что, вероятно, следует понимать не как субъективизм в выборе предоставляемых системой возможностей (хотя известная свобода выбора здесь действительно существует, что дает стилистическую дифференциацию ВФ), а как способ выражения, связанный с позицией субъекта речи по отношению к событию. Советские лингвисты в этом случае предпочитают говорить о категориях интерпретационного типа¹³.

Вычленение аспектуальных значений из значений ВФ или сведение последних только к темпоральным или аспектуальным породило различные взгляды на эту проблему.

Крайняя точка зрения сводится к тому, что оперирование аспектом в пределах ВФ — это фикция, и приписывание аспектуального значения остатку, получаемому в ВФ после вычета грамматического времени, ведет к смешению чужеродных понятий и к мозаичности и пестроте самого учения о системе ВФ¹⁴. Поиски объяснения аспектуальных значений в этом случае могут перейти в область жанрово-стилистической дифференциации языка. Некоторыми авторами отмечается, что аспектуальная идея реализуется в противопоставлении форм только сферы повествования. Течение повествования (*Relief*) имеет передний и задний планы, чередующиеся благодаря указанному противопоставлению форм. Дистрибуция этих планов зависит от говорящего, хотя и ограничивается основной структурой повествуемого¹⁵.

Другой взгляд на соотношение вида и времени состоит в том, что категории времени и вида (аспекта) сосуществуют в ВФ, хотя вопрос об их зависимости/независимости толкуется по-разному. Согласно распространенной в славистике концепции категории вида и времени признаются независимыми потому, что в системе спряжения конституирующим является временное значение, и вся система может толковаться как временная¹⁶. Некоторые исследователи выделяют аспект в ВФ в самостоятельную категорию, сосуществующую с категорией времени в одной форме¹⁷.

В отечественной тюркологии термин «аспект», как известно, закреплен за явлением иного плана (положительный/отрицательный аспект, возможность/невозможность). В работах советских и западноевропейских тюркологов в понятие «аспект» включаются видовые значения ВФ. Полемика относительно категории вида в тюркских языках в основном свелась к спору о характере аналитических образований с глаголами-модификаторами, поэтому вопрос о том, как следует рассматривать видовое значение ВФ, остался открытым¹⁸.

На определение видовых значений ВФ в тюркских языках, по-видимому, повлияла концепция Б. А. Серебренникова, исключая ВФ из возможного инвентаря вида. Видовое (аспектуальное) значение в ВФ

¹³ А. В. Бондарко. Классификация морфологических категорий. — «Типология грамматических категорий» («Мещаниновские чтения»). М., 1973, стр. 28.

¹⁴ H. Weinrich. *Tempus*. Stuttgart, 1964, стр. 155.

¹⁵ H. Weinrich. Указ. раб., стр. 160. Работа Г. Вайнриха вызвала новую дискуссию по вопросу о грамматическом времени. См. сб.: «Sind Tempora Ansichtssache?». Beiheft zur «*Wirkendes Wort*». Düsseldorf, 1969.

¹⁶ И. К. Бунина. Указ. раб., стр. 21.

¹⁷ G. Iuănescu. Указ. раб., стр. 33.

¹⁸ См.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.

является производным от временного или модального (например, длительность в форме прошедшего длительного вытекает из особого усиительного наклонения¹⁹).

Проблема «видового» значения в ВФ вновь привлекла внимание исследователей в последние годы. Взгляд на личную форму индикатива как на функциональную форму причастия (идея, последовательно развиваемая в работах Н. А. Баскакова) обусловил толкование ее как «характера и вида действия»²⁰, объединяющего, с одной стороны, аспектуальные значения, присущие способам действия, и модальные (первичные), а с другой — темпоральные значения (вторичные). Параллельно с этим вводится понятие собственно «вида», основанное «на характере протекания действия, определяющимся отношением действия к моменту речи»²¹. Неясность терминологии и отсутствие экспликации исходных позиций автора в цитируемой работе не позволяют понять до конца соотношение временных и аспектуальных значений ВФ в его концепции, однако показательно выделение функции характера протекания действия в самой ВФ, хотя ей и придано номинативное, а не интерпретирующее определение. Следует заметить также, что в раскрытии семантической структуры ВФ ее причастное «прошлое» важно в плане диахронии, но, очевидно, нерелевантно в синхронии. Необходимо добавить, что наличие «видовых» значений в ВФ в принципе никогда не отвергалось тюркологией, поэтому задача исследователя заключается в том, чтобы увязать эту функцию формы с ее временным значением, установив характер зависимости или взаимозависимости.

Третье направление в исследовании времени — аспекта исходит из конституирующего положения аспекта в системе ВФ. Решающее влияние здесь, очевидно, оказала концепция Е. Куриловича, согласно которой категории времени в глаголе отводилось место временной вехи, присоединяемой к видовому содержанию глагольной формы почти так же, как артикль присоединяется к символическому содержанию существительного²². Система видов имеет главное противопоставление (имперфективность:перфективность) и предполагает также существование как нейтральной формы (*le présent générale*), так и сложной формы, сочетающей элементы обоих видов (*l'état résultant d'une action accomplie*). При введении понятия временного отношения видовая система раздваивается и превращается в систему времени («теперь:тогда»). Хотя конституирующим содержанием глагольных форм является вид, Е. Курилович отмечает, что в форме, снабженной показателем времени, категория вида не может проявиться в чистом виде. Будущее же как категорию модальную он исключает из видо-временной сферы.

Некоторые приверженцы аспектуальной интерпретации почти полностью игнорируют временное значение при объяснении функционирования системы ВФ индикатива. Концепция аспекта как определяющей категории в системе ВФ получила развитие в скандинавской школе, в частности, в работах Ф. Рундгрена, основанных большей частью на материале семитских языков. Ф. Рундгрен разграничивает категории на объективные, данные в лексическом значении глагола (таковым является, например, способ действия), и субъективные (наклонение, время, аспект и т. д.), выбор которых зависит от способа рассмотрения говорящим вне-

¹⁹ Б. А. Серебрянников. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, стр. 81.

²⁰ Н. Н. Джанашиа. Указ. раб., стр. 9.

²¹ Там же, стр. 18.

²² Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 142.

языковых фактов и в конечном счете определяется «фактором интереса». Диахронически ориентированная концепция Ф. Рундгрена предполагает первичность становления аспекта в системе глагольных форм в отношении к грамматической категории времени. Первоначальная аспектуальная оппозиция может давать темпоральный сдвиг, выражающийся в темпоральной локализации аспекта (членение на области «теперь:тогда»). По Ф. Рундгрону, в чисто аспектуальных языках категория времени автономно не существует и выступает как продукт аспекта и локализатор, то есть комбинации факторов, принадлежащих к полю указания и полю символов²³. Ф. Рундгрэн подчеркивает, что детерминированность аспекта функцией категории времени, сходной с функцией артикля, не может быть понята как автономность категории времени, существующая лишь внутри аспектуальной корреляции. Если способ действия (лексический или грамматикализованный) представляет его количественно, то возможность анализа действия дает его качественную характеристику, что и составляет, собственно, специфику аспекта.

Эта концепция была последовательно развита и применена к материалу турецкого языка в указанной выше работе Л. Йохансона, построенной как антитеза априоризму ономаσιологических исследований и исходящей из определения отношений внутри заданной совокупности форм. Хотя в работе и подчеркивается связь темпоральных и аспектуальных значений, весь ход исследования и система доказательств ведут к обоснованию вывода об определяющей роли аспекта в системе ВФ, в силу чего большинство темпоральных и модальных значений оказывается аспектуальным (идеями) или выводится из них как контекстуальная реализация (функции).

На основе формально маркированных форм с *-idi*, которым придано значение дистанцирования, отключения от актуального, проведено первое членение системы (использовано противопоставление: «тогда:теперь»). Дистанцирование форм с *-idi* «большой частью может быть интерпретировано как темпоральное, т. е. как предшествование» (стр. 52). Формы *-di* и *-miş* с определенными оговорками относительно возможности их недействительской ориентации также отнесены к группе предшествования (группа форм «прошедшего» в традиционной темпоральной терминологии). Пункты локализации и ориентации, которые предусмотрены понятием предшествования и предполагают темпоральное объяснение, подобной темпоральной экспликации не получают, так как автор отвергает понятие осей как грамматических моментов отсчета. Введение понятия предшествования все же играет скорее роль вспомогательного приема, помогающего элиминировать темпоральный «покров», который «мешает» дать чисто аспектуальное толкование системе.

В данной работе реализация аспектуальных значимостей элементов инвентаря впервые рассматривается на материале турецкого языка в связи с существованием дискурсов (*Diskurstypen*), функционально-речевых сфер с внутренними подвидами по ведущей форме: сфера синхронного рассказа, сфера исторического повествования (с выделением *-di* — повествования, *-miş* — повествования и т. д.) и сфера недействительского повествования (явление транспозиции форм в традиционной терминологии). Автор подчеркивает, что понятие дискурса не имеет в его концепции характера дихотомического принципа, присущего аналогичному чле-

²³ F. Rundgren. Intensif und Aspektkorrelation. — «Studien zur äthiopischen und akkadischen Verbalstammbildung». Uppsala, 1959, стр. 25.

нению в концепции Э. Бенвениста²⁴, Г. Вайриха²⁵ и др. Однако введенное понятие, на наш взгляд, имеет принципиальное значение именно при темпоральном подходе к системе. У Л. Йохансона типы дискурса играют роль «тональностей», актуализирующих системную значимость аспектуальных единиц (стр. 77).

В концепции Л. Йохансона аспект также выступает как субъективная категория. Традиционное имперфективно-перфективное членение здесь получает четырехчленное выражение: четыре аспектуальных идеи, организованные по бинарному принципу и находящие выражение в противопоставлении форм (*Hauptgegensatz*).

Первая аспектуальная оппозиция отражает идею интратерминальности (то есть рассмотрения события как бы изнутри), маркированную в формах *-iyordu*, *-mekteydi*, *-irdi*. Темпорализация (предшествование:непредшествование) накладывает ограничения на аспектуальную оппозицию интратерминальности таким образом, что образуется парадигматическая лакуна в области непредшествования, формы которой (область «настоящего») индифферентны к идее интратерминальности. Для форм непредшествования постулируется не традиционная протяженность, длительность, временная ограниченность и так далее, а функция ограничения дейктического «теперь» в его центре, фокусе, причем фокус понимается не в темпоральном смысле, ибо он необязательно должен быть дейктическим настоящим. Удержание действия в фокусе дает максимум акциональной интенсивности (*Prägnanz*), то есть идея второй аспектуальной оппозиции, которая тем самым связывает интратерминальные формы и формы непредшествования (то есть *-iyor*, *-mekte*, *-ir*). Идея интратерминальности открывает «вскрывающую» перспективу на событие, идея акционального максимума — его субстанциальный результат (стр. 137). Формы непредшествования становятся в один ряд по отношению к идее акционального напряжения, составляя градуальную оппозицию. Формы *-ir* и *-irdi* предстают акционально неустойчивыми, чем и объясняется их неустойчивое же положение в индикативе. Релятивность второй аспектуальной идеи обнаруживается в реализации этого свойства, причем при этом вскрывается ее зависимость от функционально-речевых сфер языка. Но так как и это не объясняет до конца столь известную тюркологам близость и «взаимозаменяемость» форм непредшествования, то автор вводит понятия первичного и вторичного «слоя» актуализации, иначе говоря, ситуации обязательного или факультативного выбора форм. Определяющее условие характеризуется введением понятия фокальности: совпадения фокуса, устанавливаемого лексически или контекстуально, и события, находящегося в максимуме своей действительности. Последнее связано с характером лексемы и рядом ситуативных условий.

Аспект в концепции Л. Йохансона признается единственной константой системы, независимой от лексического окружения (речь может идти лишь о пригодности лексического качества для определенного системного признака). Как известно, в работах структурного направления проведенное в свое время разграничение способов действия и аспекта претерпело трансформацию. Понятие способа действия (*Aktionsart*) снова было или как бы растворено в аспекте, или преломлено в различении семантем — трансформативных/нетрансформативных (предельных—непредельных). Эта идея нашла отражение и в работе Л. Йохансона, который также не выделяет особо *Aktionsart*, а говорит лишь о трансформативных и нетрансформативных значениях глагола. Такие

²⁴ Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, стр. 271.

²⁵ Н. Weinrich. Указ. раб., стр. 44.

значения рассматриваются им не в пределах лексемы, а в единстве лексемы и ее контекстуального в строго ограниченном смысле окружения, что представляется весьма важным. Это позволяет ставить вопрос о рекатегоризации трансформативного/нетрансформативного значения, возникающего в силу взаимодействия с контекстом, что приводит к иной систематизации, то есть к выделению подклассов, возникающих как результат количественного переосмысления, и подклассов, в которых действительность события ограничивается. Понятие «акциональной фразы» вводится для объяснения взаимодействия указанных процессов. Комбинация акциональной фразы и аспекта, по мысли автора, объясняет многочисленные нюансы ВФ, не получающие полного истолкования в темпоральных терминах. Введением понятия акциональной фразы Л. Йохансон определил и место перифрастических оборотов, рассматриваемых им как расширение лексемы: не *-miş+ol-*, а *(-miş ol-)*. Он не ставит перед собой задачи раскрыть эту проблему, поэтому вопрос о возможности подведения под схему рекатегоризации всех возможных перифрастических сочетаний (прежде всего модальных) остался открытым.

Только при учете структуры и характера акциональной фразы может быть понята реализация главного аспектуального противопоставления (*iyordu:di*). По Л. Йохансону, реализация этого противопоставления является средством выражения соотношения линейной последовательности в речи и реальным соотношением референтов (логическим или временным), которое обычно определяется как функция темпоральности, выражающая соотношение тематически основного и второстепенного. Иначе говоря, реализация идеи интратерминальности выполняет функцию таксиса, то есть отношения одного события к другому (относительное лингвистическое время в темпоральных концепциях).

Третья аспектуальная оппозиция охватывает формы *-miş[tir]*, *-di* по признаку посттерминальности (рассмотрение события после его «критической» границы — *post terminos*). Только аспектуальная значимость, по мысли автора, обуславливает многочисленные модальные и другие оттенки, обнаруживаемые у формы *-miş*.

Четвертая аспектуальная оппозиция охватывает формы *-miştir* и *-miş*. С точки зрения субъекта речи, существует возможность сосредоточить свое внимание на пункте локализации события или на пункте его ориентации, что создает две возможные перспективы (*Dimension*) рассмотрения события, выраженного формами предшествования: историческую и диагностическую (стр. 67). Для *-miş*, которое колеблется между исторической и диагностической перспективами, *-tir* играет «стативизирующую» роль и снимает амбивалентность в пользу диагностической перспективы. В *-miştir* эксплицитно выражена нейтральная значимость формы в отношении интратерминальности.

Работа Л. Йохансона заслуживает специального анализа, что не входит в задачу данной статьи. Следует лишь подчеркнуть, что хотя предложенное Л. Йохансоном моделирование системы индикатива как монокачественного класса и подчинение его функций только одной аспектуальной специализации может представляться спорным, пока еще нет ни одного исследования, построенного на других принципах, в котором с такой же последовательностью была рассмотрена анализируемая система форм.

Авторы ономаσιологического направления, пытаясь построить понятийные системы времени, не могли пройти мимо соотношения времени и аспекта (вида), столь по-разному толкуемого, как мы видели, в семасиологических исследованиях. Ряд исследователей исходит из того, что универсальная гипотетическая система может быть построена лишь при

ограниченном количестве свойств, что наблюдается в семантической системе времени. Видовые же значения (если они понимаются как характер протекания действия, а не способ его рассмотрения) такой замкнутой системы не образуют, поэтому в конструируемой семантической системе они даются как третий тип временного значения (наряду с Tense—значениями и Time—значениями). Видовые и Time значения рассматриваются как несистемные, не входящие в подсистемы абсолютного и относительного времени²⁶. Другие исследователи указывают на необходимость учета понятий времени и аспекта (понимаемого в этих случаях как способ «рассмотрения» действия) в конструировании понятийных схем, что создает разветвленную систему возможных совмещений темпоральных и аспектуальных позиций²⁷. Для того чтобы указанный подход не преобразовался в квазиномасиологические приемы, необходима прежде всего разработка методики совмещения системы понятийной и плана содержания анализируемой системы ВФ. На материале тюркских языков, насколько нам известно, это еще не сделано, поэтому пока трудно говорить о том, насколько эффективен подобный прием исследования.

Попытки моделировать систему индикатива в тюркских языках только как темпоральную или только как аспектуальную могут быть расценены лишь как возможные подходы к исследованию одного объекта. Однако ни одна из моделей не может избежать гетерогенности заданных свойств: аспектуальная модель имеет темпоральность в своем начале, темпоральная — аспектуальность в своем исходе. Налицо взаимодействие разнородных функций, совмещенных и взаимосвязанных в реализации²⁸. Поэтому несомненный интерес представила бы методика анализа, вскрывающая природу неоднородности функций и их иерархию. В этом направлении, очевидно, должно идти и изучение системы индикатива как поля взаимодействия модальных, темпоральных и аспектуальных свойств его элементов.

²⁶ Ю. В. Ванников. Указ. раб., стр. 208.

²⁷ К. Негер. Указ. раб., стр. 44.

²⁸ См.: С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр.74—76.

ПУБЛИКАЦИИ

Л. Ю. ТУГУШЕВА

ДВА УЙГУРСКИХ ДОКУМЕНТА ИЗ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Многочисленные публикации древнейуйгурских юридических и хозяйственных документов из Восточного Туркестана и их исследование, проводившееся в разное время А. фон Лёкоком, В. В. Радловым, А. фон Габен, С. Е. Маловым, Р. Рахмети Аратом, М. Мори, Н. Ямадой, Э. Р. Тенишевым, Дж. Р. Гамильтоном, Г. И. Рамстедтом, П. Циме и другими, как известно, позволили составить определенное представление о многих сторонах общественной жизни уйгурского государства Кочо (Гаочан) в IX—XIII вв. Этому небольшому государству на территории Восточного Туркестана — осколку некогда могущественного Уйгурского каганата — с некоторых пор как объекту исследования уделяется особое внимание благодаря большому числу письменных памятников, обнаруженных на территории этого государства и в прилегающих районах.

Исключительное научное значение этих памятников, в частности древнейуйгурских юридических и хозяйственных документов, для изучения структуры древнетюркских обществ в широком смысле слова отмечалось неоднократно¹. В настоящей статье публикуются два уйгурских юридических документа из собрания рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, не вошедшие ранее в состав изданий В. В. Радлова и С. Е. Малова. Публикуемые документы датированы по двенадцатилетнему животному циклу и, следовательно, о времени их составления можно судить лишь приблизительно. Один из них (I) по совокупности данных (характеру почерка, графике, языку и пр.) можно отнести к сравнительно раннему периоду — к эпохе расцвета государства Кочо (X—XI вв.). Документ этот необычен по форме и содержанию: по формуляру (схеме) он не совпадает с известными до сих пор уйгурскими документами, по содержанию же представляет собой ранее не зарегистрированный тип соглашения между несколькими лицами о размерах налога, предназначенного к выплате. Особого внимания заслуживает то, что в этом документе раскрывается содержание термина *qoq*, который, исходя из общеязыкового значения этого слова², засвидетельствованного в словарях, до настоящего време-

¹ А. в. *Le Coq*. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. — *Túrán*, 1918, 8, стр. 451; М. *Mori*. A study on uigur documents of loans for consumption. — «Memoirs of the research department of the Toyo Bunko», Tokyo, 1961, 20, стр. 112; С. Е. Малов. Два уйгурских документа. — В сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927, стр. 338; *USp.*, стр. VI.

² См.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 0107; МК III, 122.

ни переводился как «вред, ущерб, убыток» (см. комментарий I, 1—2). Из содержания документа явствует, что термин *qoq* в юридических документах уйгуров обозначал особый тип налога. В тексте документа всюду говорится о малом налоге (*kiçig qoq*), из чего можно заключить, что он имел по меньшей мере две разновидности. Налог этот мог выплачиваться натурой: пшеницей, вином, хлопчатобумажной тканью, скотом и т. п., а уклонение от уплаты могло повлечь за собой дополнительные повинности (см. комментарий I, 1—2).

Документ написан классическим древнеуйгурским языком, но вместе с тем в нем встречаются такие моменты, как, например, разнобой в передаче числительных второго десятка, образованных в различных частях документа на основе разных нормативных установок (ср. *iki otuz* 'двадцать два' в стк. 1 и *on jeti* 'семнадцать' в стк. 11). Такого рода непоследовательность скорее всего возникла в результате того, что составитель в начале документа следовал традиционной формуле — штампу, в последующем изложении уступившему место общеупотребительной повседневной речи, в соответствии с нормами которой и образовано числительное *on jeti* в стк. 11.

В числе графических особенностей документа можно отметить использование знака *Q* с одной точкой слева (вверху) для передачи твердорядного смычного согласного, чаще изображаемого с двумя точками³.

В собрании Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР хранится фотокопия документа, на полях которого проставлен шифр 0.2. Время и место приобретения документа не установлены.

Второй документ (II) — стереотипное удостоверение о передаче земельного участка, составленное по формуляру документов указанного типа⁴ без заметных отклонений. Заслуживает внимания в нем упоминание о том, что к документу приложено удостоверение о приобретении передаваемого участка в прошлом у другого лица.

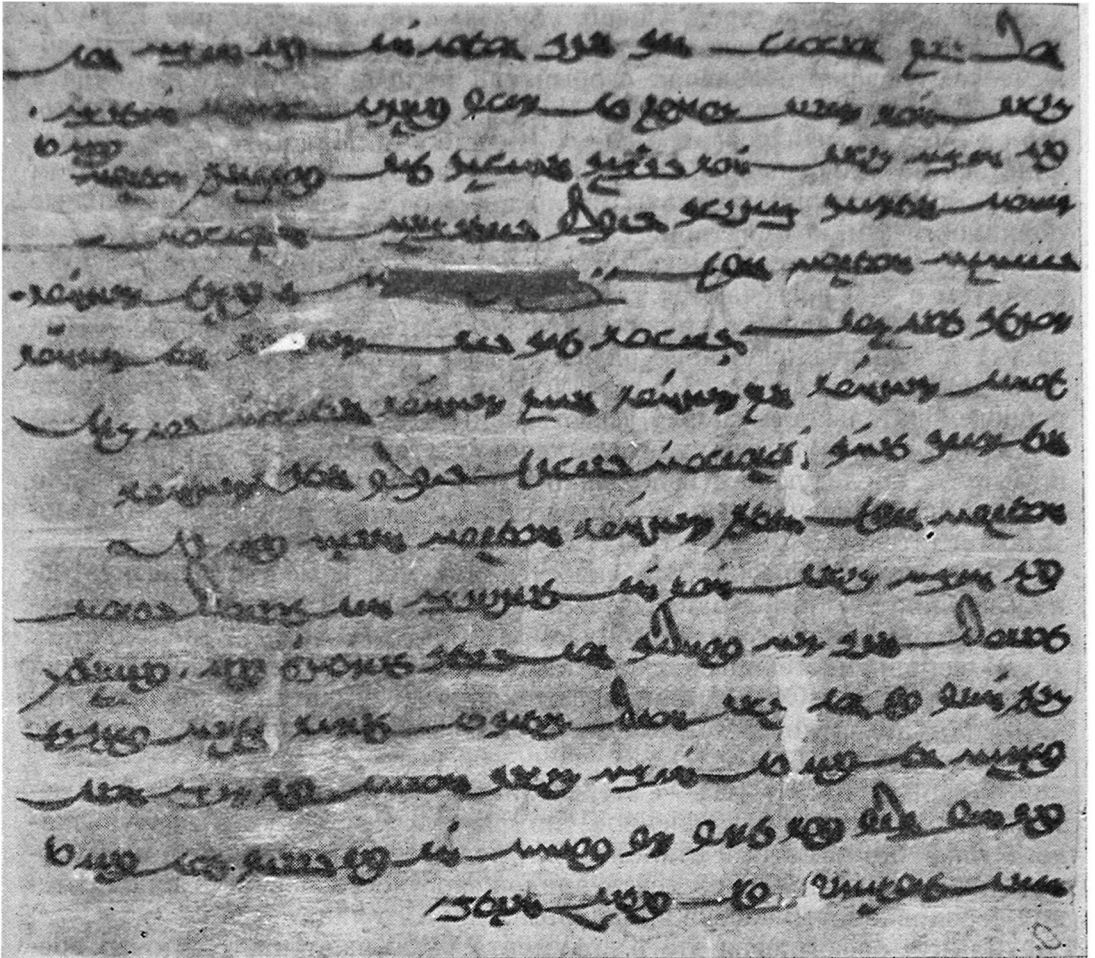
Язык и орфография этого документа указывают на то, что ко времени его составления некоторые «нарушения» норм классического уйгурского письма приняты относительно устойчивый характер. В числе таких можно отметить, например, написание *joğumasun* (11), *qulmasun* (10) вм. *joğumaz-un*, *qulmaz-un*; пренебрежение различиями в написании твердорядных и мягкорядных лабиализованных гласных (ср. *biğüg-mäp* (2), *tämüg* (3), *tükäl* (1), *ol* (11) и др.); появление знаков *D*, *S* в тех случаях, где по принятым в классическом уйгурском языке нормам они не предусмотрены (ср. *bidig* (2), *sadıyn* (6), *jüs-luğum* (9), *säksinč* (1) и т. п.).

Искаженное написание слова *jüzlügüt* в форме *jüs-luğum* в сочетании *onluğum jüs-luğum* (9), возможно, объясняется утратой ко времени составления документа представления о подлинном значении слова. Эти данные в совокупности свидетельствуют об относительно более позднем времени составления документа.

Документ написан на тонкой белой бумаге; размер листа — 19 см. × 21,5 см. Шифр хранения — Кг IV 618.

³ См.: *A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 17.*

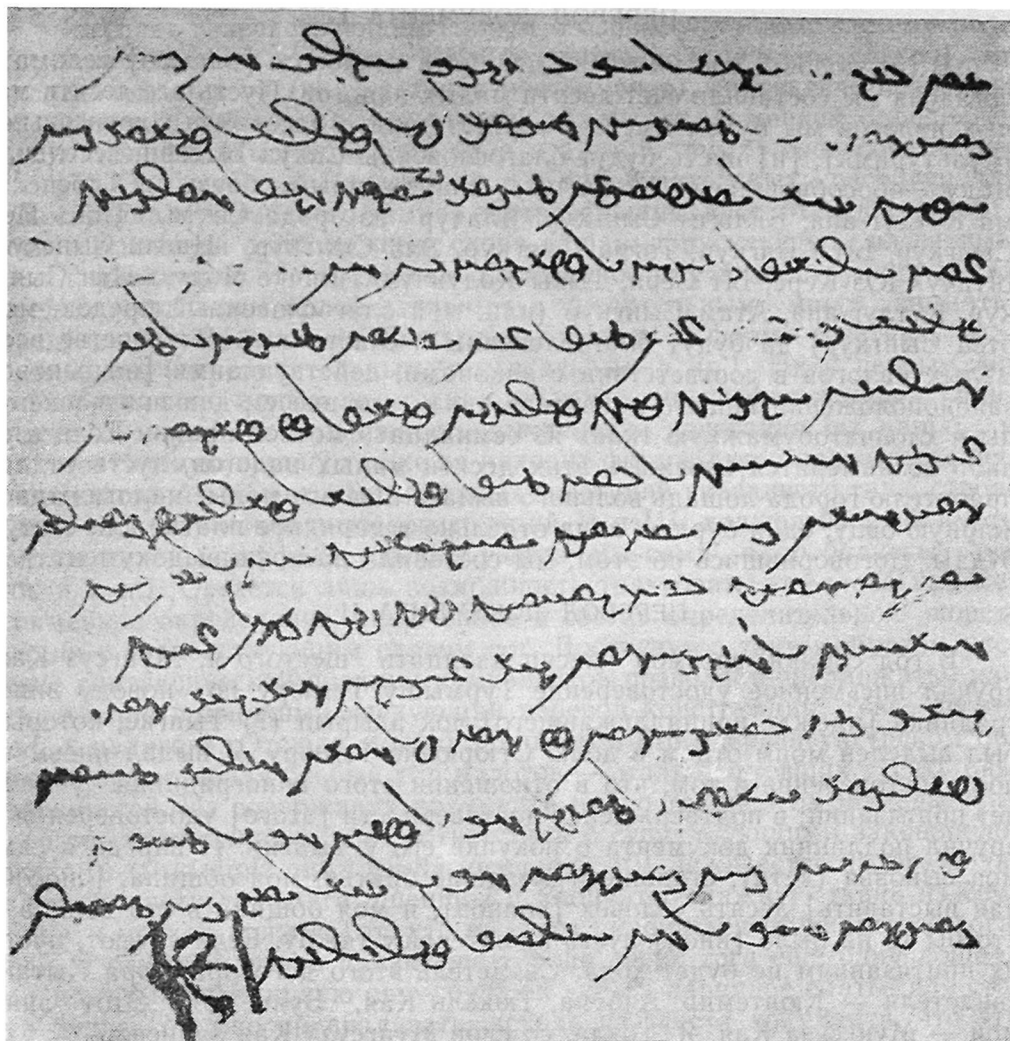
⁴ *N. Yamada. Uigur Documents of Sale and Loan Contracts brought by Otani Expeditions. — «Memoirs of the research department of the Toyo Bunko», 23, 1964, 118 стр. + 4 таблицы.*

ДОКУМЕНТ I

(транскрипция текста)

1. ud jyl ūčūnč aj iki otuz-qa biz qam(a)γ on
2. kičig qor sāvig kōñülün sācū biligin čonuy (?) qadymyz
3. biz qam(a)γ kičig qor jig(i)mli yyačly tæg bulalym qutluy bolz-un.
4. saquq itsäri māñiči jabdu jartymlyγ qolunčuy
5. jaraylyγ qutluy apa: bilgā syñqur
6. sökti töz-lüg j(a)l(r?)ačur taj jāk syñqur yt syñqur
7. toyra syñqur il syñqur inäl syñqur ytačuy жүз k(ā)rā
8. yt sāri tyqī qolunčuy jinčkā jabdu iti syñqur
9. qutluy apa at(a)m syñqur qutluy qyvlyγ bol-zun
10. biz qam(a)γ kičig qor-qa tirkinim(i)z qan törü-dā joruy
11. törüdā iki šyy buydaj on jiti tišürim böz birälim
12. kim qaju bu on kičig qorda kidäjün tisär balyq bāgigā
13. bašl(a)γ at birz-ün qam(a)γ kičig qorqa bir sim(i)z qoj(y)n
14. bir qap adru bor tso su burqan-qa bir jivil ton birz-ün
15. anyn taplašyp baš bitig qylt(y)m(y)z

ДОКУМЕНТ II

(транскрипция текста)

1. yt jyl [sä]ksi(n)č aj j(i)g(i)rmi aldy-qa män
2. muḥsuz q(a)j-a turmaš [turmyš?] tämür-kä bidig birür-män
3. abam-nyḡ ögürükčä tämür-kä ülüş q(y)lyp qodmyš
4. čoq adyryp тыҥq-a borluq-yn-qa [...]
5. bidig [...] čyn täp čyn üçün тыҥq-a-tyn
6. sadıyn almyš baš bidigin birip bu borluq-ta
7. čämym qaraqš-a joq täp bidig birdim mundyn
8. soḡara män öšüm oylarym aq-a in-im
9. on-luḡum jüş-luḡum kim kim-mä čam
10. qaraqš-a qylmasun-lar čamla-sar-lar söz-
11. läri-miz jorymasun bu söz-kä qora qyday tanuq
12. kündämür (küčdämür?) ačbuq-a tükäl q(a)j-a bujan q(a)j-a tanuq
13. bu nišan män muḥsuz q(a)j-a-nyḡ ol män toyda
14. muḥsuz q(a)j-a-qa aydyp bididim.

ПЕРЕВОД ДОКУМЕНТА I

В год коровы, третий месяц двадцать второго с [нашего] ведома и согласия мы составили счет десяти малых налогов. Пусть все десять малых налогов мы будем иметь в соответствии с посевами и древесными [культурами], [и] пусть будут благословенны Сакук Ытсери, весельчак Ябду, обособившийся Колунчук, снаряженный боевыми доспехами Кутлуг-апа, Бильге Сынгкур, Ялачур из рода Сёкти, Тай, Йек Сынгкур, Ыт Сынгкур, Тогра Сынгкур, Эль Сынгкур, Инель Сынгкур, Ытачук Юз Кере, Ыт Сери, Тыкы Колунчук, Йинчке Ябду, Ити Сынгкур, Кутлуг-апа, Атам Сынгкур (или: мой благословенный предок, мой отец Сынгкур) да будут благословенны и счастливы. В качестве всех малых налогов в соответствии с законами, действующими [на основе] законоположений нашего правителя-князя, мы внесем два шнга пшеницы и хлопчатобумажную ткань из семнадцати мотков пряжи. Если кто-либо вознамерится избежать этих десяти малых налогов, пусть отдаст правителю города лошадь вольного выпаса и за все малые налоги отдаст жирную овцу, один бурдюк вина отдельно и нарядное платье для статуи будды. Договорившись об этом, мы составили настоящий документ.

ПЕРЕВОД ДОКУМЕНТА II

В год собаки, восьмой месяц двадцать шестого я, Мунгсуз Кая, вручил письменное удостоверение Турмышу Темюру по поводу виноградника [прежде принадлежавшего] чок адырып (?) Тынгке, который был выделен моим отцом в долю Огюрюкче Темюру. Я выдал письменное удостоверение в том, что в отношении этого виноградника у меня нет притязаний; в подтверждение достоверности [этого] удостоверения я вручил подлинник документа о покупке его у Тынгки. И впредь я сам, мои сыновья (дети), старшие и младшие братья, моя община, [способная выставить] десять человек [воинов], и моя община в сто воинов и кто бы то ни было [иной] пусть не затевают тяжбу. Если затеют, пусть их притязаниям не будет хода. Свидетель этого договора Кора Кытай; свидетели — Кюнтемир, Ачбука, Тюкель Кая, Буян Кая. Этот знак мой — Мунгсуза Кая. Я, Токда, со слов Мунгсуза Кая записал.

КОММЕНТАРИИ

I, 1—2. qoq в древнеуйгурских юридических и хозяйственных документах встречается часто в форме эссива и абессива (qorluq, qorsuz). Ср. *julyuči kiši qorluq bolzun [...] qorsuz bolzun «Let [...] the one who deprive suffer loss! Let [...] not suffer loss»*. ('Пусть тот, кто отнимет, терпит убыток, покупатель не терпит убытка'). N. Yamada. *Uigur Documents of Sale and Loan Contracts brought by Otani Expedition*. — «Memoirs of the research department of the Toyo Bunko». № 23, 1964, стр. 106; USp, стр. 280; ДТС, стр. 458б.

Схема конструкций, в которых представлено это слово в рассматриваемом документе, достаточно разнообразна:

1. *biz qam(a)γ on kičig qoq ... qadymyz* (стк. 2)
2. *biz qam(a)γ on kičig qoq-qa ... birälim* (стк. 10)
3. *biz qam(a)γ kičig qor jig(i) mli yučly täg bulalum* (стк. 3)
4. *bu on kičig qorda kidäjün tisär* (стк. 12)
5. *qam(a)γ kičig qoqqa ... birz-ün* (стк. 14).

Синтагматические и парадигматические оппозиции, наблюдаемые в приведенных конструкциях, позволяют судить о синтаксической роли компонентов конструкций, об их «собственно языковом» значении. Слово

qoǵ выступает главенствующим словом в словосочетаниях, где ему подчинены лексические атрибуты kiǵig (качественное прилагательное), op (числительное) и bu (указательное местоимение), синтаксическая позиция которых находится в соответствии с их местоположением, определяемым типизированным порядком слов в атрибутивных словосочетаниях (см.: Л. Ю. Тугушева. Порядок слов в определительных конструкциях. (На материале татарского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 9). Остается неясной лишь позиция слова qatau, допускающего, на первый взгляд, различную его трактовку. Отведенное ему в конструкции место перед качественным прилагательным и числительным могут занимать определения, выраженные причастием, именем в форме генетива, местоимением (определятельным, указательным и др.). Ни к первым, ни ко вторым слово qatau не может быть отнесено по формальным признакам. Кажущаяся возможность вычленения сочетания biz qatau в самостоятельную группу также не находит формального подтверждения, так как второй элемент местоименных сочетаний указанного типа, строящихся по схеме изафетных конструкций II и III, должен был бы иметь притяжательный аффикс (ср. без үзөбез 'мы сами', алар барчасы 'все они' и т. п.). Остается лишь возможность трактовать это слово как местоименное определение, включенное в состав определительной конструкции с главенствующим словом qoǵ. Достигнутое таким образом уяснение синтаксической позиции компонентов позволяет предложить как единственно возможный следующий перевод конструкции: «все десять малых налогов». Отсюда можно заключить, что в древнейгузском обществе существовал особый тип налогов — малых, имевших десять разновидностей. Из содержания документа видно также, что размеры этих налогов устанавливались в соответствии с существующими законоположениями (tirkinimiz qan tögü-dä joǵu, стк. 10). В качестве налога полагалось платить два шига пшеницы и хлопчатобумажную ткань из семнадцати мотков пряжи. Тот, кто пытался уклониться от уплаты налога, должен был выплатить правителю города сверх того еще одну лошадь вольного выпаса, жирную овцу, бурдюк вина и нарядное платье для статуи будды. Можно предполагать, исходя из текста документа, что эти малые налоги имели специальное назначение и так же, как переписка сутр (см. колофоны к переводам сутр на древнейгузский язык: R. Rahmeti Arat. Eski türk şiiri. Ankara, 1965, стр. 213—242), считались своего рода благодеянием, способствовавшим благоденствию представителей рода.

I, 2. çoǵu вин. от çoǵ кит. *чжан* 'счет' (?).

I, 2. säcü форма прилагательного на -u/-ü (см.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 118) от глагола säç-, встречающегося в ряде тюркских языков в значении «выбирать, отбирать, выделять, сортировать, опознавать, замечать» («Турецко-русский словарь». М., 1945, стр. 525 а; «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965, стр. 303 а); säcü biligin букв. 'с отобранными, отсортированными знаниями', 'осознанно'.

I, 3. jig(i)mli первоначально выписано jimli; знак G приписан впоследствии сбоку. Является первым элементом парного словосочетания jig(i)mli yuaçly. Может быть сопоставлено со словом ekim 'посев' (МК I 75) как его вариант с протетическим j в анлауте, появление которого в данной позиции вполне допустимо (ср. inzü ~ yänçü 'жемчуг', ät ~ jät 'мясо', äski ~ jäski 'старый' и т. д. (А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 80, 179—185).

I, 4. *māñiçi* имя деятеля от *māñi* 'веселье, радость, счастье' (ДТС, 342 а). Основным значением образований на *-çu||-çi* в тюркских языках, как известно, является признак лица по роду его деятельности, профессии. В соответствии с этим слово *māñiçi* должно быть переведено как «создающий, доставляющий радость, веселье», «забавник», «весельчак».

I, 4. *jartymlyu* 'отдельный, относящийся к иной группировке'. Эссив от *jartym* 'часть, доля'. (См.: G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, стр. 961б)

I, 10. *tirkin* (\approx *terkin*, *terkän*) 'правитель области'. Ср. МК I 441.

I, 11. *šīy* [кит. *ши*] мера сыпучих тел, равная 60 литрам; впоследствии — земельная мера. (См.: J. Hamilton. Un acte ouïgour de vente de terrain provenant de Yar-khoto. — «Turcica», 1969, I, стр. 38; N. Yamada. Four notes on several names for weights and measures in uighur documents. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 492).

I, 11. *tisürim* 'моток пряжи'. Ср. МК I 485.

I, 12. *bägi-gä* дательный падеж от имени существительного *bäg* в форме принадлежности III лица единственного числа. Один из редких примеров образования в древнеуйгурском языке дательного падежа имени в форме принадлежности III лица без «вставочного» *л*. Образования такого типа, как известно, характерны для тюркских языков карлукско-хорезмийской группы. (См.: Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 176).

I, 13. *bašlay* 'лошадь, пущенная на вольный выпас'. Ср. МК I 461.

I, 14. *jivil* 'нарядный' прилагательное от глагольной основы **yivi-*, сохранившейся в образованиях *yivig* 'украшение' (Suv 354₂), *yivil-* 'украшать, наряжать себя' (Suv 566₉). Образовано по типу *tükäl* (от гл. *tükä-* 'кончаться, иссякать'), *upal* (от гл. *упан-* 'верить') и др.

I, 14. *tso-so* [кит. *т'о-сян*] статуя (?).

I, 15. *baš bitig* основной документ, оригинал, в отличие от его копий. Наряду с термином *baš bitig* в том же значении используются термины *čīn baš bitig*, *ōñ bitig*. (См.: R. Rahmeti Arat. Eski türk hukuk vesikalari. Extrait du JSFOu, 65, 1964, стр. 26—27).

II, 1. [sā]ksi(n)č отчетливо читаются знаки KŠČ. Правомерность чтения *ks* подтверждается характером начертания того же сочетания знаков в слове *muñsuz* (MUNKSUZ) в стк. 2

II, 3—4. *čoq adugur* выступает одним из элементов конструкции *abamnuñ ögürükčä tämür-kä ülüş qylur qodmuš čoq adugur tuñqa bogluqup-qa...* Конец строки поврежден, что несколько затрудняет его прочтение и трактовку. Из сохранившейся части видно, что в этом предложении представлена определительная конструкция рамочного типа, ограниченная двумя компонентами изафета III (*abamnuñ ... bogluqu*). Известно, что рамка охватывает элементы, относящиеся к одной конструкции, зависящие прямо или опосредствованно от главенствующего слова этой конструкции. Это обстоятельство дает основание утверждать, что возможная по внешнему оформлению квалификация сочетания *čoq adugur* как деепричастного оборота в данном случае не мотивирована свойствами подчиняющих элементов. Деепричастие как зависимый элемент в определительной конструкции может появиться при глагольном имени или причастии, слова же *tuñqa* и *bogluqu* таковыми не являются и, следовательно, не могут иметь зависимый элемент в форме деепричастия. Деепричастный оборот в этой ситуации может появиться как вводный элемент, независимый от всей конструкции в целом, хотя такие случаи и весьма редки. Значительно больше оснований для трактовки этого сочетания как части собственного имени в составе *čoq adugur tuñqa* или некоего определения к собственному имени *tuñqa*.

II, 7. *ĉam qaqaġša* 'тяжба'. Парное словосочетание, стоящее в настоящем документе в позиции, в которой в уйгурских юридических документах встречается другое сочетание *ĉam ĉagum* 'тяжба' (ср. *ĉatum qaqaġš-a joq* (стк. 7), 'у меня нет притязаний', *ĉam qaqaġš-a qulmasun-lar* (стк. 9—10) 'пусть не затевают тяжбу'; *söz-im sabum ĉatum ĉagum[um] joq* (USp 116, 13) 'каких-либо возражений и притязаний у меня нет', *ĉam ĉagum qulmasun* (С. Е. Малов. Два уйгурских документа. — В сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927, стр. 393, 2₁₅) 'пусть не затевают тяжбу'. Вероятнее всего, слово *qaqaġša* образовано из основы *qaqaq*, зафиксированной в древнетюркских письменных памятниках в образованиях *qaqaqġu* 'разбойник' (QBN 398₁), *qaqaqla-* 'грабить' (МК III, 338). Являясь аналогом слова *ĉagum*, оно тем самым должно соответствовать ему по всем показателям и, следовательно, скорее всего является отглагольным именем. По своему оформлению оно ближе всего стоит к отглагольным именам на *-u, -ü, -y, -i, -a, -ä* и образовано по типу *kögři* 'друг', 'сосед' (*kögřiš-* 'видеться, встречаться' + *i*): *qaqaq* + *yš* (коопер.) 'отбить друг у друга' + *a* (сущ.).

II, 9. *onluġum jüsluġum > onluq* (*jüzlük, miñlik*) количество дворов, способное выставить десять (сто, тысячу) мужчин, годных к воинской службе. (См.: А. v. Gabain. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250). — «Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica». Bd., 6. Wiesbaden, 1973, стр. 57—58).

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

- aba* отец,
abatnuġ II, 3,
aĉbiqa и. собств. II, 12,
adyur см. *ĉoq*,
adru отдельный I, 14,
al- см. *sadyu*,
aldu шесть II, 1,
ara и. собств. I, 5, 9,
aqa старший брат II, 8,
at лошадь I, 13,
ata отец,
at(a)m I, 9 (?),
aj месяц I, 1; II, 1,
ajd- спрашивать,
ajdur II, 14,
baluq город I, 12,
baš: baš bitig основной, подлинный
экземпляр документа I, 15; *baš bidig*
II, 6,
bašlau скот, пущенный на вольный вы-
пас I, 13,
bäg бек, князь, правитель,
bägiġä I, 13,
bid- писать,
bididim II, 14,
bidig документ, удостоверение (пись-
менное) II, 2, 4,
см. *baš*,
bitġä и. собств. I, 5,
bilig знание,
biligin I, 2,
bir один I, 13, 14,
bir- давать,
birälim I, 11,
birdim II, 7,
birüg-män II, 2,
birz-ün I, 13,
bitig см. *baš*,
biz мы I, 1, 3, 10,
bol- быть, становиться,
bolz-un I, 3, 9,
bor вино I, 14,
borluq виноградник,
borluq-un-qa II, 4,
böz хлопчатобумажная ткань I, 11,
bu этот I, 12; II, 11; 13,
buġdaj пшеница I, 11,
bul- приобретать, получать; возыметь,
bulalym I, 3,
burġan будда,
burġan-qa I, 14,
bujan: *bujan* (q(a)j)-а и. собств. II, 12,
ĉam: *ĉam qaqaġš-a* тяжба II, 9—10,
ĉamla- оспаривать, вступать в тяжбу,
ĉamla-sar-lar II, 10,
ĉun верный, истинный; подлинный, до-
стоверный II, 5,
ĉoġ [кит.] счет (?),
ĉoġuġ I, 2,
ĉoq: *ĉoq adyur* (?) II, 4,
iki два I, 1, 11,
il и. собств. I, 7,
inäl и. собств. I, 7,
ini младший брат II, 8,
iti и. собств. I, 8,
jabdu и. собств. I, 4, 8,
jalaĉur и. собств. I, 6,
jaray доспехи, воинское снаряжение,
jarayluġ I, 5,
jarlym часть, доля,
jarlymlyġ I, 4,
jäk и. собств. I, 6,

jigim посев,
jig(i)mli I, 3,
j(i)g(i)rti двадцать II, 1,
jincä и. собств. I, 8,
jiti ссмы I, 11,
jivil нарядный I, 14,
jyl год II, 1; I, 1,
jogy- быть в ходу, иметь силу,
jogumasun II, 11,
jogyu находящийся в обращении I, 10,
jüslu община, способная выставить
 100 мужчин, годных к воинской
 службе,
jüs-luyum II, 9,
jüz: *jüz kägä* и. собств. I, 7,
kärä см. *jüz*,
kid- уходить, уклоняться,
kidäjün I, 12,
kičig малый, маленький I, 2, 3, 10, 12,
 13,
kim: *kim-mä* кто бы то ни было II, 9,
kim qaju кто-либо I, 12,
köñül сердце, душа,
köñülün I, 2,
kündämür и. собств. II, 12,
mä вопросительная частица II, 9,
män я II, 1, 8, 13,
mäñici увеселитель, забавник (?) I, 4,
mundyñ: *mundyñ soqaga* после этого
 II, 7,
muñsuz: *muñsuz q(a)ja* и. собств. II, 2,
muñsuz q(a)j-a-puñ II, 13,
muñsuz qaj-a-qa II, 14,
nišan знак, печать II, 13,
oñ дитя, потомок II, 8,
oñlagum II, 8,
ol этот,
anup I, 15,
ol предикатив II, 13,
on десять I, 1, 11, 12,
onluq община, способная выставить 10
 мужчин, годных к воинской службе,
on-luyum II, 9,
otuz тридцать,
otuz-qa I, 1,
ögürükčä: *ögürükčä tämür* и. собств.,
ögürükčä tämür-kä II, 3,
ös сам, свой,
ösüm II, 8,
qa- складывать, составлять,
qadumyz I, 2,
qatay все I, 1, 3, 10, 13,
qan правитель I, 10,
qar мешок, бурдюк I, 14,
qaraqša см. *šam*,
qaja см. *bujan*,
qaja см. *muñsuz*
qaja см. *tükäl*,
qaju см. *kim*,
qudaj см. *qoqa*,
qyl- делать, совершать,
qylmasun-lar II, 10,
qylt(y)m(y)z I, 15,
 см. *ülüş*,
quv счастье,
quvluq I, 9,
qod- ставить; оставлять, предназна-
 чать, передавать,
qodmyš II, 3,

qolunčiq и. собств. I, 4, 8,
qor налог I, 2, 3,
qorda I, 12,
qoqa I, 10, 13,
qora: *qora qudaj* и. собств. II, 11,
qoj(y)n овца, I, 13,
qutluy I счастливый, благословенный
 I, 3, 9,
qutluy II и. собств. I, 5,
säč- выбирать, отбирать, выделять,
 сортировать, опознавать, замечать,
säčü I, 2,
sadyu: *sadyun al-* покупать,
sadyun almyš II, 6,
saquq и. собств. I, 4,
säkiz восемь,
säksi[n]č II, 1,
säri см. *at*,
sävig радостный, довольный I, 2,
simiz жирный I, 13,
synqur и. собств. I, 5, 6, 7, 8, 9,
soqara см. *mundyñ*,
sökti и. собств. I, 6,
söz слово, речь; возражение, притя-
 зание,
söz-läri-miz II, 10—11,
söz-kä II, 11,
šuy [кит.] мера емкости, равная при-
 близительно 60 литрам; земельная
 мера I, 11,
taniq свидетель II, 11, 12,
taplaš- договориться, согласоваться,
taplašur I, 15,
taj и. собств. I, 6,
tä- говорить, сказать,
tär вводит придаточное предложе-
 ние II, 5,
täg подобный; равный, соответствен-
 ный I, 3,
tämür см. *ögürükčä*,
ti- говорить, сказать; думать, по-
 мыслить,
tisär I, 12,
tirkin правитель области,
tirkinimiz I, 10,
tišürim моток пряжи I, 11,
tuñqa и. собств. II, 4,
tuñqa-tyñ II, 5,
tuqu и. собств. I, 8,
toqda и. собств. II, 13,
toqra и. собств. I, 7,
ton платье, одежда I, 14,
törü порядок, обычай, закон,
tögüdä I, 10, 11,
töz основа; род, происхождение,
tözlüg I, 6,
tso-su [кит.] статуя I, 14,
turmaš: *turmaš tämür* и. собств.,
turmaš tämür-kä II, 2,
tükäl: *tükäl q(a)j-a* и. собств. II, 12,
ud корова I, 1,
üčün посл. для, ради, за II, 5,
üč три,
üčünč I, 1
ülüş: *ülüş qyl-* выделять (в долю),
ülüş q(y)lyp II, 3,
ytsäri и. собств. I, 4, 8,
yuač дерево,

уҗаҗлуу I, 3,
yt I и. собств. I, 6,

yt II собака II, 1,
yтаҗиу и. собств. I, 7.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ДТС* — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
JSFOu — Journal de la Société finno-ougrienne. Helsinki.
МК — Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939—1941, т. I—III.
QBN — Qutadû bilig (наманганский список).
Šuv — Suvaḡarḡabhāsa. (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. Bibliotheca Buddhica, XVII, вып. I—VIII. СПб.—ПГр., 1913—1917.
USp — W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.

* * *

- [...] — текст поврежден,
 [] — пояснительные дополнения в переводе,
 () — в тексте не обозначенный, восстанавливаемый звук.

=====

РЕЦЕНЗИИ

С. АТАМИРЗАЕВА. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ НАМАНГАНСКОГО ГОВОРА
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

ТАШКЕНТ, ИЗД-ВО «ФАН» УЗССР, 1974, 195 стр.

До последнего времени при исследовании звукового строя говоров узбекского языка лингвисты-фонетисты опирались¹ главным образом лишь на собственное слуховое восприятие и интуицию. Поэтому выход в свет первого экспериментально-фонетического исследования наманганского говора узбекского языка является важным этапом в проведении научных изысканий в данной области. Несомненно, расширение сферы исследования фонетики любого языка и его диалектов настоятельно требует привлечения максимально объективных показаний об артикуляционных особенностях и, в первую очередь, о физической природе звуков речи — той материальной базы, которая в известной мере определяет особенности фонологической системы, ей подчиненной.

Введение книги содержит краткие географические, исторические и этнографические сведения о городе Намангане. Далее автор устанавливает место наманганского говора в общей системе узбекских говоров, его отношение к другим говорам узбекского языка. В книге приводится обзор лингвистической литературы, посвященной наманганскому говору, говорится о задачах и методах его исследования.

В первой главе монографии автором дается краткое описание фонетических особенностей наманганского говора, разбираются кнаклаут, ассимиляция гласных (лабиальная гармония гласных, умлаут), диссимиляция гласных, назализация и аспирация согласных и т. д.

Особенно удачно написана часть главы, посвященная умлауту (стр. 18—24). Автор сообщает ценные сведения об общих усло-

виях появления умлаута, дифференцирует говор в зависимости от характера умлаута. Им выделяются семь основных и несколько факультативных моделей, анализируются условия и параметры каждой модели в отдельности. Так, например, звук [э] в нечетных слогах (первом, третьем) переходит в [о] ([эт] от 'лошадь', ср. [ɛti] оти 'его лошадь', [kat:arɛq] каттароқ 'побольше', ср. [kat:erɛ αl] каттароғи 'побольше из них'); в четных слогах (втором, четвертом) этот звук переходит в [е] ([qu-lɔq] қулоқ 'уши', ср. [qule αl] қулоғи 'его уши'). Эти фонетические явления, ранее никем не отмеченные, установлены автором книги в процессе исследований.

Взяв эти модели за основу, можно проследить проявления умлаута и в других говорах узбекского языка, а также в других языках тюркской системы (например, уйгурском, татарском).

Фонетические особенности наманганского говора определяются автором на основе осциллографических и кимографических записей. Закрывающие главу выводы автора интересны и убедительны.

Вторая глава монографии посвящена звуковой системе (качественной характеристике) наманганского говора — одного из своеобразных и сложных говоров узбекского языка.

Фонетическая трактовка дается на основе анализа рентнограмм, палатограмм, кимограмм и осциллограмм. Данные экспериментальных исследований иллюстрируются 129 рисунками.

В работе С. Атамирзаевой впервые дается фонологическая трактовка гласных, удлинение которых, по мнению автора, возникло как компенсация выпавших согласных. Также в рецензируемой работе впервые приводятся фонетические и фонологические параметры согласных узбекского литературного языка, не отраженных в алфавите; автором доказывается необходимость введения их в узбекский алфавит. Здесь же дана классификация гласных и согласных

¹ См. работы: В. П. Наливкина, М. В. Наливкиной, Е. Д. Поливанова, А. К. Боровкова, В. В. Решетова, Ш. Ш. Шаабдурахманова, Ф. А. Абдуллаева, С. И. Ибрагимова, М. М. Мирзаева, Б. Д. Джураева и ряд кандидатских диссертаций и научных статей.

в фонетическом и фонологическом аспектах.

Классификация каждого класса сопровождается характеристикой звуков и их анализом в потоке речи, что позволяет исследовать каждую фонему в ассимилятивном и диссимилятивном плане. Там же рассматриваются случаи выпадения и удлинения звуков.

В третьей главе дается количественная характеристика звуков говора. Длительность каждого звука определяется с точностью до 1/500 секунды в различных позициях (в анлауте, инлауте и ауслaute слова), а также в комбинациях, в зависимости от предшествующего и последующего звука, ударности и безударности слога; выявляется взаимосвязь этих факторов. Автор делает правильное заключение, что в зависимости от фонетического окружения гласные и согласные звуки приобретают различную длительность.

Основные выводы, к которым приходит автор в этой главе, следующие: 1) гласные, так же как и согласные, в ударном слоге более долгие, нежели в безударном; 2) гласные в слоге, открытом справа, более долгие, нежели в закрытом или открытом слева; 3) в соседстве с сонорными гласные более долгие, нежели в соседстве с шумными; 4) в соседстве со щелевыми согласными гласные более долгие, чем в соседстве со смычными; 5) гласные имеют две степени долготы одного фонологического значения — обычную и удлиненную; фонетическая долгота свойственна словам, заимствованным из персидского и арабского языков; 6) удлинение гласных возникает за счет выпавших согласных.

К достоинствам работы следует отнести и тот факт, что автор, основываясь на результатах экспериментальных исследований, впервые в тюркологии рассматривает долгие согласные (қатик—қаттик, маза—мазза) как самостоятельные фонемы, указывая их отличия от удвоенных согласных, хотя, с нашей точки зрения, считать данную проблему окончательно решенной было бы преждевременным.

В приложении даны транслитерированные тексты с переводом на русский язык, а также словарь диалектных слов (всего 450 слов).

Рецензируемое исследование не лишено и некоторых недостатков как научного, так и технического характера.

Автором не описано такое важное и характерное для намаганского говора фонетическое явление, как метатеза, а также не

выяснены причины возникновения умлаута.

Доводы автора, позволяющие считать долгие согласные самостоятельными фонемами, не всегда убедительны (хотя в целом мы разделяем эту точку зрения). Так, например, на стр. 96 указываются чисто фонетические (акустико-артикуляторные) и морфонологические признаки этих согласных, «цельное» их произношение и отношение их длительности к длительности двух смежных согласных. Исходя только из данных признаков, вряд ли можно прийти к положительному решению проблемы².

В прилагаемом к работе словаре отсутствуют такие характерные для намаганского говора слова, как *вохуд* 'приветствие', *тугул* 'не говоря (о чем-то)', *тўнглаш* 'застывать (о жире, о пище)', *ярашуғлуқ* 'столько, сколько необходимо (для чего-то)', *увоқ* 'крошки хлеба', *ушоқ* 'мелкий', *ўнглаш* 'поправлять', *қозноқ* 'сарайчик', 'кладовая' и т. д.

Содержащиеся в монографии сведения были бы полнее, если бы автор дал этимологию диалектных слов. Например, слово *модозот* С. Атамирзаева правильно интерпретирует как «истратить все свои богатства» и дает дословный перевод «мать родила» без объяснения его происхождения. Читатель, знающий таджикский язык, поймет, о чем идет речь: *modag* 'мать', *zot* 'происхождение'. Читателю — узбеку или русскому это не ясно, ибо по-узбекски это выражение приобретает вид *онадан туғилгандай*, что означает «облегчение от болезней или горя».

К недостаткам технического характера относится отсутствие унификации сокращений (например, осциллограмма в одних случаях сокращенно пишется как «осц.», а в других как «осцил.» и т. п.).

В заключение необходимо особо отметить заслугу С. Атамирзаевой, которая первой в Узбекистане квалифицированно применила транскрипцию МФА (Международной Фонетической Ассоциации).

Благодаря этому книгой могут пользоваться не только специалисты-фонетики, но и лингвисты широкого профиля.

С. Ризаев, Н. Авазбаев,
Ф. Абдуллаев

² Неубедительность указанных критериев, предложенных Н. С. Трубецким в его «Основах фонологии», была подвергнута неоднократно критике. См. об этом: Г. П. Торсуев. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л., 1969, стр. 31—34.

«МАТЕРИАЛЫ ПО ТАТАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ» (ВЫП. III)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ. ИНСТИТУТ ЯЗЫКА.

ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. Г. ИБРАГИМОВА

КАЗАНЬ. ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1974

Вышел в свет III выпуск сборника «Материалы по татарской диалектологии», в который вошли материалы, собранные и обработанные диалектологами Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова в последние десять лет. Таким образом, сборник отражает современный этап в области изучения говоров татарского языка, что придает ему особую значимость. Исследования, представленные в сборнике, охватывают диалекты и говоры почти всей территории расселения татар, за исключением Западной Сибири.

В сборнике 15 статей, объединенных по территориально-тематическому признаку. Статьи Н. Б. Бургановой «О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах», Л. Т. Махмутовой «Бастанский говор татарского языка», Р. К. Рахимовой «Лексика ткачества в заказанских говорах» характеризуют особенности говоров, бытующих на территории, охваченной I томом «Диалектологического атласа татарского языка» (ДАТЯ).

В последние годы диалектологами Татарии осуществлена большая работа по сбору материалов за пределами Татарии, в частности на территории Башкирии, Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской и Оренбургской областей. Статьи, описывающие особенности говоров татар, населяющих эти территории, и составляют основную часть данного сборника. По охватываемой ими территории они относятся ко II тому ДАТЯ. Сюда входят статьи Ф. С. Баязитовой «Фонетические и грамматические особенности говора крещеных татар Нижнего Прикамья», Ф. Ю. Юсупова «Нагайбакский говор среднего диалекта», Д. Б. Рамазановой «Грамматические особенности говора пермских татар», З. Р. Садыковой «Некоторые морфологические особенности говора оренбургских татар», Г. К. Якуповой «Фонетические особенности Камышлинского говора», Т. Х. Хайрутдиновой «Некоторые лексические особенности говора татар, проживающих в Салаватском и Кыгинском районах БАССР».

Следует отметить, что статьи сборника содержат богатый фактический материал и

интересные теоретические наблюдения. В некоторых статьях (Ф. С. Баязитовой, Ф. Ю. Юсупова и др.) содержатся ценные сведения, касающиеся ранее не изучавшихся говоров елабужских и бакалинских крещеных татар, нагайбаков и других групп татар. В ряде статей представлен интересный материал, раскрывающий историю формирования и развития татарских говоров. Материалы экспедиции, проведенной в Челябинской области, подтверждают высказывавшееся мнение, что с продвижением на восток усиливается влияние башкирского языка на татарские говоры. В статьях Л. Ш. Арсланова, Ф. С. Баязитовой делаются попытки объяснить происхождение некоторых фонетических явлений. Так, Л. Ш. Арсланов высказывает предположение, что заднеязычные *к*, *г*, характерные «для татарской речи марийцев, можно рассматривать как реликт фонетической системы чувашского языка»¹.

Необходимо отметить, что сборник представляет собой важный подготовительный этап в деле составления диалектологического атласа татарского и других тюркских языков. В него включены 24 карты-изоглоссы, относящиеся к I и II томам ДАТЯ. Большую ценность представляют приложения к сборнику тексты. Ярко иллюстрируя лексические, фонетические и грамматические особенности описанных в сборнике говоров, они дают богатый материал для изучения взаимодействия татарского литературного языка с общенародным разговорным языком и диалектами. Ценность их возрастает еще и в связи с тем, что они содержат обширный материал историко-этнографического характера и могут быть использованы специалистами смежных наук.

III выпуск сборника «Материалы по татарской диалектологии» свидетельствует о значительных успехах татарских диалектологов. Он представит определенный интерес для тюркологов-языковедов самых различных специальностей.

З. М. Валиуллина

¹ «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1974, стр. 135.

М. ГУЛУЗАДЭ. БӨҮК ИДЕАЛЛАР ШАИРИ
«КӘНЧЛИК». БАКЫ, 1973, 139 стр.

В связи с отмечавшимся в 1973 году по решению ЮНЕСКО 600-летием со дня рождения великого азербайджанского поэта Имадеддина Насими его творчеству был посвящен ряд интересных работ. К числу этих работ относится и монография профессора М. Ю. Гулизаде «Поэт высоких идеалов».

Как известно, мировоззрение Насими формировалось под влиянием учения хуруфизма, прогрессивных идей родной азербайджанской литературы и литератур народов стран Ближнего Востока того времени. Поэтому автор исследования вполне оправданно уделяет значительное внимание теоретическим положениям хуруфизма, основоположником которого был Фазлуллах Наими, учитель Насими. Кропотливая работа над историческими источниками позволила М. Ю. Гулизаде уточнить многие сведения о жизни и деятельности Насими, вынужденного скитаться вдали от родины, о его встречах с турецкими поэтами (Шейхи, Рафии) и обстоятельствах его казни.

Автор монографии справедливо рассматривает творчество Насими в тесной связи с общим процессом развития азербайджанской классической литературы, продолжателем лучших традиций которой в свое время являлся Насими, преемник Низами, Хагани в области поэтического творчества.

М. Ю. Гулизаде, основываясь на эволюции идейно-теоретических взглядов Насими, делит творчество поэта на два периода.

В первый период, то есть до того, как Насими принял хуруфизм (1386), его произведения были проникнуты социальными мотивами — поэт обличал несправедливость современного ему общества, в его стихах, отличавшихся идейно-тематическим богатством и глубиной содержания, утверждались высокие гуманистические идеалы, находили отражение важнейшие общественно-политические проблемы эпохи.

Второй период творчества Насими характеризуется стихами хуруфитского содержания. Анализируя стихи этого времени, М. Ю. Гулизаде указывает на некоторые противоречия в мировоззрении поэта, причину которых следует искать в исторических условиях жизни в средневековом Азербайджане. Однако говорить о Насими в целом как о суфийском поэте, как, например, это делают турецкие ученые Ф. Кёпрюлюзаде и И. Хикмет¹, по мнению автора монографии, было бы неверным.

М. Ю. Гулизаде убедительно показывает, что Насими искренне любил человека,

восхищался им, воспевал реальную «земную» возлюбленную. Что же касается стихов, посвященных поэтом его учителю Наими, то в его образе художественно сочетались идеальные и реальные человеческие черты.

Гуманистическая направленность поэзии Насими особенно ярко и сильно проявилась именно во второй период его творчества. Всесторонний анализ лирических произведений Насими дает возможность М. Ю. Гулизаде прийти к выводу, что воспевание любви у него находилось в органической связи с отрицанием религиозного фанатизма. Тема любви в хуруфитской интерпретации приобретает у Насими философский смысл, любовь и красота в его стихах служат возвеличанию человека. Касыда «Море тайн» («Бахрул-асрар») Насими по праву считается образцом гуманистической поэзии восточного средневековья, в ней выражен в художественной форме протест поэта против социальной несправедливости.

В третьей главе монографии, посвященной анализу художественно-изобразительных средств поэзии Насими, автор раскрывает выдающееся мастерство поэта, органическую взаимосвязь формы и содержания в его произведениях. М. Ю. Гулизаде отмечает, что противоречивость мировоззрения Насими нашла отражение и в его поэтическом языке и стиле. Это проявляется в перегруженности отдельных стихов поэта сложными выражениями, цитатами из Корана на арабском языке, что весьма характерно для традиционной хуруфитской поэзии.

Особое внимание в монографии уделено роли Насими в обогащении и развитии азербайджанского литературного языка. Поэт ввел в поэзию новые изобразительные средства, богатства фольклора и живого разговорного языка. По верному замечанию автора, все это придает лирике поэта романтическую приподнятость.

В творчестве Насими нашла воплощение и важная, по мнению исследователя, роль тюркоязычной поэтической традиции в развитии азербайджанской литературы. В монографии приводится и разбирается перевод Насими некоторых образцов традиционной восточной поэзии. На наш взгляд, на этом следовало остановиться подробнее. В диване Насими использована особая стихотворная форма, согласно которой в произведении сочетаются стихи на трех языках — арабском, персидском и азербайджанском, — так называемая *муламмаа*, предоставляющая ценный материал для прослеживания связей азербайджанской, арабской и персидской литератур в период средневековья.

Воспевание высоких гуманистических идеалов делает поэзию Насими близкой и

¹ См.: *Көпрүлюзаде Мәһмәдфүад*. Азри әдәбијјатына аид тәдгигләр. Бақы, 1926, стр. 23; *И. Хикмет*. Азәрбајҗан әдәбијјаты тарихи. Бақы, 1928, стр. 193.

понятной всем народам, всему человечеству. Именно этим автор монографии и объясняет причины широкой популярности поэта и большого влияния его поэзии не только на родную азербайджанскую, но также и на турецкую и армянскую литературу, на творчество поэтов Средней Азии и ряда стран Востока.

Заключительный раздел посвящен обзору истории исследования творчества Насими. Автор обстоятельно говорит об изучении наследия великого поэта русскими, турецкими, западноевропейскими востоковедами. М. Ю. Гулизаде подчеркивает, что исследование творчества Насими занимает достой-

ное место в советском литературоведении.

Нельзя не отметить и некоторые недочеты и недосмотры в книге — они в основном сводятся к недостаточно точному транскрибированию ряда арабских слов и хуруфитских терминов (стр. 9, 20, 34, 51, 55, 56 и др.).

В целом монография М. Ю. Гулизаде написана на высоком научно-теоретическом уровне и, несомненно, заслуживает внимания специалистов и широкого круга читателей.

И. Я. Гамидов

К. Ш. ШАНИЯЗОВ. К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО НАРОДА (ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛАХ КИПЧАКСКОГО КОМПОНЕНТА)

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ. ТАШКЕНТ,
ИЗД-ВО «ФАН» УЗССР, 1974, 342 стр.

В истории тюркоязычных народов Средней Азии вопросы этногенеза занимают едва ли не первое место в ряду проблем, настоятельно требующих своего разрешения. Этой сложной и актуальной проблеме посвящена и недавно вышедшая из печати книга К. Ш. Шаниязова.

Автор сам определил задачу своего труда, отметив во «Введении», что «цель настоящей работы — исследование некоторых вопросов этнической истории узбекского народа, относящихся к участию в его этногенезе средневековых кипчаков». Автор далее уточняет, что в предлагаемом исследовании им будет также предпринята попытка выявить историко-культурные и этнические связи кипчаков и дать этнографическое описание их хозяйства, быта, материальной и духовной культуры (стр. 13—14)¹.

Работе К. Ш. Шаниязова предпослана методологически важная статья ответственного редактора книги Т. А. Жданко (стр. 3—8). Определяя значение этногенетических работ, она пишет: «Именно в процессе этногенеза еще в древности и средневековье формируется большинство тех черт этнического облика народа, которые характеризуют в дальнейшем его национальную специфику, отличают его от других этносов (основы языка, особенности хозяйственно-бытового уклада, формы материальной и духовной культуры и др.). В то же время лишь тщательное изучение этнической исто-

рии помогает выявить также и истоки тех черт его сходства с другими народами, которые возникают в процессе многовековых экономических и культурных контактов с населением соседних регионов, либо объясняются общностью исторических судеб, а иногда и этническим родством — наличием однородных этнических компонентов, участвовавших в этногенезе двух или нескольких народов.

Исследование проблем этногенеза с марксистских позиций имеет и важное научно-теоретическое значение в борьбе с буржуазными теориями в национальном вопросе. Так, убедительно доказанное изысканиями советских этнографов положение о том, что современные народы сложились из разных этнических компонентов, опровергает распространённые в ряде западных стран шовинистические концепции о «расовой чистоте», «национальной исключительности» некоторых народов. Лишь отказ от пресловутых поисков «единого предка» и признание изначальной сложности этногенетических процессов может обеспечить подлинно научное разрешение вопросов происхождения народов» (стр. 3—4).

В книге К. Ш. Шаниязова впервые дана характеристика этнического облика одной из реликтовых групп кипчаков XIX — начала XX в., тесно связанной своим историческим прошлым с узбеками, подвергшейся длительной интеграции в их среде и вошедшей в состав узбекской народности, сохранив, однако, вплоть до Великого Октября свойственную этнографическим группам обособленность, устойчивое этническое самосозна-

¹ В скобках здесь и в дальнейшем указываются страницы рецензируемой книги.

ние и самоназвание. Специфической чертой этнических структур многих народов Средней Азии — казахов, киргизов, туркмен, узбеков — были пережитки родо-племенного деления. Значительный удельный вес анализируемых К. Ш. Шаниязовым материалов по родо-племенной номенклатуре побуждает нас привести принципиально важную их оценку, данную во вводной статье Т. А. Жданко: «Историческая стратификация родо-племенных этнонимов, их научный анализ путем сопоставления с достоверными историческими данными, как известно, позволяют многим авторам (в том числе и К. Ш. Шаниязову) использовать родо-племенные этнонимы в качестве ценного источника для изучения этнической истории. В целом же, как в социальном, так и этническом аспекте, реликтовые племена в среде казахов, узбеков и других народностей Средней Азии трансформировались к XIX — началу XX в. в обычные для народностей феодальной эпохи внутренние подразделения — так называемые этнографические (этнические) группы, сохранявшие, однако, некоторые родо-племенные пережитки в своем быту... Устойчивость сохранения этих внутренних подразделений объясняется не только спецификой кочевого и полукочевого хозяйства, но и общими неблагоприятными для национальной консолидации политическими и социально-экономическими условиями в дореволюционной Средней Азии и Казахстане. Лишь в советский период, в процессе консолидации социалистических наций интеграция реликтовых «племенных» этнографических групп у узбеков и других народов Средней Азии вступила в фазу полного завершения» (стр. 5—6).

Первая глава книги — «Исторические сведения о кыпчаках» — состоит из шести разделов. Автор рассматривает вопросы происхождения кыпчаков, основные события их военно-политической истории, пути интеграции этой этнографической группы в среде узбекской народности в дореволюционный период. Глава завершается описанием хозяйства, быта и культуры кыпчаков «по данным письменных источников, археологии и исторической этнографии (X—XV вв.)». Численность и расселение кыпчаков на территории Узбекистана в конце XIX — начале XX в., их родо-племенное деление рассматриваются во второй главе (стр. 103—157). Последние три главы книги посвящены хозяйству, материальной культуре и общественно-семейным отношениям узбеков-кыпчаков (стр. 158—334).

Роль кыпчакской конфедерации племен в истории, а также в формировании языка и этноса современных тюркоязычных народов Советского Союза общеизвестна, и многие из вопросов, рассматриваемых в книге К. Ш. Шаниязова, уже в той или иной степени освещались в литературе, причем благодаря трудам русских и советских ученых в научный обиход было введено немало ценных источников. Однако монография

К. Ш. Шаниязова примечательна тем, что в советской историографии тюркских племен это первый обобщающий труд, специально посвященный «восточной группе кыпчаков». На основе ретроспективного анализа и умелого синтеза собранного материала автор создал глубокое историческое исследование, дал многостороннюю и яркую характеристику этнического и этнографического облика узбеков-кыпчаков. При этом К. Ш. Шаниязов не замыкается в узкие рамки этно-политической истории узбеков-кыпчаков, а рассматривает ее в связи с общими моментами в истории других реликтовых групп кыпчаков, вошедших в разных сочетаниях и пропорциях в состав казахов, киргизов, каракалпаков и т. п.

Заслугой автора является восстановление родо-племенных делений кыпчаков, установление численности и мест их расселения. Им также собран значительный материал о тамгах и уранах кыпчаков, позволяющий проследить историко-генетические связи между кыпчаками и племенами, некогда входившими в одно этно-политическое объединение (стр. 151—155). С точки зрения исследования миграций и расселения тюркских племен в позднее средневековье, интересны, в частности, суждения автора о переселении части кыпчаков в Кашгарию не ранее XVII в. В истории народов Восточного Туркестана этноним «кыпчак» действительно ранее XVII в. не встречается и впервые появляется в «Хронике» Шах-Махмуда б. Мирза Фазил Чураса (XVII в.).

Весьма интересны размышления К. Ш. Шаниязова о традициях общественного быта, элементах материальной культуры, ведении хозяйства узбеками-кыпчаками, а также их обрядах, обычаях, верованиях и т. п. (стр. 83—102, 158—335). Богатый по содержанию и разновременный по составу материал, приведенный К. Ш. Шаниязовым в этих главах и разделах, позволяет проследить на примере узбеков-кыпчаков одно из самых любопытных явлений этнической истории — процесс ассимиляции пришлых кочевников в среде земледельческого населения, неизбежно приводивший к постепенной утрате кочевниками родо-племенных традиций, к изменению быта, хозяйственного уклада и прочих, ранее характерных для них этнографических черт и приобретению ими единого с местным населением этнического облика. Сохранявшиеся все же при этом пережитки оказались особенно устойчивыми, как следует из работы К. Ш. Шаниязова, в сфере идеологии, и бывшие кочевники упорно держались традиционных представлений о своем происхождении даже тогда, когда они смешивались с другими этническими группами.

Задачи, сформулированные во «Введении», в целом разрешены автором успешно. Для их разработки К. Ш. Шаниязов использовал «помимо обширной литературы материал таких источников, как сообщения древних хроник, древнетюркских орхоно-енисейских памятников, арабские,

персидско-таджикские и тюркоязычные источники» (стр. 14). Указанные источники представлены в монографии в переводах Н. Я. Бичурина, В. Г. Тизенгаузена, С. Е. Малова, М. Салье, А. Н. Кононова и других русских и советских востоковедов. Число новых, не переведенных до сих пор на русский язык восточных источников очень невелико и ограничивается несколькими изданиями. Это обстоятельство не могло не отразиться, конечно, на исторической части исследования, и вопрос о том, как сложилась в XIII—XVI вв. этнографическая и политическая жизнь «восточной группы кыпчаков», остался не до конца раскрытым.

Ценный материал для изучения этнической истории народов Средней Азии содержит тимуридские источники. На это указывал, в частности, В. В. Бартольд, подчеркивавший, что «рассказы о походах Тимура заключают в себе большое число имен его сподвижников, с указанием, из какого рода они происходили, где жили они сами и их предки; извлечения о словах и действиях самого Тимура, его друзей и врагов также дают ценный материал для характеристики той среды, из которой вышел Тимур. К сожалению, этот материал до сих пор не только не исследован, но даже не приведен в известность»².

В источниках этого круга, помимо сведений о кыпчаках Средней Азии, игравших важную роль в военно-политической жизни тимуридского государства, имеется материал и о группе кыпчаков Золотой Орды. Использование этих материалов в монографии значительно пополнило бы соответствующие разделы главы «Исторические сведения о кыпчаках», а также дало бы возможность поставить вопрос о соотношении тесно связанных друг с другом этнонима «кыпчак» и термина «токмак». Это тем более важно, что термин «токмак» («Токмакский улус»), употребляющийся в тимуридских источниках для обозначения территории бывшей страны кыпчаков, встречается в качестве топонима на территории современной Киргизии.

До сих пор слишком мало известно об историко-генетических связях кыпчаков и канглы, если таковые вообще существовали. Исследование К. Ш. Шаниязова не дает ответа на вопрос, есть ли связь между утверждением Джувейни о близости кыпчаков с народом канглы и сообщением Муни-са о выделении Абулгази-ханом канглы-кыпчаков в одно парное объединение — «тупе», или же это лишь случайное совпадение.

Касаясь парных родов, автор высказывает лишь несколько общих кратких замечаний об объединении ктай-кыпчаков (стр. 120—122). Между тем выяснение вопросов, связанных с историей возникновения и распада парных родов (мангыт-нукуз, уйгур-пайман, ктай-кыпчак, кыят-конграт и др.), мотивы объединения и причины их распада и т. п. — представляло бы в историко-этнографическом плане значительный научный интерес. Насколько можно судить по данным источников, последовательность перечисления названий в парных объединениях отражает значение первого по порядку рода или племени в политической жизни этого объединения. Значительный материал для освещения данной темы содержат в себе хивинские хроники Муниса и Агехи.

В исторической части исследования встречаются и некоторые неточности в анализе источников, хронологии, написании географических названий и передаче собственных имен. Более чем сомнительно, например, упоминание кыпчаков в так называемой «надписи Мююн-чура» (правильно — Баян-чора) в середине VIII в., о чем уже писал Б. Е. Кумеков³, монография которого использована К. Ш. Шаниязовым явно недостаточно. По утверждению автора, «в 1429—1430 гг. Абу-л-Хайр хан занял престол в г. Торе» (стр. 60). В действительности же провозглашение Шибанида Абул-Хайра ханом состоялось в год обезьяны. (=1428 г.) в г. Тара, по другим источникам Чимги-Тура, то есть Тюмени.

Однако достоинства, отличающие все последующие главы книги, богатство изложенного в них фактического материала, доказательность выводов дают основание считать монографию К. Ш. Шаниязова серьезным и добротным исследованием. Особенно важна та часть книги, где показан процесс преодоления былой обособленности кыпчаков, пережитков патриархально-родового быта, родо-племенной организации. Консолидация отдельных этнографических групп в составе узбекской социалистической нации — важный результат осуществления в Советском Узбекистане ленинской национальной политики. Вместе с тем значение рецензируемой книги выходит за рамки проблем этногенеза собственно узбекского народа. Монография К. Ш. Шаниязова, несомненно, окажется полезной при составлении соответствующих разделов подготавливаемой ныне региональной истории народов Средней Азии и Казахстана.

С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов

² В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 166.

³ Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, стр. 43.

«ВОПРОСЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. УФА, 1972, 172 стр.

Данный том «Ученых записок Башкирского государственного университета» серии филологических наук посвящен памяти профессора Дж. Г. Киекбаева. Книгу открывает краткий очерк доцента М. В. Зайнуллина о научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности покойного ученого. К очерку приложена библиография, включающая научные работы (свыше 90 названий) и художественные и публицистические произведения (более 60 названий) Дж. Г. Киекбаева, а также литература о его жизни и творчестве.

Включенная в сборник статья А. М. Азнабаева посвящена анализу грамматической категории определенности—неопределенности и рассмотрению двойственной природы аффиксов в тюркских языках. Категорию определенности—неопределенности ученые, как правило, относили лишь к западноевропейским языкам, считая, что она отсутствует в урало-алтайских языках вообще и в тюркских в частности. Как известно, в западноевропейских языках понятие определенности и неопределенности выражается при помощи артикля, стоящего перед существительным. Эту функцию в тюркских языках осуществляют аффиксы, являющиеся одновременно также показателями той или иной грамматической категории. Таким образом, в каждом языке понятие определенности и неопределенности выражается специфическими грамматическими компонентами как морфологическими, так и синтаксическими.

Дж. Г. Киекбаев, опираясь на теорию определенности—неопределенности, впервые разработал отдельные вопросы исторической и сравнительной грамматики тюркских языков, а также некоторые проблемы урало-алтайской гипотезы.

В своей статье А. М. Азнабаев раскрывает на фактическом материале сущность этой теории. Однако автор статьи не отметил почему-то существование в тюркских языках лексического способа выражения понятия определенности—неопределенности, например: *ber keşe* (ср. с немецким *ein Mensch*) 'какой-то человек (неопределенный)', *ul keşe* (ср. с немецким *der Mensch* или же *d'esser Mensch*) 'человек (определенный)', 'этот человек' и т. д.

В статье М. З. Закиева «Общенародный язык и его отношение к литературному языку» рассматривается на материале татарского и башкирского языков содержание термина «общенародный язык». Характеризуя особенности общенародного языка, автор приходит к заключению, что «общенародный язык (сейчас — общенациональный язык) является своеобразным мерилом для определения степени развития литературного языка».

Статья А. А. Юлдашева посвящена анализу служебных имен в башкирском языке.

Следует отметить, что в грамматиках тюркских языков служебные имена еще полностью далеко не изучены и грамматисты их в системе тюркских языков квалифицируют по-разному. Некоторые исследователи, не приводя для этого веских доказательств, отождествляют грамматическую функцию служебных имен с послелогами или называют аналогами последних. В результате в грамматических описаниях тюркских языков появились такие условные, относимые к послелогам, группы, как «послелоги — имена», «имена — послелоги», «послеложно-именные слова» и т. д. В статье А. А. Юлдашева устанавливаются место и точная граница служебных имен в разряде служебных слов.

Особое место в сборнике занимает работа Н. Х. Ишбулатова под названием «Диалекты и говоры башкирского языка» (краткие очерки). Во вводной части прослеживается история изучения башкирских диалектов, подробно характеризуются классификации башкирских диалектов и говоров Т. Г. Баишева и Дж. Г. Киекбаева. Автор отмечает, что в классификации Т. Г. Баишева отсутствуют приемлемые критерии определения диалектных единиц. Опираясь исключительно на фонетические особенности, Т. Г. Баишев выделил в башкирском языке семь говоров или так называемых наречий «h-ç», «h», «ç», «з-ç», «с», «п-т» и т. д. Его классификация в свое время подверглась резкой критике со стороны Дж. Г. Киекбаева, указавшего, что природу и место того или иного говора, очевидно, нельзя определять исходя только из особенностей употребления отдельных звуков, игнорируя остальные специфические черты.

Н. Х. Ишбулатов особо останавливается на классификации, разработанной Дж. Г. Киекбаевым и являющейся в своей основе общепринятой в республике. Автор совершенно справедливо полагает, что диалектные членения «определяются на основе пучков изоглосс», то есть, по его мнению, лишь совокупность признаков (фонетических, грамматических и лексических) позволяет правильно локализовать ту или иную диалектную единицу. В очерках Н. Х. Ишбулатова достаточно полно охарактеризованы фонетические, лексические и морфологические особенности всех говоров южного и восточного диалектов. Приводятся также некоторые сведения и материалы по северо-западному говору башкирского языка.

Перегруппировка говоров и установление их новых границ, с нашей точки зрения, весьма удачны и вполне убедительны. Исследование интересно также и тем, что в нем выявлены с возможной полнотой различительные признаки каждого говора.

Важным достоинством очерков является сочетание описательного, сравнительно-сопоставительного и отчасти сравнительно-

исторического методов исследования. Материалы башкирских говоров сопоставляются с фактами диалекта сибирских татар, алтайского, крымско-татарского, казахского, староузбекского, уйгурского языков и данными памятников древнетюркской письменности.

Весьма ценными оказались наблюдения автора, связанные с выявлением отдельных непродуктивных аффиксов, характерных для башкирских говоров, и определением их грамматических функций. В этой связи представляет интерес существующая в ряде говоров башкирского языка плеонастическая форма множественности на -жуҫ (-jeŋ), -жук (-jek): бага-жук 'пойдем!', бага-жук-лаг 'пойдемте!', где в первом случае действие связано с двумя исполнителями, а во втором — со множеством их. Помимо этого, автор приводит ряд формативов, широко представленных в древнетюркских письменных памятниках. Здесь следует подчеркнуть формант на -таҫ (-täk), выполняющий роль показателя инфинитива, и -таҫа (-tägä), который выступает в функции супина, или же, например, падежные аффиксы местоимений типа -пу(-ña), -пе(-ñä): пә-пе-ñä 'мне', а-пу-ña 'ему', где спаренный аффикс -пу(-ña), -пе(-ñä) исторически связан с древним формативом -пиңа, представленным в уйгурском языке.

В результате анализа говоров башкирского языка автор приходит к выводу, что «...инфинитив как таковой окончательно не оформился. Нет формы, эквивалентной русскому инфинитиву. Он выражается в говорах разными формами, как-то: -ырға, -ыуға, -маға, -ғалы и др.» (стр. 95).

Большой интерес представляют также выявленные автором факты существования некоторых деривационных морфем, наречных словосочетаний, а также отдельных частных звуковых соответствий, диссимилятивных и ассимилятивных сочетаний звуков.

В очерках Н. Х. Ишбулатова значительное место отводится также характеристике лексических особенностей башкирских говоров. Автор собрал массу нового и ценного языкового материала, который, с нашей точки зрения, представляет исключительно большой научный интерес.

Весьма актуальна по теме статья М. В. Зайнуллина «Модальность возможности и невозможности в башкирском языке». В языкознании, в том числе и в тюркском, категория модальности сравнительно мало разработана. Как подчеркивает автор, многие аспекты этой важной проблемы вообще не изучены, а существующие суждения являются весьма спорными. В статье дается обзор литературы и указывается ряд морфологических способов образования модальности возможности и невозможности.

До последнего времени неологизмы в башкирском языкознании не были предме-

том специального исследования. Статья В. Ш. Псянчина «Неологизмы в современном башкирском языке» в известной мере восполняет этот пробел.

По мнению автора, неологизмы — не только языковая, но и историческая категория. С развитием каждой социалистической нации развивается и совершенствуется и ее язык. Исследование темпов развития отдельных областей языкознания, изучение путей обогащения и становления национальных языков в известной мере способствуют выявлению закономерностей развития социалистических наций.

Поскольку неологизмы — историческая категория, они пребывают таковыми лишь определенный период общественного развития. В статье прослеживаются различные пути образования неологизмов, и каждый из них иллюстрируется фактическим материалом из художественных произведений или периодической печати.

Сборник включает статья Р. Ф. Зарипова «Система падежей в башкирском языке», содержащая ценный материал для определения некоторых падежных форм. Система падежей башкирского языка связана с теорией определенности и неопределенности.

В статье приводится таблица распределения падежей по следующим семантическим группам: 1) падежи субъекта, 2) падежи прямого объекта, 3) падежи, выражающие отношение принадлежности, 4) падежи, выражающие пространственные отношения, 5) падежи, выражающие сравнительно-уподобительные отношения. Как видно из приведенной в сборнике таблицы, число падежей в башкирском языке достигает девятнадцати.

Таким образом, в статье Р. Ф. Зарипова анализируются существующие критерии определения падежей и их классификации, рассматривается полная парадигма башкирской падежной системы.

К недостаткам сборника следует отнести, во-первых, то, что статьи, публикующиеся на башкирском языке, не снабжены русским резюме; во-вторых, встречаются повторения (см., например, стр. 52 и 61, 54 и 62 и т. д.); и, в-третьих, не всегда удачны и конкретизированы формулировки, особенно в определении семантической функции отдельных словообразовательных аффиксов (стр. 81, 108 и т. д.). Конечно, можно было бы, поскольку сборник посвящен памяти профессора Дж. Г. Киекбаева, включить в него и кое-что из его последних работ. В целом же сборник представляет несомненную научную ценность и с интересом встречен специалистами.

Р. Г. Азнагулов

«TURCICA. REVUE D'ÉTUDES TURQUES», TOME III, 1971.

PARIS, 1973

Вышел третий том международного тюркологического ежегодника, издаваемого Институтом тюркологии Страсбургского университета совместно с Институтом тюркологических исследований Парижского университета и университетом в Экс-ан-Провансе.

Сборник включает семнадцать статей различной тематики и четыре кратких информационных сообщения. Автор предисловия И. Меликова сообщает, что 3-й том «Turcica» включает тексты докладов, прочитанных на XIII заседании Постоянной международной алтаистической конференции (ПИАК). Материалы сборника публикуются на английском, французском и немецком языках.

В статье «Ранние упоминания о Кукле и Карагёзе» (Earlier references to Kukla and Kağagöz) (стр. 9—21) И. Башгёз приводит в качестве основного свидетельства источник «Дафи'ал Гумум Рафи-ал Нумум», согласно которому теневой театр Карагёз был известен османским туркам уже в конце XV века, то есть столетием раньше, чем было принято считать на основании сведений, сообщаемых Эвлия Челеби (XVII век). По мнению И. Башгёза, наиболее раннее упоминание о Карагёзе (в сочетании *Карагёз Хайали*) также относится к концу XV века.

Статья Пертева Нанли Боратав «Saya — пастушеский праздник турков Анатолии и Азербайджана» (Saya, une fête pastorale des turcs d'Anatolie et d'Azerbaïdjan) (22—30) посвящена этимологии слова *saya*, которое автор возводит к иранскому *sādāh*, отмечая при этом, что *sādāh* не является пастушеским праздником, но по ритуалу совпадает с тюркским *saya*.

Статья Нури Юдже «Вариант сказания о Тепегёзе в племени Кешли из под Таруса» (Eine variante der Tepegöz-Erzählung aus dem Taurus-Gebirge vom kesli-stamm) (стр. 31—39) представляет собой текст и перевод легенды о Тепегёзе, записанной автором от пятидесятисемилетней Айше Кескин из племени Кешли.

Жан Поль Ру в статье «Заяц в тюркских верованиях» (Le lièvre dans la tradition turque) (стр. 40—48) подробно рассматривает роль зайца в верованиях анатолийских турков и историю отнесения зайца к разряду животных, на которых наложено табу. Автор подчеркивает, что тюркская традиция почитания зайца не связана с армянскими и иранскими верованиями.

Вольфганг Гремерс в статье «Элементы шаманизма в современном анатолийском фольклоре» (Schamanistische Überbleibsel in der Heutigen anatolischen folklore) (стр. 49—58) делает вполне обоснованную попытку связать народные турецкие танцы с шаманскими ритуалами. Автор указывает

также, что народные музыкальные инструменты (саз, зурна и другие) являлись атрибутами шаманизма.

Неджип Диябекирлы в статье «Следы алтайских верований в искусстве сельджуков» (Vestiges de croyances altaïques dans l'art Seldjoukide) (стр. 59—70) показал на образцах сельджукской материальной культуры преемственность в развитии тюркского искусства, соотнеся некоторые общие черты сельджукской и алтайской художественной традиции с реликтами древних верований у малоазийских турков сельджукской эпохи.

Статья М. Тайиба Гёкбилгина «Катиб Челеби как толкователь и реформатор религиозных традиций в XVII веке» (Kâtîp Celebi, interprète et rénovateur des traditions religieuses au XVIIe siècle) (стр. 71—79) посвящена изложению основных положений небольшого трактата турецкого реформатора Катиба Челеби «Кешф-ю зюнун», в котором подвергаются критике фанатизм, суеверия и ортодоксальность османского духовенства и выражаются идеи возможности управления государством, основываясь на логике и здравом смысле.

Г. И. Константинов в статье «Ахмет Ага — двойник Ходжи Насреддина крымских татар» (Akhmet Akhaj, der doppelgänger, des odschas Nasreddin bei den Krim-Tatagen) (стр. 80—99) указывает на типологические параллели между историями Ходжи Насреддина и Ахмета Ага и приводит двенадцать рассказов последнего, записанных автором в 1935—1936 гг. в Крыму.

В статье «Чудотворные святые Ада Кале» (Les saints thaumaturges d'Ada Kale) (стр. 100—116) Вал Кордун рассказывает об истории острова Ада Кале и связанных с ним легендах и верованиях о семи чудотворцах, отмечая, что остров является подлинной лабораторией для лингвистических, диалектологических и этнографических исследований. Однако в своей статье автор не уделит внимания ни одному из этих аспектов в исследовательском плане.

Статья И. В. Стеблевой «Вопросы тюркского стихосложения» (De quelques particularités du vers turc) (стр. 117—127) представляет изложение основных воззрений автора на ритмическую структуру тюркского народного стиха.

Исторической трансформации названия орла посвящена статья Луи Базена «Тюркские названия орла» (Les noms turc de l'„aigle“) (стр. 128—132). Автор показал, как название орла изменялось от первоначального *кара куш* или *талим кара куш* через *кара талим* к *каргал*. Позднее, по мнению Луи Базена, в связи с отнесением орла к запретным птицам в тюркских языках появляется другое название *барк кут*. Л. Базен отмечает также, что название

беркут, имеющиеся в русском, в азербайджанском и турецком языках неизвестно.

В статье Мухаммеда Салеха Белгеджа «Тюркские заимствования в арабском диалекте Алжира» (*Les mot turcs dans le parler algérien*) (стр. 133—142) отмечается, что наличие большого числа турецких заимствований в этом диалекте связано с распространением в свое время военной и административной власти Османской империи на территорию Алжира.

Роберт Амайон в статье «Почему должен был быть назван монгол?» (*Pourquoi un mongol, doit-il être nommé*) (стр. 143—152) рассматривает имена в различных аспектах (морфологическом и семантическом) и, говоря о мотивации выбора имен, соотносит их с психологической и социальной категориями. Автор приходит к выводу о наличии у имен функций социальной дифференциации.

В статье «О некоторых старых свадебных обрядах у Баядов» (*Zu einigen alten hochzeitsbräuchen der Bajad*) (стр. 153—155) Ганс Петер Витсе приводит описание обряда сватовства и подготовки к свадьбе у монгольского племени Баяд.

Ц. Сухбатор в статье «Некоторые особенности падежных окончаний в современном монгольском языке» (*Sur quelques particularités des suffixes casuel en mongol contemporain*) (стр. 156—159) останавливается на употреблении слова *sig*, которое, по его мнению, нельзя включать в компаративный падеж. Далее автор дает объяснение союзной функции некоторых суффиксов, рассматриваемых в качестве показателей направительного падежа и инструменталиса. В статье говорится также о двойной суффиксации.

В статье Мишель Николь «Рыболовство в Бодруме» (*La pêche à Bodrum*) (стр. 160—180) подробно перечисляются классы рыбо-

ловных лодок, снасти, сорта вылавливаемых рыб. В заключение автор отмечает, что турки, не имевшие рыболовецких навыков, расселившись в Малой Азии, восприняли местные эллинистические традиции, а также традиции стран Восточного Средиземноморья.

В статье Энрико де Леоне «Участие итальянцев в формировании современной Турции» (*L'apport des patriotes italiens dans la formation de la Turquie moderne*) (стр. 181—192) речь идет о роли итальянцев в реформировании государственных институтов Османской империи, в частности в период правления султана Махмуда II. По мнению автора, итальянцы внесли большой вклад в развитие современных буржуазных институтов Турции.

Выпуск заключают четыре рецензии: Жана Обэна на статью Лючия Гуальдо Роза «Фиэльфо и Турция в неизданных документах Ватиканского архива» (в кн.: «Материалы факультета литературы и философии Неапольского университета», XII, 1964—1968, стр. 109—165); А. Поповича на книгу Б. Нуридиновича «Библиография югославского востоковедения. 1945—1960 гг.», т. I. («Посебна Издания», т. VI, Сараево, 1968); его же на книгу М. Джукановича и С. Джинджича «Антология турецкой прозы», т. I. Белград («Научная книга», 1969); его же на статью Хасана Калеша «Сами Фразери в турецкой литературе и филологии» (в сб.: «Gjurmime Albanologjike», 1968; «Prishtinë», 1968, стр. 33—116).

В сборнике приводятся также сообщение о предстоящем выпуске третьего тома «Fundamenta Turcicae Philologiae», посвященного вопросам истории тюркских народов.

И. Е. Фадеева, А. Е. Мартынецв

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВТОРАЯ ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

26—28 мая 1975 г. в Оренбурге проходила Вторая Южно-Уральская конференция по археографии и источниковедению истории литературы и языка¹, организованная Южно-Уральским отделением Археографической комиссии (ЮУОАК) Академии наук СССР, Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР и Оренбургским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры².

На пленарных заседаниях и заседаниях секций: литературы дооктябрьского периода, литературы советского периода, фольклористики и лингвистики было прочитано 75 докладов и сообщений.

Председатель ЮУОАК Академии наук СССР *Р. Г. Кузеев* (Уфа), информируя о деятельности комиссии за 1973—1975 гг., подчеркнул, что достаточно высокий уровень исторических и филологических изысканий, проводимых учеными Южного Урала, обширность и сложность разрабатываемой ими проблематики требуют осуществления и соответствующих организационных мероприятий. Перед отделением стоят задачи по организации научно-исследовательских разработок в области теории и методики проведения археографических и текстологических (в особенности тюркоязычных источников) исследований и их публикации, по дальнейшему расширению полевой археографической работы и т. д.

Доклад *В. А. Черных* (Москва) «Археография и текстология» был посвящен воп-

росам взаимодействия археографии и текстологии при подготовке к изданию текстов XIX—XX вв. и методике разработки совместных исследований представителями обеих этих дисциплин.

Значительное место в программе конференции занимали доклады, посвященные лингвистическим проблемам.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «О лингвистической текстологии» предложила в соответствии с четкой филиацией современной филологии выделить два автономных подраздела медиевистической текстологии — литературоведческую и лингвистическую (лингвотекстологию). На основе лингвотекстологического анализа разных списков «Бабур-наме» она раскрыла специфику Керовского списка, изданного *Н. И. Ильминским*. Выделив четыре группы языковых расхождений между списками этого памятника, *Г. Ф. Благова* подчеркнула, что особенностью Керовского списка является наличие арабо-иранских замен тюркских лексических, лексико-грамматических и синтаксических элементов, а также преобладание союзного подчинения дополнительных предложений с самостоятельно оформленным сказуемым.

Э. Р. Тенишев (Москва), выступивший с докладом «О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников», указал на актуальность изучения этих письменных памятников и необходимость функционального подхода при исследовании их языка. По утверждению докладчика, язык орхонских надписей был языком литературным. Он оказал определенное влияние на язык уйгуров и других тюркоязычных народов. В свою очередь чагатайский язык дал локальные варианты среднеазиатского, поволжско-уральского и кавказского *тюрки*. *Э. Р. Тенишев* остановился также на методологии и методике исследования древнетюркских письменных памятников, особо подчеркнув необходимость изучения их языка в сравнении с современными тюркскими языками.

¹ Первая Южно-Уральская конференция по археографии, источниковедению и архивоведению состоялась в г. Уфе в феврале 1972 г. Материалы конференции опубликованы в «Южно-Уральском археографическом сборнике», вып. 1, Уфа, 1973.

² Вторая Южно-Уральская археографическая конференция. — «Археография и источниковедение истории литературы и языка. Тезисы докладов и сообщений». Уфа, 1975.

Р. Х. Халикова (Уфа) выступила с обзором документов Государственного архива Оренбургской области. Эти документы являются прекрасным источником изучения письменного языка башкир XVIII—XIX вв. В них нашли отражение особенности лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса *тюрки* Урала второй половины XVIII и первой половины XIX в., а также антропони́мы и топонимы того времени.

Т. М. Гарипов (Уфа) в сообщении «О текстологической работе с арабографическими источниками на урало-поволжском *тюрки*» говорил о традиционных и современных способах транскрибирования текстов (фонетические алфавиты, фонематические кодификации, транслитерирование), а также о приемах практической адаптации *тюрки* для кыпчакских языков Урало-Поволжья, критически рассмотрев некоторые репродукционные приемы местных тюркологических изданий Казани и Уфы.

Доклад *В. Х. Хакова* (Казань) был посвящен вопросам классификации старокыпчакских письменных памятников и их влиянию на развитие современных тюркских языков. *В. Х. Хаков* отметил лексические, фонетические и морфологические особенности татарского литературного языка, сложившиеся в процессе его исторического развития.

М. А. Ахметов (Уфа) в своем сообщении говорил об отношении языка орхоно-енисейских памятников к современному тюркскому языку, отметив ряд особенностей диалектов башкирского языка, восходящих к этим памятникам.

В. Ш. Псянчин (Уфа) посвятил свой доклад *шежере* (родословным) как источнику по исторической грамматике башкирского языка. По его мнению, язык *шежере* представляет собой официальный письменный язык *тюрки*, содержащий ряд исторически важных лексических и грамматических элементов.

Б. А. Абылхасимов (Алма-Ата) охарактеризовал рукописные материалы и печатные издания (периодику) конца XIX в. как источник по изучению истории казахского литературного языка. На основе лингвистических особенностей языка этих материалов докладчик говорил об их роли в формировании современного казахского литературного языка.

И. Г. Галляудинов (Москва) на материале «Тарих-наме-и Булгар» Т. Ялсыгулова попытался показать роль текстологии в лингвистическом анализе письменных памятников. Он отметил целесообразность применения метода сравнительно-текстологического анализа при исследовании языка памятника и его списков. По мнению докладчика, этот метод способствует установлению особенностей оригинала, а также определению некоторых тенденций развития литературного языка и его разговорных норм.

Ф. С. Фасеев (Казань) дал обзор коллекций рукописей известной поэмы «Кысса-и

Юсеф» Кул Гали, хранящихся в фондах различных городов нашей страны и в ГДР. На основании собранного материала, изучения самой поэмы «Кысса-и Юсеф» и картографирования пунктов, в которых были найдены рукописи этого памятника, докладчик высказал предположение, что эпицентром распространения поэмы было Среднее Поволжье.

Ф. С. Хакимзянов (Москва) говорил в своем сообщении о болгарских эпитафиях как источнике по истории тюркских языков Урала и Поволжья. По его мнению, к XIII—XIV векам болгарский язык этих памятников в коммуникативных целях уже не употреблялся, оставаясь лишь «традиционным» языком оформления надгробий.

Сообщение *З. Г. Ураксина* (Уфа) посвящалось анализу «Инжила» — «Евангелия», переведенного на башкирский язык миссионерами и изданного в 1902 г. в Казани. Докладчик отметил, что в этом переводе нашли отражение специфические звуки, грамматические формы и конструкции башкирского разговорного языка, что позволяет рассматривать это издание как важный источник по истории народно-разговорного и литературного языка.

В коллективном докладе *З. Дж. Киекбаевой* (Казань) и *Р. Х. Халиковой* (Уфа) анализировался перевод документа о просвещении мусульман Оренбургской губернии, осуществленный М. Казембеком, рассматривались стилистические и лексико-грамматические особенности этого перевода.

Сообщения *Р. З. Шакурова* (Уфа) «Отводная книга по Уфе (1591/1592—1626) как топонимический источник» и *Б. А. Моисеева* (Оренбург) «Источники изучения топонимии Оренбургской области» были посвящены характеристике и описанию источников по топонимии края.

Л. Л. Аюпова (Уфа) посвятила свое сообщение анализу языков русских летописей и башкирских *шежере* с точки зрения их контактирования в сравнении с современными русскими говорами на территории Башкирии.

Л. Ф. Гаврикова (Ленинград) дала обзор научного фонда А. К. Боровкова, хранящегося в Ленинградском отделении архива Академии наук СССР (около 800 ед. хран.), уделив особое внимание неопубликованным работам ученого, среди которых имеются диалектологические, этнографические записи, заметки по грамматике и лексикологии тюркских языков.

Ю. А. Виноградов (Ленинград) в своем выступлении говорил о необходимости упорядочения хранения и использования лексикографических архивов, создаваемых при составлении словарей, и организации специальных хранилищ картотек, для чего должна быть оказана соответствующая методическая помощь местным научным учреждениям и вузам.

Вопросам сбора языкового материала и характеристике изолированных, островных диалектов и говоров украинцев и оренбург-

ских казаков были посвящены сообщения Л. В. Ивановой (Оренбург) и И. С. Изотовой (Оренбург).

В докладах И. В. Поздеевой (Москва), Г. Б. Хусаинова (Уфа), В. П. Бударagina (Ленинград), Ш. Ш. Абилова (Казань) обсуждались вопросы организации комплексных полевых исследований, методики подготовки и проведения археографических экспедиций, сообщались результаты таких экспедиций, предпринятых в последние годы.

В. Н. Баскаков (Ленинград) доложил о подготовке Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР Словаря русских писателей, рассказал о его структуре, принципах отбора и подачи сведений о писателях с давних времен до наших дней.

М. А. Усманов (Казань) дал анализ новых данных о ярлыках ханств Джучиева улуса XIV—XVI вв.

Проблемы источниковедения по истории русской литературы, взаимосвязей литератур народов СССР, источниковедческие и текстологические аспекты творческого наследия отдельных писателей, обзоры периодической печати разного времени освещались в докладах и сообщениях Л. Н. Большакова (Оренбург), В. С. Бородина (Киев), П. Е. Матвиевского (Оренбург), В. И. Ахмадиева (Уфа), С. Г. Сафуанова (Уфа), У. И. Гимадиева (Уфа), С. А. Попова (Оренбург), Б. Т. Уткина

(Челябинск), М. Г. Рахимкулова (Уфа) и др.

Доклады и сообщения по фольклористике А. Н. Киреева (Уфа), Н. Т. Зарипова (Уфа), В. В. Сидорова (Уфа), С. Ф. Миржановой (Уфа), Л. Г. Барага (Уфа), М. М. Сагитова (Уфа), Г. А. Лазаревой (Челябинск), П. П. Малого (Оренбург), Л. П. Атановой (Уфа), А. М. Сулейманова (Уфа), Б. Г. Ахметшина (Уфа) в основном были посвящены вопросам сбора, систематизации и публикации фольклорных материалов, оценке их источниковедческой достоверности, а также анализу отдельных фольклорных записей прошлых лет, доселе не публиковавшихся или вовсе оставшихся не известными исследователям.

На конференции впервые были рассмотрены проблемы тюркской палеографии на Южном Урале в лингвистическом и собственно текстологическом аспектах. Большое внимание было уделено обобщению опыта полевой археографической работы. Внесено предложение о создании местных лексикографических фондов и научной организации их работ.

Конференция приняла ряд рекомендаций, способствующих улучшению источниковедческой базы научных исследований, совершенствованию методики хранения источников и их использования, ускорению издания письменных памятников Южного Урала.

З. Г. Ураксин, Р. Х. Халикова

«ПРОБЛЕМЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ»

27—28 мая 1975 года в Чебоксарах состоялась научная сессия на тему «Проблемы словосочетаний в тюркских языках», организованная отделом языка Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР и кафедрой чувашского языкознания Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. В работе сессии приняли участие ученые из Москвы, Казани, Чебоксар, аспиранты, студенты.

На сессии были заслушаны доклады и сообщения по теории словосочетания и смежным проблемам.

Н. А. Баскаков (Москва), выступивший с докладом «Принципы и типы классификаций словосочетаний в тюркских языках», подробно изложил основные принципы и критерии систематизации словосочетаний в тюркских языках. По его мнению, классификация словосочетаний осуществляется по трем принципам: семантическому, морфологическому и синтаксическому, или функциональному. Последний принцип ох-

ватывает все аспекты словосочетаний как самостоятельных единиц.

М. З. Закиев (Казань) в докладе на тему «О целях и задачах изучения словосочетаний в тюркских языках» отметил, что словосочетания образуются по определенным моделям в процессе речи. Способы и разновидности связи слов целесообразно классифицировать согласно функции, которую эти слова выполняют при образовании конкретных предложений по существующим в том или ином языке моделям. В речи связь слов бывает только подчинительной, сочинительные связи не являются обязательными. По роли в образовании предложений различаются три типа подчинительной связи: 1) предикативная, 2) конкретизирующая и 3) уточнительная. Цель изучения словосочетания в тюркских языках — выявление всех моделей конкретизирующей связи слов и раскрытие их сути.

И. А. Андреев (Чебоксары) изложил результаты своего исследования в докладе «Словосочетание и предложение как разно-

видности синтагмы». По мысли докладчика, для преодоления трудностей, возникающих при разграничении словосочетаний от предложений, разумно использовать положения синтагматической теории. Традиционные термины «предложение» и «словосочетание» в свете синтагматической теории могут быть объяснены как разновидности внешних синтагм. С этой точки зрения предложение является самостоятельно функционирующей (коммуникативной) синтагмой, а словосочетание — несамостоятельной (некоммуникативной) синтагмой. Предложение содержит высказывание и обладает предикативностью. Словосочетание никакого высказывания не содержит и не имеет предикативных признаков.

И. П. Павлов (Чебоксары) в докладе «Об изафетных конструкциях в современном чувашском языке» остановился на вопросах, связанных с нормализацией языка. В современном чувашском языке, особенно в языке периодической печати и переводной литературы, при создании терминов вместо первого компонента изафетных конструкций стали употреблять лексемы с различными аффиксами, такими, как *-лӑ (-лӛ)*, *-ла (-ле)*, *-хи*, *-ски*, *-най*, *-вай* и другие. Прежде всего обращает на себя внимание противоречие в употреблении аффиксов *-лӑ (-лӛ)*, *-ла (-ле)*. В одних примерах они выражают наличие чего-либо, в других — не имеют ясного значения. Помимо этого, некоторые авторы при переводе русских определительных словосочетаний не всегда правильно выделяют мотивирующую основу зависимого компонента и нарушают последовательность составных частей конструкций. Подобные ошибки можно объяснить неисследованностью природы определительных словосочетаний в чувашском языке применительно к созданию и заимствованию политических, экономических и научных терминов. Изафет в чувашском языке не потерял своего значения. Аффиксы *-лӑ (-лӛ)*, *-ла (-ле)* вполне четко отличаются друг от друга своими конкретными значениями, поэтому в изафетных конструкциях не могут употребляться в чисто релятивном значении.

М. Ф. Чернов (Чебоксары) в докладе «К вопросу об отличиях идиоматических сочетаний слов от грамматических» выдвинул положение, что в зависимости от принадлежности к единицам речи или к единицам языка сочетания слов бывают как свободные, так и несвободные. Идиоматические сочетания, по мнению М. Ф. Чернова, являются одной из составных частей объекта фразеологии. Он отметил, что любое дву-членное синтаксическое сочетание слов (если оно не состоит из «безусловно однозначных слов») представляет собой «системный семантический контекст» (А. А. Уфимцева), между членами которого существуют определенные семантико-грамматические или семантические отношения зависимости. Идиомы, в отличие от синтаксических сочетаний слов, характеризуются целостностью

значения, поэтому они существуют в языке как готовые нераздельные единицы. Семантическая неделимость идиоматических сочетаний слов выражается в отсутствии объективных признаков семантической или семантико-грамматической взаимосвязанности их компонентов. В качестве следующего дифференцирующего признака, отличающего идиомы от свободных сочетаний, М. Ф. Чернов назвал немоделируемость.

М. Р. Федотов (Чебоксары) в сообщении на тему «Изафет в чувашском и марийском языках» указал, что в сопоставляемых языках можно выделить три идентичных по структуре и содержанию типа изафета.

В. И. Сергеев (Чебоксары) выступил с сообщением «Словосочетание или сложное слово (к вопросу о сущности парных слов чувашского языка)». Автор полагает, что сложные слова в чувашском языке восходят как к словосочетаниям, так и к парным словам. Словосочетания являются единицами речи, сложные слова — готовыми единицами языка. Парные слова не относятся ни к сложным словам, ни к словосочетаниям. Они, возможно, возникли из сочетания однородных членов. Одни из парных слов существуют как единицы языка, другие возникают в процессе речи.

Сообщение *Р. Г. Ахметьянова* (Казань) было посвящено анализу образования гаплогонии и эллипсиса в чувашском языке. При гаплогонизировании изменяется смысл составных элементов исконных словосочетаний. В составе гаплогонии обнаруживается одно из многих значений компонентов данного словосочетания. Иногда одна из составных частей первоначального словосочетания подвергается эллипсу.

Г. П. Петров (Чебоксары) выступил с сообщением «О смысловом различии на стыке слов в структуре словосочетаний (в сопоставительном плане)». Проведенные докладчиком экспериментальные исследования показали, что как в чувашском, так и в русском языках внешние сандхи часто осложняют понимание смысла сказанного.

В сообщении *И. Пулатова* (Москва) нашли освещение некоторые вопросы падежных и послеложных конструкций на материале узбекского языка.

С сообщением «О понятии „словосочетание“ в аспекте идиоматики» выступил *Г. Х. Ахунзянов* (Казань).

И. Г. Добродомов (Москва), посвятивший свой доклад проблеме лексикализации словосочетаний в тюркских языках, высказал мысль, что в составе русской лексики существует достаточно большое количество слов, восходящих к тюркским словосочетаниям.

Л. П. Сергеев (Чебоксары) в докладе «О трансформациях словосочетаний в диалектах чувашского языка» говорил о том, что в чувашских диалектах определяемый компонент различных словосочетаний, как правило, видоизменяется. Иногда модифицируется и определяющий компонент. Имен-

ные словосочетания «существительное+существительное с аффиксом принадлежности третьего лица» в различных говорах трансформируются по-разному, иногда даже лексикализируются.

Г. А. Анисимов (Чебоксары) остановился в своем выступлении на некоторых аспектуальных функциях глагольных словосочетаний в чувашском языке. По мнению докладчика, видовые функции чувашских глагольных сочетаний проявляются опосредствованно.

Р. И. Цаплина (Москва) выступила с анализом различных типов словосочетаний, встречающихся в пятиязычном словаре Дамаскина (1785).

В. И. Орлова (Чебоксары) рассказала об устойчивых сочетаниях с компонентами-соматизмами. По ее мнению, русские и чувашские соматические фразеологические единицы обнаруживают общие структурно-семантические свойства, вместе с тем их отличает способность отражать специфические особенности мышления носителей языка.

М. И. Скворцов (Чебоксары) в сообщении «Словосочетание как объект и средство лексикографирования в двуязычном словаре» говорил о трудностях, с которыми

встречаются составители тюркско-русских словарей при отражении словосочетаний. Так называемые сложные слова, даже в случае их отдельного написания, необходимо, по мнению докладчика, приравнять к цельноформленным лексемам и толковать в одном ряду с ними.

Сессия приняла соответствующую резолюцию.

По единодушному мнению участников сессии, актуальным на данном этапе является описание как различных типов и моделей словосочетаний в конкретных тюркских языках, так и средств связи компонентов в словосочетаниях. Особую значимость приобретает выявление моделей словосочетаний со свободными и связанными компонентами.

В резолюции подчеркивается необходимость оживления терминологической работы в Чувашии.

Участниками сессии было высказано пожелание, чтобы Советский Комитет тюркологов рассмотрел вопрос о возможности созыва в ближайшие годы всесоюзного (или регионального) совещания по проблемам лингвистического перевода.

Ю. М. Виноградов

PERSONALIA

МАМЕД НАЗАРОВИЧ ХЫДЫРОВ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения и 40 лет научно-педагогической и творческой деятельности члена-корреспондента Академии наук Туркменской ССР, доктора филологических наук, профессора Мамеда Назаровича Хыдырова.

М. Н. Хыдыров родился 5 января 1905 года в ауле Бешир нынешнего Ходжамбаского района Чарджоуской области Туркменской ССР в бедной крестьянской семье.

Великий Октябрь открыл перед ним, как и перед миллионами трудящихся Российской империи, путь к знаниям и культуре. Девятнадцатилетним юношей М. Н. Хыдыров поступает на курсы ликбеза, затем в аульную школу. В 1925—1927 гг. продолжает учебу на педагогических курсах в городе Чарджоу. По окончании в 1931 г. Чарджоуской совпартшколы М. Н. Хыдыров — на педагогической и хозяйственной работе.

В 1935 году М. Н. Хыдыров поступает на факультет туркменской филологии Ашха-

бадского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Закончив его в 1938 году, он остается в качестве педагога на кафедре туркменского языка и общего языкознания. Годы учебы в аспирантуре (1938—1942 гг.) под руководством ведущего тюрколога республики профессора А. П. Поцелуевского завершились успешной защитой кандидатской диссертации, после чего М. Н. Хыдыров продолжает педагогическую деятельность в качестве доцента и заведующего кафедрой туркменской литературы института. В 1948 году М. Н. Хыдыров защитил докторскую диссертацию, а в 1951 году был избран членом-корреспондентом Академии наук Туркменской ССР.

Круг научных интересов профессора М. Н. Хыдырова весьма широк. Он участвует в создании программ, учебников и учебных пособий по родному языку для школ и вузов республики, ведет научную разработку различных проблем истории языка, диалектологии, фонетики, морфологии, синтаксиса и др. Особое внимание М. Н. Хыдыров уделяет проблемам истории туркменского языка. Им опубликован ряд научных работ, сыгравших определенную роль в развитии туркменского языкознания, в том числе «Материалы из истории туркменского языка» (вып. I, 1958; вып. II, 1962), «К вопросу формирования туркменского национального литературного языка» (1970), «Некоторые заметки к алтайским лексическим параллелям» (1971), «К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западных группах тюркских языков» (1971), «Установление первичных корней некоторых слов тюркских языков» (1973) и т. д. При непосредственном участии М. Н. Хыдырова подготовлены и изданы: «Фонетика туркменского языка» (1948, 1956, 1960), «Современный туркменский язык (морфология)» (1960), «Современный туркменский язык (синтаксис)» (1962), «Язык орхоно-енисейских памятников» (1968), «Практикум по современному туркменскому языку» (1971) и другие.

Перу М. Н. Хыдырова принадлежит около 150 научных работ. Под его научным руководством защищены 23 кандидатские и две докторские диссертации.

М. Н. Хыдыров не только педагог, ученый, но и писатель. Он — член Союза писателей СССР. Его стихи впервые были опубликованы почти сорок лет назад. Недавно на туркменском языке и в русском переводе вышла в свет первая часть его романа «Дорога издалека», готовится к печати и вторая часть. М. Н. Хыдыров выступает и как драматург. В этом году вышел из печати сборник его стихов для детей «Пионерские песни».

М. Н. Хыдыров ведет большую общественную работу: он — член советов по приему к защите кандидатских диссертаций Туркменского государственного университета им. А. М. Горького, Института языка и литературы им. Махтумкули и совета по

приему к защите кандидатских и докторских диссертаций Отделения общественных наук Академии наук Туркменской ССР. М. Н. Хыдыров — председатель научно-методического совета по языку и литературе при Министерстве народного образования Туркменской ССР; член орфографической комиссии при Академии наук Туркмении.

Заслуги М. Н. Хыдырова отмечены правительственными наградами: орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», рядом медалей и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.

Коллеги и ученики М. Н. Хыдырова от души желают ему долгих лет жизни и новых успехов на научном и литературном поприщах, столь успешно и плодотворно им сочетаемых.

В. Н. Филюшина.

ТОЛЕУБАЙ РАХИМЖАНОВИЧ КОРДАБАЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

В июле 1975 года исполнилось 60 лет со дня рождения и 40 лет научно-педагогической деятельности одного из видных казахских языковедов доктора филологических наук, профессора Толеубая Рахимжановича Кордабаева.

Свою трудовую деятельность Т. Р. Кордабаев начал в 1935 году. До 1940 года он работал в средней школе учителем и заведующим учебной частью. По окончании в 1940 г. Казахского государственного педагогического института им. Абая он был командирован в Монгольскую Народную Республику. С 1946 г. Т. Р. Кордабаев работает в высших учебных заведениях г. Алма-Аты заведующим кафедрой, проректором по учебной и научной работе и заведующим отделом Института языкознания Академии наук Казахской ССР, совмещая педагогическую деятельность с интенсивной научно-исследовательской. В 1949 году он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Категория времени глагола в современном казахском языке», а в 1967 году — докторскую на тему «Синтаксис казахского языка на материале XVI—XX веков».

В настоящее время Т. Р. Кордабаев — один из ведущих языковедов республики. Он принимает активное участие в создании учебников и учебно-методических пособий по казахскому языку для всех типов школ республики, в подготовке педагогических и научных кадров, специалистов по казахскому языкознанию, а также в разработке различных научных проблем.

Т. Р. Кордабаев — автор более ста работ, охватывающих самые различные обла-

сти казахского языкознания, в том числе двадцати отдельных книг, написанных как самостоятельно, так и в соавторстве с другими лингвистами. Получившие высокую оценку научной общественности монографические труды Т. Кордабаева «Вопросы исторического синтаксиса на материале XVI—XVIII вв.» и «Синтаксис письменных источников казахского языка на материале XIX в.» являются первыми крупными исследованиями, посвященными изучению истории синтаксического строя казахского языка.

Т. Р. Кордабаев — член редколлегии и один из авторов двухтомной академической грамматики казахского языка. Оригинальными являются его работы «Синтаксис казахской поэзии», «Синтаксис казахских поговорок и пословиц».

При активном участии Т. Р. Кордабаева был создан первый вузовский учебник «Синтаксис сложного предложения современного казахского языка», выдержавший три издания.

Перу Т. Р. Кордабаева принадлежат ценные исследования по актуальным вопросам морфологии (монография «Категория времени глагола в современном казахском языке»), а также в области фонетики и истории казахского языкознания. Немало сдела-

но Т. Р. Кордабаевым и в области лексикологии и лексикографии: он соавтор «Школьного русско-казахского словаря» (1960) и «Орфографического словаря казахского языка» (1963), один из составителей «Толкового словаря казахского языка» (1961), автор многочисленных научных статей.

Свой славный юбилей Т. Р. Кордабаев встречает в расцвете творческих сил. Им подготовлены к изданию учебник для вузов республики «Общее языкознание», учебные пособия «Структурные элементы языка» и «Вопросы исторической грамматики казахского языка».

Научным трудам Т. Р. Кордабаева присущи актуальность, оригинальность, глубокий научный анализ богатого фактического материала. Многими его работами широко пользуются студенты, аспиранты, педагоги, научные работники.

За заслуги перед родиной, а также в деле подготовки высококвалифицированных кадров лингвистов и в развитии науки Т. Р. Кордабаев награжден орденом Красной Звезды, медалями СССР, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Казахской ССР, а также монгольским орденом Полярной Звезды.

С. М. Исаев

Х Р О Н И К А

«РОЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ УЗБЕКИСТАНА»

11 февраля 1975 года на заседании Объединенного ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации на тему «Роль взаимосвязи и взаимообогащения в развитии литературы Узбекистана (на материале русской и узбек-

ской советской литературы)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим сектором русской литературы Узбекистана Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР **Расули Масудом Маруфовичем**.

Вопрос о взаимодействии и взаимообогащении, как естественно-историческом процессе, являющемся одной из движущих сил развития национальных культур народов СССР, в последние годы стал предметом целого ряда исследований.

Однако широта и актуальность проблемы открывают перед исследователями все новые и новые ее аспекты.

Исследование М. М. Расули посвящено взаимосвязи и взаимообогащению русской и узбекской советских литератур. В первой главе прослеживается история русско-узбекских литературных связей в дореволюционный период и в советское время.

Вторая и третья главы посвящены влиянию русской советской литературы на формирование и развитие узбекской советской литературы.

В четвертой главе дан анализ произведений русской литературы, в которых нашло отражение влияние узбекской литературы. В пятой, завершающей главе диссертации рассматриваются некоторые вопросы взаимосвязи и взаимообогащения литератур народов СССР на современном этапе.

На основе проведенного исследования М. М. Расули приходит к заключению, что в зарождении и формировании узбекской советской литературы, развитии в ней новых жанров особенно большую роль сыграла русская классическая и советская литература. Узбекская советская литература творчески использовала богатейший художественный опыт русской классической и советской литературы, особенно литературы социалистического реализма и прежде всего ее основоположников — А. М. Горького и В. В. Маяковского. Благоприятное влияние русской советской литературы испытали на себе многие выдающиеся писатели Узбекистана.

В качестве официальных оппонентов на защите выступили доктор филологических наук Х. Г. Короглы (Москва), Х. Ш. Абдусаматов (Ташкент), В. Г. Ларцев (Самарканд), давшие высокую оценку работе соискателя.

Объединенный ученый совет единогласно высказался за присуждение М. М. Расули ученой степени доктора филологических наук.

Л. В. Данилова

«ИССЛЕДОВАНИЕ ПО СИНТАКСИСУ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ»

21 февраля 1975 г. на заседании Ученого совета Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Исследование по синтаксису сложного предложения в современ-

ном турецком литературном языке», представленной заведующим кафедрой тюркской филологии этого института доцентом **Соколовым Сергеем Александровичем**.

Диссертация посвящена синхронному описанию и теоретической интерпретации системы сложных предложений современного турецкого литературного языка в структурно-семантическом плане. Основу работы составляют проблемы адекватного описания моделей сложного предложения в современном турецком языке, а также теоретическая интерпретация существующих между ними системных взаимоотношений и функциональных закономерностей их употребления. Исследование выполнено с привлечением обширного языкового материала: произведе-

ний современной турецкой художественной литературы и турецких писателей второй половины XIX в., современной турецкой периодики и публицистики, а также произведений некоторых других жанров, в том числе фольклорных.

В системе сложных предложений современного турецкого литературного языка С. А. Соколов выделяет следующие подсистемы, находящиеся в определенных структурных, семантических и функциональных взаимоотношениях: асиндетические сложные предложения, сложные предложения морфолого-синтаксического типа, союзные сложные предложения и сложные предложения с придаточными квази-предложениями.

Официальные оппоненты — академик А. Н. Кононов, д-р филол. наук Э. Н. Наджип, д-р филол. наук Н. З. Гаджиева, выступившие на защите профессора В. Д. Аракин и Г. Д. Санжеев, доценты Э. А. Грунина и Ш. С. Айяров отметили, что диссертация С. А. Соколова продолжает развивать теорию синтаксиса сложного предложения турецкого языка, содержит ряд новых выводов и наблюдений.

Члены Ученого совета единогласно проголосовали за присуждение С. А. Соколову ученой степени доктора филологических наук.

П. И. Кузнецов

«ЗАПАДНАЯ ГРУППА ГОВОРОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА»

11 апреля 1975 года на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, представленной старшим научным сотрудником Института языкознания Академии наук Казахской ССР **Нурмагамбетовым Абильбеком** на тему «Западная группа говоров казахского языка».

Подробно описав западные говоры казахского языка, диссертант выделяет в составе западного диалекта следующие пять самостоятельных говоров: центрально-се-

верный, мангышлакский, арало-сырдарьинский, каракалпакский (казахские говоры на территории Каракалпакии) и туркменский (казахские говоры на территории Туркмении). Выявив дифференцирующие особенности каждого из перечисленных говоров, диссертант устанавливает и те общие для всех говоров признаки, которые объединяют их в один диалект. Кроме того, в диссертации уделяется внимание и таким особенностям, которые присущи лишь двум или трем говорам в составе западного диалекта. Диссертантом строго очерчены не только границы западного диалекта, но и границы мелких языковых подразделений, входящих в данный диалектный массив.

Большое внимание в работе уделяется проблеме контактирования на уровне говоров. Выявляя отличие изучаемых говоров от других соседних казахских говоров, диссертант показывает взаимосвязь их с соседними языками — предполагаемым

источником заимствования. Западные говоры характеризуются с точки зрения маргинального и внутрорегионального контактирования. Это позволило диссертанту разграничить исконные элементы и позднейшие напластования.

Языковые материалы в работе рассматриваются в тесной связи с историей носителей говоров. Автор сообщает новые интересные факты о племенах и родах, населяющих западные области Казахстана, о миграции отдельных родов, позволяющие объяснить наличие в говорах инодиалектных и иноязычных элементов, а также позднейших диалектных образований.

Диссертационная работа А. Нурмагамбетова получила положительную оценку официальных оппонентов — члена-корреспон-

дента Академии наук Казахской ССР М. Б. Балакаева, члена-корреспондента Академии наук Киргизской ССР Б. У. Орузбаевой, члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР Г. Садвакасова, отметивших ее большое значение для построения классификационной системы казахских говоров, выяснения закономерностей междиалектных и межъязыковых контактов, разработки ряда спорных вопросов истории казахского языка.

Ученый совет единогласно вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. Нурмагамбетову ученой степени доктора филологических наук.

Ш. Сарыбаев

«ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КОММУНИСТА В КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

10 июня 1975 года на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на тему «Проблема создания образа коммуниста в казахской советской литературе», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук стар-

шим научным сотрудником Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР **Уразаевым Файзуллой Муртазинвичем.**

В диссертации Ф. М. Уразаева впервые обобщается опыт создания образа коммуниста в казахской литературе в сопоставлении с достижениями в этой области русской, узбекской, киргизской и каракалпакской литератур. Проследивая историю создания образа коммуниста в казахской литературе, Ф. М. Уразаев исследует ряд теоретических проблем, связанных с поэтикой литературного произведения, идейно-эстетическим идеалом и мастерством писателя, рассматривает вопрос о единстве творческого метода и стилистическом многообразии его воплощения. Показывая генезис образа коммуниста, диссертант опровергает домыслы буржуазных идеологов о «переносе» этого образа в тюркоязычную литературу из русской ли-

тературы. Автор в своей работе утверждает, что истоком для создания образа коммуниста служит революционная действительность, и первым таким образом в казахской художественной литературе был образ В. И. Ленина. Казахской поэтической ленинине посвящена отдельная глава диссертации.

Ф. М. Уразаев обстоятельно освещает проблемы социалистического реализма на современном этапе, подчеркивая такие его особенности, как взаимосвязь партийности и народности, национальных форм выражения и интернациональной сущности.

Сопоставляя произведения казахских писателей с произведениями некоторых других национальных литератур, Ф. М. Уразаев устанавливает общие закономерности развития и эволюции образа коммуниста в казахской литературе.

Научный консультант диссертанта — доктор филологических наук А. Ш. Шарипов, официальные оппоненты — член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР, д-р филол. наук, проф. И. А. Султанов, д-р филол. наук, проф. Т. Н. Нуртазин, д-р филол. наук, проф. Т. К. Кожакеев, а также выступившие на защите д-р филол. наук А. Т. Тажибаев, доцент Чимкентского педагогического института Н. А. Айгабылов и другие дали хорошую оценку исследованию Ф. М. Уразаева.

Члены Ученого совета приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Ф. М. Уразаеву ученой степени доктора филологических наук.

Б. И. Искаков

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. М. Щербак (Ленинград). Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков	3
Д. Х. Базарова (Ташкент). К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц	11
Х. Г. Нигматов (Бухара). Семантическая и синтаксическая функции падежей в языке восточно-тюркских памятников XI—XII веков	23

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Ф. Благова (Москва). Опыт ареального изучения тюркизмов	37
М. А. Хабичев (Карачаевск). Вагг, багог	46

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

С. А. Галин (Стерлитамак). Об одном башкирском эпическом сказании	49
---	----

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

И. Р. Емельченко (Гурьев). А. И. Лёвшин как исследователь казахского языка	56
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

И. Г. Галаятдинов (Москва). Падежные формы и их функционально-семантическое содержание в языке памятника «Тарих-намеи булгар» Т. Ялсыгулова	66
А. М. Аббасов (Баку). Некоторые заметки об афшарах Афганистана	72
Э. А. Грунина (Москва). Об изучении семантической структуры временных форм индикатива	82

ПУБЛИКАЦИИ

Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Два уйгурских документа из рукописного собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР	92
--	----

РЕЦЕНЗИИ

С. Ризаев, Н. Авазбаев, Ф. Абдуллаев (Ташкент). С. С. Атамирзаева. Экспериментально-фонетическое исследование наманганского говора узбекского языка	102
З. М. Валиуллина (Казань). «Материалы по татарской диалектологии», вып. III	104
И. Я. Гамидов (Баку). М. Гулузадэ. Бөйүк идеаллар шаири	105
С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов (Ленинград). Қ. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа	106
Р. Г. Азнагулов (Уфа). «Вопросы башкирского языкознания»	109
И. Е. Фадеева, А. Е. Мартынецв (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome III	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- З. Г. Ураксин, Р. Х. Халикова (Уфа). Вторая Южно-Уральская археографическая конференция 113
 Ю. М. Виноградов (Чебоксары). «Проблемы словосочетаний в тюркских языках» 115

PERSONALIA

- В. Н. Филюшина (Ашхабад). Мамед Назарович Хыдыров 118
 С. М. Исаев. (Алма-Ата). Толеубай Рахимжанович Кордабаев 119

ХРОНИКА

- «Роль взаимосвязи и взаимообогащения в развитии литературы Узбекистана» 121
 «Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке» 122
 «Западная группа говоров казахского языка» 122
 «Проблема создания образа коммуниста в казахской советской литературе» 123
 Международная фонетическая транскрипция 127

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- A. M. Scherbak (Leningrad). State of investigation and problems of compiling of etymological dictionaries of Turkic languages 3
 D. Kh. Bazarova (Tashkent). Towards etymology of some ancient turkic names of birds 11
 Kh. G. Nigmatov (Bukhara). Semantical and syntactical functions of cases in language of east-turkic manuscripts of the XI—XII centuries 23

LANGUAGES IN CONTACT

- G. F. Blagova (Moscow). Experience of area studying of turkizms 37
 M. A. Khabichev (Carachayevsk). Bagr, bagor 46

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- S. A. Galin (Sterlitamak). On one bashkir epic legends 49

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- I. R. Emelchenko (Gurev). A. I. Levshin as investigator of Kazakh language 56

REPORTS, SURVEYS

- I. G. Galyautdinov (Moscow). Forms of cases and their functional-semantic content in language of T. Yalsygulov's «Tarikh-namei bulgar» manuscript 66
 A. M. Abbasov (Baku). Some notes on afshars of Afghanistan 72
 E. A. Grunina (Moscow). About studying of semantic structure of tense forms of indicative 82

PUBLICATIONS

- L. Y. Tugusheva (Leningrad). Two uygur documents from manuscript collection of Leningrad section of Institute of oriental studies of Academy of sciences of USSR 92

REVIEWS

- S. Rizayev, N. Avazbayev, F. Abdullayev (Tashkent). S. S. Atamirzoyeva. Experimental-phonetic research of namangan dialects of Uzbek language 102
 Z. M. Valiullina (Kazan). «Materials on tatar dialectology» 104
 I. Ya. Gamidov (Baku). M. Гулузадэ. Бөјүк идеаллар шаири 105

<i>S. G. Klyashtorny, T. I. Sultanov</i> (Leningrad). <i>K. Sh. Shaniyazov. Towards ethnic history of uzbek peoples</i>	106
<i>R. G. Aznagulov</i> (Ufa). «Problems of Bashkir linguistic»	109
<i>I. E. Fadeyeva, A. E. Martynsev</i> (Leningrad). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome III	111

SCIENTIFIC LIFE

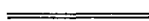
<i>Z. G. Uraksin, R. Kh. Khalikova</i> (Ufa). Second South-Ural archaeological conference	113
<i>Y. M. Vinogradov</i> (Cheboksary). «Problems of word-combinations in the Turkic languages»	115

PERSONALIA

<i>V. N. Filushina</i> (Ashkhabad). <i>Mamed Nazarovich Khydyrov</i>	118
<i>S. M. Isayev</i> (Alma-Ata). <i>Toleubay Rakhimjanovich Kordabayev</i>	119

CHRONICLE

«Role of interrelation and interenrichment in development of uzbek literature»	121
«Investigation on syntax of composite sentences in modern literary Turkish»	122
«West group of Kazakh language dialects»	122
«Problems of creation of communist image in kazakh soviet literature»	123
International phonetic transcription	127

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
У у — ы
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
V v — в	ŋ — н
G g — г	ng — н (ڭ)
G' g' — к (گ)	P p — п
Y y — ґ (غ)	R r — р
D d — д	S s — с
Ž ž — ж	T t — т
Ž̃ ž̃ — ч, дж (چ)	F f — ф
Z z — з	X x — х (خ)
Δ δ — 3 (ذ)	H h — h, x (ه, ه)
J j — j	C c — ц
Q q — ка (ق)	Č č — ч (چ)
K k — ке (ك)	θ θ — ҫ (ث)
L l — л	Š š — ш
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость

« С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я »

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1976 год

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ языковедческие и литературоведческие статьи широкого научного профиля по языкам и литературам тюркоязычных народов.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ статьи по истории тюркских языков, языковым связям, истории отечественной тюркологии.

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ также рецензии на тюркологические издания, обзоры, библиографии, хроникальные материалы и т. д.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами тюркской филологии.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

Стоимость подписки на год — 6 рублей.

Подписка принимается органами «Союзпечати», отделениями связи, почтамтами.

Индекс журнала 70927.

В розницу журнал не поступает.

1 руб.

Индекс
70927